ПИОНЕР 6

ИЮНЬ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Кто такой Артек

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Рисунки С. ОСТРОВА.

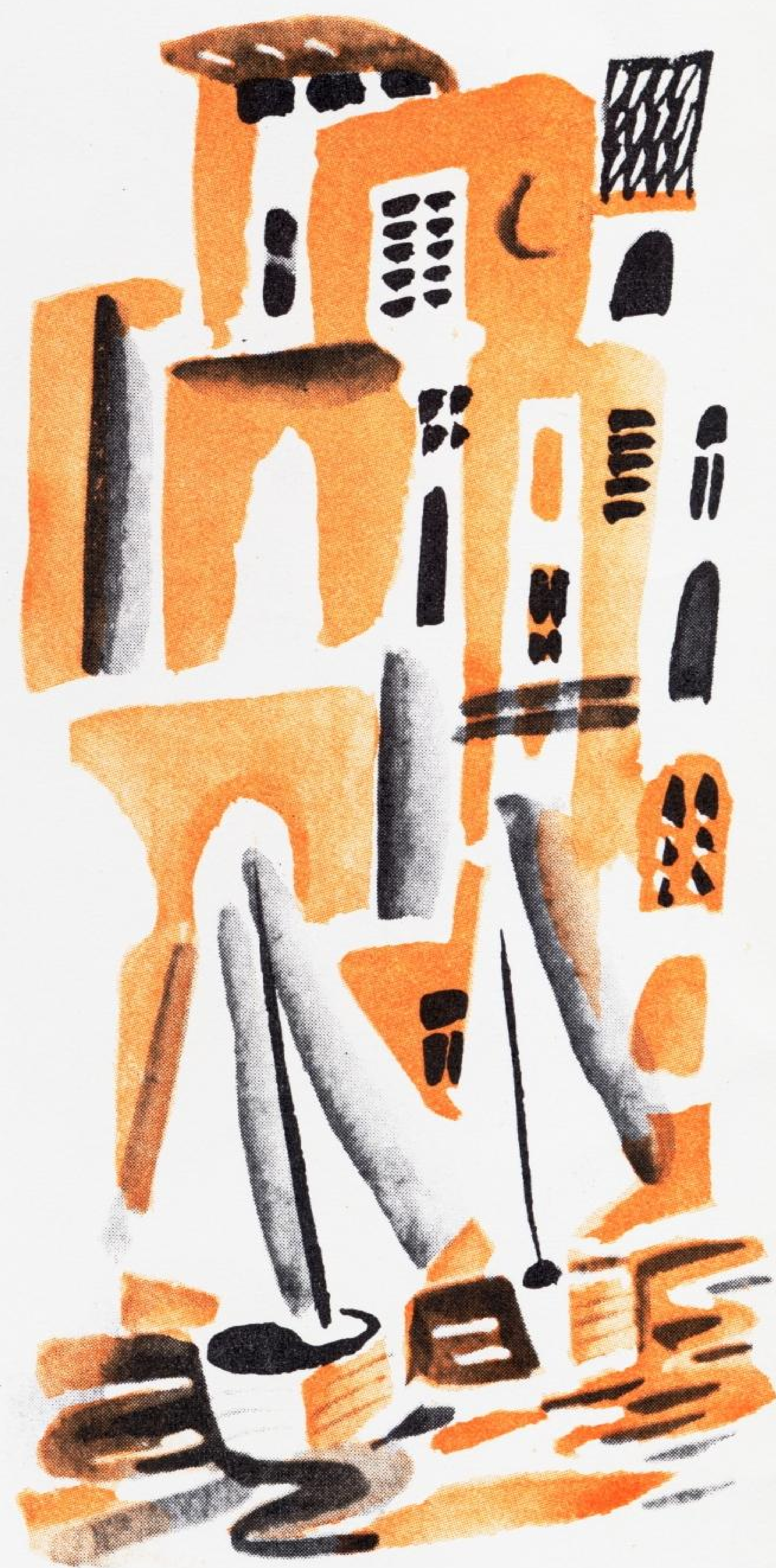
Находка

Калачиком свернувшись,
Дремлет ветер
На узкой и морщинистой скале.
Бока медуз
скользят в ячейках сети.
Пот
чешуей
сверкает на скуле.

Но это что?
И грек-рыбак проворно,
Согнувшись над кормой,
Провел веслом.
Залито сургучом
Бутылки горло,
И, значит,
Пахнет здесь
Морским письмом!

И дома над столом,
Тарелку отодвинув,
Рыбак, не торопясь,
Соскреб сургуч
И, повертев листок,
Окликнул сына:
— Здесь не по-нашему...
Прочесть я не смогу.

Им долго отпирал учитель двери,
Письмо крутил, не поднимая век,
И нараспев
с трудом,
как в классе первом,
Он прочитал:
— Свобода!
Мир!
Артек!

На берегу мальчишки
смолят лодку.
Мужское дело...
Но болтать не грех.
Мальчишки тихо шепчут
о находке,
Всерьез решая,
Кто такой
Артек!

У Аю-Дага

Бурят-мальчишка
С морем встретился.
Молча
Слушает прибой.
Рыбьим глазом
Галька светится
Там,
За пенистой каймой.
У девчонки нос облуплен,
Как соломинка, светла.
Жеребенком теплогубым
В руки тычется волна.
Поднялись,
Заслышав песенку,
И давай вперегонки!
И взлетают над
ступеньками
Косы,
локти,
каблуки.

Вот
Ни радуга,
Ни сполохи —
Корпусов разбег.
Над планетой
Красным солнышком
Вознесен Артек.

Он глазищами расцвечен.
Плещет говор
Всех наречий.
И в столовой,
И в строю,
И, в лицо
Смотря костру,
Тесно прижаты
Белые плечи,
Черные плечи.

Костер

Соскользнула тропинка с дороги
К дну оврага, в густые кусты.
— Кто идет? — приглушенно и
строго
Окликают внезапно посты.

И, услышав: «Заводы и
пашни!» —
Объясняют подробно маршрут.
Вот вожатая, чуть запыхавшись,
На поляну выходит к костру.

Поднимаясь на цыпочки, пламя
Приближает кораблик луны.
Ветер песню сдружил
с облаками
И понес по просторам страны.

Вкусно пахнет картошкой
печеной,
Головешки под палкой шипят...
Поднимался по темному склону,
Крепко за руки взявшись, отряд.

Спасибо, Юрий Алексеевич!

Можно трогать рукой каждый
винт!
Настоящее все —
не макеты!
Вот Беляева кресло стоит —
В нем лети хоть сейчас на ракете.

— Проверяйте!
Гожусь? Не гожусь?..
Пальцы я разжимаю с натугой,
Над собою со всеми смеюсь,
Испытанье пройдя центрифугой.

Друг тихонько толкнул меня в бок
И шепнул: «Нет
проблемы.
Для космических трудных дорог
Подготовимся,
выкроим время».

Там, где тюбиков ряд под стеклом,
Тянут шеи девчонки, как гуси.
— Прямо паста зубная...
— С борщом...
— Ты, смотри, чернослив!
— Ой, как вкусно!

А когда наш отряд поумолк,
Горделиво сказал нам вожатый:
— Сам Гагарин
Артеку помог
Для музея
Собрать экспонаты!
И меня словно шквал закачал:
Невесомость и тяжесть —
все сразу.
Словно в космосе
я
побывал,
Словно с космосом
дружбою связан!

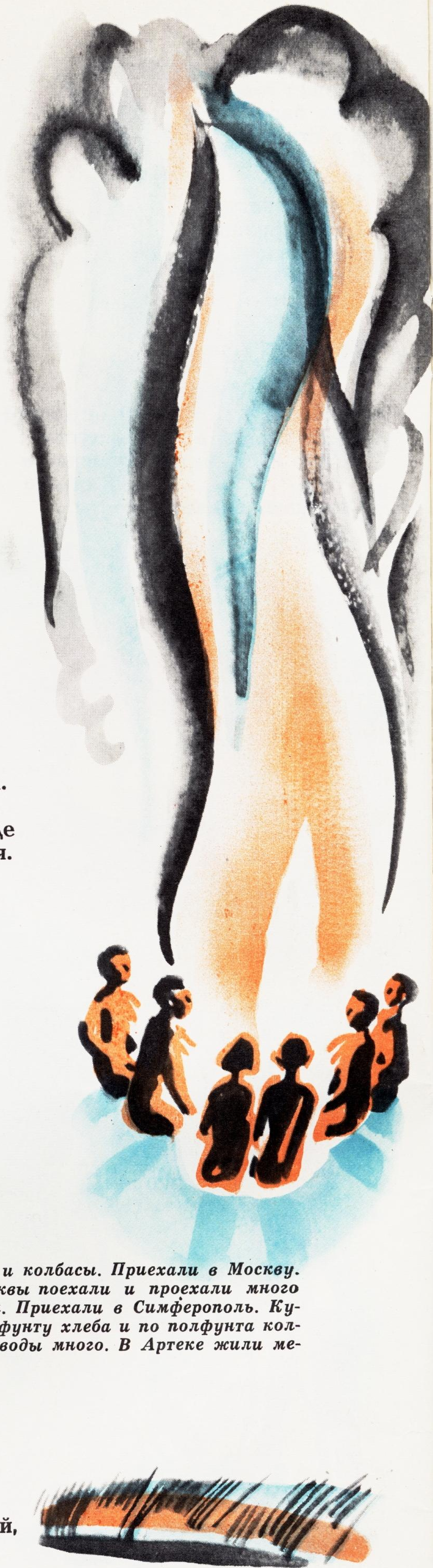

ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮНЬ 6
Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

Сегодня

я экскурсовод

Я стою и листаю тетрадку.
И хоть знаю в ней все
наизусть,
Открываю ее для порядка:
Может всякое быть —
вдруг запнусь!

В зале пусто.
Глаза фотографий
Обжигают. Я весь на виду —
Я от имени их биографий
Об Артеке рассказ поведу!

Я ребятам на снимках
ровесник,
И, хотя между нами года,
Я бы с ними сдружился
навечно,
Доведись мне родиться тогда.

Вот автобус подъехал к ограде.
В зале — галстуков
красных волна.
Две девчонки
в пришедшем отряде
На пять пальцев длиннее меня.

И от смеха и шума
оглохнув,
Я серьезно прошу тишины,
Замечая,
что смотрят не строго
Фотографий глаза со стены.

Вот Артек
двадцать пятого года.
Здесь палатки под ветром
шуршат.
То голодное время находит
Отражение в письмах ребят.

«Приехали в Нижний, купили хлеба и колбасы. Приехали в Москву. Обедали: щи с мясом и кашу. Из Москвы поехали и проехали много городов. В Курске пили чай с сахаром. Приехали в Симферополь. Купили колбасы и хлеба: на каждого по фунту хлеба и по полфунта колбасы. Потом поехали в Артек. В море воды много. В Артеке жили месяц. Кормили хорошо...»

Мы ребятам на снимках
ровесники.
Их фамилии
знает страна...
Их, глашатаев власти Советской,
Кулаки стерегли у плетня.

И они поднимались в атаки...
Это наших друзей имена,
Не увидевших флаг на
рейхстаге,
Обессмертила славой война.

Они были артековцами: Тимур Фрунзе, Иван Туркенич, Гуля Королева, Володя Дубинин, Рубен Ибаррури, Витя Коробков, Радик Руднев, Лиля Карастоянова, Лия Молдагулова.

Тишина все густее, все крепче.
Но вот, галстука тронув конец,
Салютует девчонка и шепчет:
— Раз артековец — значит боец!

Морская почта

На столе листки белы.
Хмурим лбы, в себя ушли.
Где слова,
чтоб стали хлебом,
Синим небом, звездным
небом,
Маяком для всей земли?

Вот они!
Дают разбег
Для любой мечты, для
всех...
И по общему согласью
Вывожу я цветом красным:
«Мир»,
«Свобода»
и
«Артек!»

Взяв деревья под бока,
Пляшет ветер трепака.
В удовольствие, в забаву
Он вдали над морем ставит
Парусами
облака.

Над водою низок борт.
Убыстряет катер ход.
Пена вьется за кормою,
Остается за горою
Наш артековский народ.

Летят письма кувырком!
Брызги — голубым снопом.
На волнах морская почта,
Запечатанная прочно,
Пламенеет сургучом.

И под крики: «Поскорей!
Почту к Африке прибей!»
Пел мальчишка из Алжира:
— ПУСТЬ УЗНАЮТ
В ЦЕЛОМ МИРЕ
О РЕСПУБЛИКЕ ДЕТЕЙ! ★

Главное в Артеке — ребята

Главное в Артеке — вы, ребята. Двадцать семь тысяч пионеров бывает в Артеке за один только год. Представьте себе, сколько это отрядов, звеньев, сколько разных мальчиков и девочек, веселых и задумчивых, замкнутых и доверчивых, энергичных и робких.

Заканчивается смена, ребята уезжают домой, девчонки плачут, даже у мальчишек слезы — семь лет работаю в Артеке и все никак не могу к этому привыкнуть. Потом ребята пишут нам письма, пишут, что никогда не забудут Артек. Как они всем нам, сотрудникам Артека, дороги. Одна непослушная девочка Таня ни за что не поверит, что у меня под стеклом на столе до сих пор хранится ее фотография. Мы всех помним. И непослушную, капризную Таню и Надю Павлову, известную всей стране талантливую балерину, лауреата международного конкурса. Для нас она деловой, инициативный член пионерского штаба Артека, скромная, серьезная девочка, без капельки зазнайства.

Мы помним Валеру Горблюка из Белоруссии и Фатиму Шукюрову из Баку. Это настоящие пионерские организаторы. Они как раз такие ребята, вокруг которых, где бы они ни появлялись, сразу собираются другие, сразу возникают интересные, важные дела. Не забыли мы и пятиклассницу из Молдавии Наташу Козиян — экскурсовода Артека. Она так рассказывала о лагере, как будто прожила в нем все время со дня основания, а ей всего-то двенадцать лет.

И вот когда я вспоминаю ребят, которые побывали в Артеке, я думаю, что из всех разных-разных характеров складывается один общий характер сегодняшнего артековца.

Артековец — настоящий коллективист. Человек ответственный, прекрасно понимающий важность пионерской работы, которую он выполняет. Артековец знает, чем живет его страна, что происходит за рубежом. Это добрый и отзывчивый человек. В Артеке, если попал в беду, тебе обязательно придут на помощь. Ну и, конечно, как все дети, артековец может быть чуть-чуть непослушным, иногда капризным, а порой даже зазнайкой.

Я вспоминаю мальчика Алешу, о котором говорили ребята на заседании пионерского штаба. Он занимался общественной работой для себя, а не для ребят. Стремился быть выбранным в актив, потому что это почетно. Таким ребятам, как Алеша, многое удается понять и изменить в себе за одну артековскую смену.

Артек — хорошая школа пионерского актива. Двадцать семь тысяч ребят возвращаются каждый год из Артека домой, во все уголки Советского Союза, умелыми организаторами пионерских дел. В своих отрядах и дружинах они рассказывают о том, чем живут пионеры других школ, городов, республик — в Артеке встречаются ребята из всех союзных и автономных республик, пионеры всех национальностей и народностей СССР.

Во всем мире Артек считают лагерем дружбы. К нам приезжают ребята из семидесяти стран мира. Каждый год в День Мира и Дружбы от пирса лагеря «Морской» отходит теплоход. Он везет в нейтральные воды «бутылочную почту» — письма детей в защи-

ту мира. В этот же день проходит конкурс рисунка на асфальте, конкурс политического плаката. Работают клубы интернациональной дружбы, проходят пресс-конференции «Разноцветные галстуки за круглым столом».

В Артеке ребята встречаются с людьми, чьи имена навсегда вошли в историю нашей страны, в историю человечества. В Артеке был Эрнст Тельман, Анри Барбюс, Джавахарлал Неру, М. И. Калинин, С. М. Буденный, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин, А. П. Гайдар, С. Я. Маршак, Л. А. Кассиль. В Артеке побывали многие наши известные спортсмены, ученые, артисты. Такие встречи для каждого артековца — память на всю жизнь.

Фрэнк Борман, американский космонавт, был в Артеке вместе со своими сыновьями, высокими, светловолосыми мальчиками четырнадцати и шестнадцати лет. Пожалуй, главное настроение, которое владело семьей Борманов в Артеке,— это растерянность. Они никак не могли представить себе, что государство может так заботиться о детях. Не родители, а государство. «Я сожалею,— сказал Фрэнк Борман,— что моим сыновьям не довелось отдыхать в таком лагере, как Артек».

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Артек сегодня — это удивительно красивый город, это огромные парки, в которых, не зная всех их дорожек, можно заблудиться, это море, это красивые здания. В доме пионерской учебы висят фантастические проекты будущего Артека. Их сделали ребята. Здесь и стеклянный тоннель, соединяющий скалы-близнецы Адалары, здесь корпуса новых лагерей, похожие на стеклянные шхуны, здесь космический корабль, который повезет артековцев на экскурсию не в Ялту и Севастополь, а на Венеру и Марс.

Если бы мне предложили создать проект будущего Артека, я бы не стал ничего придумывать. Все, о чем мечтаем мы и ребята, архитекторы и инженеры считают вполне реальным.

Они думают и о подводных батискафах возле скал Адалары, и о подвесной дороге от «Горного» лагеря к морю, и о высокогорном туристском лагере в Крымских горах, и о городке космонавтики, и о городке флоры и фауны Крыма, где будут собраны крымские растения и животные.

Но в отличие от некоторых мальчишек, увлеченных космическими кораблями и механическими подъемниками, я бы оставил в Артеке побольше зелени, солнца, нетронутых уголков природы.

Для нас, взрослых, главное, чтобы вы увидели Артек сказочным, удивительным. Мы хотим, чтобы для каждого пионера дни, прожитые в Артеке, были солнечными и радостными, запомнились на всю жизнь, чтобы лагерь помог ему стать настоящим организатором, воспитал преданность Коммунистической партии, Родине.

Я знаю, что все ребята любят Артек, мечтают приехать сюда. В письме Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу артековцы — делегаты VI Всесоюзного слета пионеров писали: «Мы — дети прекрасной, счастливой и могучей страны. Каждый день, каждый час мы чувствуем, как по-отечески заботится о нас Родина, Коммунистическая партия, Советское правительство. Спасибо, родная Коммунистическая партия, за щедрость, доброту и любовь к советским ребятам».

Е. РЫБИНСКИЙ,
начальник Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени пионерского лагеря «Артек» имени В. И. Ленина.

«ВЕРНИТЕ НАМ

Ваши сверстники в странах капитала живут не так, как живете вы. У детей бедняков и богатых, у детей рабочих и капиталистов — разная жизнь. Я расскажу несколько историй, которые прочитал в итальянских, западногерманских и американских газетах.

В. АНДРИАНОВ

СОРОК МИЛЛИОНОВ ДЕТЕЙ
в капиталистическом мире
должны работать,
чтобы не умереть с голоду.
БОЛЬШЕ ТРЕХСОТ МИЛЛИОНОВ ДЕТЕЙ
живут в нищете,
недоедают,
отстают в своем развитии.
Все дети должны учиться.
Но во многих странах
Азии, Африки,
Латинской Америки
лишь один ребенок из десяти
в возрасте от одиннадцати
до пятнадцати лет
ходит в школу.

РЫНКИ НЕЖНЫХ РУК

Итальянская газета «Коррьере делла сера» писала: «Все здесь напоминает о работорговле. Маленьких невольников ощупывают, осматривают со всех сторон, торгуются о цене».

Где это происходит?

На юге Италии, в провинции Бари, существуют «рынки нежных рук», где обнищавшие родители продают своих детей.

Когда состоялся суд над одним из таких «покупателей» детского труда, он заявил: «Что вы от меня хотите? У нас всегда так делалось».

Делалось и будет делаться. Правительство Италии мало заботится о том, чтобы защитить детей. Одиннадцатилетние девочки будут целыми днями за гроши прибирать громадные дома богатеев, бегать за покупками, стирать и гладить белье, прислуживать за столом и угождать капризным хозяйкам.

Девяти-десятилетние мальчики будут гнуть спину на полях помещиков по семнадцать часов в сутки. А те, кому уже исполнилось четырнадцать, будут выполнять на фабриках и заводах самую черную работу.

ОНИ ЖИВУТ В СТРАХЕ

Римский судья Лугано Инфелизи решился сделать то, на что не решался до него никто. По его распоряжению римская полиция проверила, как живут дети в приютах. То, что там происходит, потрясло воображение даже видавших виды полицейских.

С детьми обращаются жестоко. В одном приюте детей избивали за малейшую провинность. В другом — запирали в сырых, темных подвалах, приковывали на несколько дней цепями к постели, по нескольку дней не давали есть.

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ДЕТСТВО!»

Бледные, исхудавшие дети боятся разговаривать с посторонними людьми, они живут в вечном страхе.

В БАВАРИИ ЭТО НЕ РЕДКОСТЬ

Об этой трагедии рассказал западногерманский журнал «Квик».

В воспитательном доме Фрайхёльс (Бавария) во время прогулки во дворе упал без сознания мальчик. Вскоре мальчик умер от кровоизлияния в мозг.

Накануне ребята работали в поле. Этот мальчик подошел к воспитателю и пожаловался на сильную головную боль. Воспитатель накричал на него, обозвал мальчика симулянтом, ударил его палкой по голове. И мальчик продолжал работать. На другой день он погиб.

«ВЕРНИТЕ НАМ ДЕТСТВО!»

Такой демонстрации в Вашингтоне еще не бывало. К Капитолию отправились десятки тысяч детей. Они шли, крепко взявшись за руки, и пели старинную негритянскую песню «Слезы детей прожигают камни!».

Американские ученые-социологи, изучающие положение детей в Америке, пришли к такому выводу: «Америка — страна, которая ведет войну против собственных детей. Многие семьи и дети,— пишут они,— находятся в беде, беде настолько серьезной, что она угрожает будущему нации. Миллионы американских детей лишены одного из основных прав — права на образование».

...Дети шли к Капитолию. В руках у них были плакаты. На них написано: «ВЕРНИТЕ НАМ ДЕТСТВО!».

**Подсчитано,
что к 1980 году в мире
будет
ВОСЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ
МИЛЛИОНОВ
НЕГРАМОТНЫХ.
Каждую минуту
в капиталистическом мире
рождаются
ДВЕСТИ ДЕТЕЙ.
СОРОК ИЗ НИХ
умирают
на первом году жизни.
Из оставшихся в живых
сто шестьдесят
не получают
медицинской помощи
и поэтому часто болеют.**

Валентин ТАРАС

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ

«Аэлита»

Тюк-тюк-тюк! Тюк-тюк-тюк! Тюк — и по пальцам. Тюк — и снова по пальцам. По большому — до крови. Ноготь стал черным, а на стене лишь намек на дырку...

Но в конце концов Кирюха продолбил две дырки глубиной в половину мизинца. Теперь нужно было соорудить пробки. Для этой цели Кирюха использовал карандаш «Великан», отпилил от него лобзиком две продолговатые кругляшки, кое-как обстругал ножом и молотком загнал эти кругляшки в дырки. Дерево под молотком расплющилось, размочалилось, на стенке остались два бугорка. Надо было бы пройтись по ним рашпилем, подровнять, но Кирюха о таких тонкостях не подозревал и сразу

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. РУДАКОВА.

ЛЬВА

принялся вколачивать в пробки гвоздики. Тюк-тюк — вколотил. Можно было вешать полку.

Кирюха повесил полку, но оказалось, что она висит как-то косо. Даже очень косо. Просто криво. Однако полка все же висела, и он принялся цеплять на крючки все эти мялки, скалки и сбивалки. И — ш-шах! — полка оборвалась. Правда, не совсем. Она повисла на одном гвоздике и покачивалась, как деревянный маятник, который вот-вот остановится — тик-так, тик-так!

— Так, так! — раздался голос мамы. — Повесил полочку! Ну, молодец! Ну, спасибо!

Кирюха и не заметил, как вошла мама.

— Спасибо! — еще раз воскликнула мама. — Умница ты моя!

Тяжело вздохнув, Кирюха посмотрел на свои покрытые ссадинами руки.

Мама для Кирюхи — большой авторитет. Мама — на редкость энергичная женщина, о

таких говорят: кипучая натура. Мамину кипучую натуру знает весь город и даже вся республика, потому что мама у Кирюхи — комментатор телевидения. Раз в две недели она появляется на телевизионных экранах в передаче, которая называется «Клуб деловых людей», и десятки тысяч телезрителей смотрят эту передачу во все глаза.

И мама просто в отчаянии, что Кирюха у нее недотепа, что он абсолютно несовременный подросток. Хоккей его не интересует, футбол не волнует, техника не привлекает, математика не увлекает. И это очень странно, потому что его гороскоп указывает на склонность именно к точным наукам и ремеслам!..

Могут спросить, что такое гороскоп? Гороскоп — это из области астрологии, древней предшественницы астрономии. Астрологи гадали по звездам, которые якобы способны влиять на земные события и предопределять судьбы людей. Гороскопом же когда-то назывался астрологический прибор, по нему определяли взаимное расположение небесных тел в данную минуту. Считалось, что то или иное расположение этих тел в момент рождения человека предопределяет его характер и судьбу, поэтому гороскопом впоследствии стали называть не только прибор, но и само предсказание судьбы по звездам. Это, конечно, ерунда, но попробуйте доказать это Кирюхиной маме!

Кирюха родился в августе, согласно гороскопу — под созвездием Льва, а мужчина, рожденный под этим созвездием, должен иметь самый что ни на есть мужской характер. Он, как определяют звезды, должен быть исключительно мужественным, обладать сильной волей, иметь склонность к точным наукам, к технике и ремеслам. Из мужчин, рожденных под созвездием Льва, выходят ученые, изобретатели...

В конце концов мама пришла к выводу, что Кирюхин гороскоп искажает папа. Потому что звезды звездами, а воспитывать человека надо. Очень может быть, что в Кирюхе и заложены все эти качества, но развить их можно только мужским воспитанием. А папа, по мнению мамы, совсем не воспитывает Кирюху. Потому что папа вечно занят.

В настоящее время папа занят вот чем. В городе есть река, давным-давно обмелевшая. Реку должны вернуть к жизни, сделать ее полноводной, чистой и красивой. Город готовится к приходу большой воды: берега одряхлевшей реки берут в гранит, земснаряды углубляют дно, а весь комплекс надводных и прибрежных сооружений разрабатывает группа архитекторов во главе с папой.

И папа воюет. Он воюет против того, чтобы при спрямлении берегов и укладке гранита вырубали столетние плакучие ивы и березы. В заботе о деревьях папе снова некогда заниматься Кирюхиным воспитанием...

Вечером, сидя за столом в ожидании ужина и рассеянно просматривая газету, папа вдруг спросил у Кирюхи, почему Кирюха не сумел прибить полку?

Кирюха вздохнул:

— Не получилось...

Папа отложил газету.

— Сколько тебе лет? Если я не ошибаюсь, тринадцать? Голубчик, тебе тринадцать лет! В твои годы я ушел в партизаны! И мне было всего лишь четырнадцать, когда меня ранило в бою. А ты не в состоянии прибить какую-то полку! Неужели тебе не стыдно?

Кирюхе было стыдно, но не совсем понятно, какая связь между тем фактом, что папа в тринадцать лет ушел в партизаны, и тем обстоятельством, что он, Кирюха, не сумел прибить полку. И при чем здесь ранение?

А папа уже увлекся. Он всегда увлекается, стоит ему вспомнить о своем партизанстве. Расхаживая по комнате, он стал рассказывать, как в сорок третьем году его послали на связь с подпольщиками в город Молодечно, как он был ординарцем командующего партизанским соединением, как взорвал мост через речку Ислочь, небольшой, дощатый, но все же мост, как партизаны выходили из фашистской блокады...

Кирюха слышал все эти истории не раз, но все равно никак не мог представить папу тринадцатилетним партизаном. Ему казалось, что папа всегда был такой, как теперь: большой, немного грузный, с залысиной и в очках. И хотя в семейном альбоме хранится фотография мальчика с карабином за плечами и с гранатой у пояса, этот худенький мальчик в деревенской одежде никак не связывается в Кирюхином представлении с папой.

— В тринадцать лет человек должен быть вполне самостоятельным, — говорил между тем папа. — А ты даже полку прибить не можешь. И это печально.

В комнату вошла мама, принесла чай, поставила чайник на подставку и спросила:

— Может быть, мои мужчины все же прибьют полку? Она висит на одном гвозде, но сама я к ней не притронусь.

Папа рассеянно посмотрел на маму, раскрыл было рот, но тут зазвонил телефон.

— Здравствуй, пропащая душа, — раздался из прихожей, где стоит телефон, обрадованный папин голос. — Ты почему не заходишь? Целый месяц тебя не видел. А? Что? Понятно. Когда? Через неделю? Увы... — Голос у папы поскучнел. — Это невозможно. Что поделаешь, у меня другая река на уме. Нет, Тоня тоже не может, у нее отпуск в октябре. Что? Кирюху? — Папа почему-то засмеялся. — Куда ему!.. Нет, нет, мы его в лагерь отправляем. В лагерь, говорю, в «Орленок». Что? Да, жаль, конечно... Может, зайдешь перед отъездом? — Папа попрощался с «пропащей душой», положил трубку и вернулся к столу. Мама спросила, разливая чай по стаканам:

— Олег звонил?

— Олег, — вздохнул папа, и вид у него был почему-то виноватый. — В поход зовет, по Неману. Он с Иваном отправляется через неделю. Вот неугомонный человек!..

— Да,— вздохнула мама, и лицо ее стало грустным.— А мы, как всегда, не можем!.. Чертыхался, небось?

— Чертыхался,— сказал папа.— Вы, говорит, хоть бы Кирюху своего со мной отправили, если сами закисли. Чудак.

И вот тут-то подал голос Кирюха:

— Я не хочу в лагерь!

Папа и мама повернулись к нему одновременно и одновременно воскликнули:

— Вот как?!

— Не хочу! —упрямо сказал Кирюха.— Не поеду я в лагерь.

— А куда ты поедешь? — сердито спросила мама.— Ты что, решил все лето проваляться на тахте с книжкой?

— Я хочу на лодке,— задрожавшим от волнения голосом сказал Кирюха,— с Олегом Александровичем и дядей Иваном!

— На лодке?! — озадаченно воскликнул папа.— Хм! Ты полагаешь, очевидно, что это прогулка? И потом, ты ведь не умеешь плавать! — развел он руками.

— Научусь! — мрачно сказал Кирюха.— А в лагерь все равно не поеду!

— Ну, хватит! — сказала мама.— Как мы решим, так и будет. Ясно? Пей чай и ложись спать!

Ах, как смутил Кирюхину душу звонок папиного друга, художника Олега Александровича!.. Кирюха много раз видел его лодку. Она стоит во дворе Олега Александровича, который живет на окраине города в деревянном доме с мансардой. Она стоит, как ракета, обтекаемым носом вверх, принайтованная цепью к стене сарая. Называется лодка «Аэлита». Кирюха трижды прочел роман Алексея Толстого о марсианской девушке Аэлите, всякий раз, когда он видит лодку, его охватывает ощущение тайны, ощущение неизведанного. А-э-ли-та!.. А-э-ли-та!.. А-э-ли-та!..

И вот теперь, когда человека готовы взять на «Аэлиту», о чем он и мечтать не смел, собственные родители чинят ему всякие препятствия.

...В окно светит молодая луна, небо в звездах, и среди них пробирается крохотная золотая искорка. Это спутник. Всякий раз, когда видишь спутник, звездное небо зовет тебя к себе. Плывет луна, мерцают звезды, золотистая искорка мелькнула в последний раз и пропала, канула в звездную бездну, но совсем нетрудно представить, как она летит в этой бездне, не искорка — «Аэлита», серебряная лодка на стрежне Млечного Пути.

Засыпая, Кирюха слышит, как толкуют о чем-то мама и папа. О чем они толкуют? Что решают?

Это выясняется утром.

— Хорошо, ты пойдешь в поход с Олегом Александровичем и Иваном. Но учти!

— Да, учти!

Они не говорят, что именно нужно учесть, но обрадованный Кирюха готов учесть все, что угодно.

— Мне даже начинает нравиться эта идея,— чуточку нервно говорит мама.— Пусть учится быть мужчиной.

И папа тоже решительно подтверждает:

— Да, пусть учится. Пусть узнает, почем фунт лиха.

...Как просто к человеку приходит счастье!

Отплытие состоялось не через неделю, а через три. Целых три недели подряд Кирюха являлся к Олегу Александровичу и работал как каторжный! Лодку нужно подготовить к походу: соорудить для нее тент, приспособить боковые отсеки для продуктов, починить мотор. Тент должен был крепиться на убирающихся стояках, которые Олег Александрович решил сделать из дюралевых ножек и спинок старых, негодных раскладушек. Вот эти-то ножки и спинки Олег Александрович и доверил Кирюхе: он вручил ему ножовку и велел распилить их на рейки необходимой длины. Кирюха был поражен тем, что железо пилят, но за дело взялся с энтузиазмом. Правда, в первый же день на ладонях у него появились багровые волдыри. Кирюха в страхе потрогал волдыри: они были податливо упругие, под ними перекатывалось что-то жидкое, должно быть, кровь.

— Нормальные трудовые мозоли,— успокоил Кирюху Олег Александрович.

К исходу третьей недели мозоли стали твердыми, а лодка преобразилась: она, когда на ней для пробы поставили тент, стала похожа на самый настоящий кораблик с каютой. Можно было спускать ее на воду. Наступил день опробования мотора, опробовали его в бочке с водой.

Мотор работал на ять! Он то брал басовую ноту, ровно рокотал, то звенел с переливами, как реактивная турбина, то выл, как пикирующий истребитель, то мирно тарахтел, как трактор в поле,— послушно переходил с режима на режим. Кто бы мог подумать, что мотор этот — хитрое и коварное существо, что он лишь притворился послушным и подвластным человеку двигателем внутреннего сгорания?.. Никто не мог так думать, и оставалось только дождаться того дня, когда «Аэлита» станет на воду и — «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там»!

— Завтра! — сказал Олег Александрович.— Завтра утром, ровно в семь, сюда придет грузовик и доставит нас вместе с лодкой на берег Немана. Мы станем на воду в районе Березовки — там Неман и глубок и широк. Ясно? Все по домам. Сбор в шесть утра!

— Как в шесть? Почему так рано? — удивилась дома Кирюхина мама.— То тянули, то у них пожар?

Она растерялась и разволновалась, как будто Кирюхин отъезд был для нее полной неожиданностью. И папа разволновался:

— Хм! Значит, вы все-таки поплывете!

— Новое дело! — изумился Кирюха.— Конечно, поплывем! Мы станем на воду в Березовке.

— В Березовке! — эхом откликнулся папа. — В Березовке в сорок третьем году наш отряд форсировал Неман. Это же мои партизанские места!

— Это же мои места! — горячо говорил он назавтра Олегу Александровичу и Ивану там, во дворе, возле лодки, куда он примчался на такси ровно в шесть вместе с Кирюхой и мамой. — Это же мои места! Я не был там тридцать лет! Послушайте, там есть такая деревня, Братыши, в ней жил один парнишка — Юзик Боровяк. Передадите ему привет от меня и эту книгу...

И неожиданно для всех папа выхватил из-под своего плаща том Марка Твена из подписного издания «Библиотека всемирной литературы».

— Понимаете, — волновался папа, — в сорок третьем наш отряд целую неделю стоял в Братышах. Мое отделение располагалось в хате у Боровяков. Понимаете? Я рассказывал этому парнишке, Юзику, про Тома Сойера. Очень ему нравилось! Братыши были глухой деревней, там до тридцать девятого года, при панах, ни школы не было, ни библиотеки. А когда мы уходили из Братышей, я пообещал Юзику после войны подарить Марка Твена... А потом... Словом, когда я услыхал про Березовку — все вспомнилось!.. Братыши где-то недалеко от Березовки, вниз по течению.

— Прекрасно, — сказал Олег Александрович, — но ты забыл, что этот парнишка Юзик Боровяк давно уже не парнишка, а такой же лысый дядя, как ты.

— Да, — растерялся папа, — действительно!.. Юзик Боровяк мой ровесник. Но книгу все-таки нужно передать ему!.. Кирюха, поручаю это тебе...

И папа собственноручно запихнул книгу в Кирюхин рюкзак.

А потом зафырчал мотор, во двор въехал грузовик с прицепом, лодку быстренько водрузили на прицеп, привязали стальными тросами, и Кирюхина мама быстро-быстро заговорила о том, чтобы Кирюха не пил сырой воды, не ходил босой, берег горло, чистил зубы, чтобы он не перегревался, не переохлаждался, не перекупывался и при всем при том был человеком!

И вот они погрузились — Олег Александрович с Кирюхой в кабину грузовика, рыжий бородатый Иван в кузов вместе со спиннингами и рюкзаками, на которые уселся радостный пес Балабон. Грузовик медленно выехал со двора, медленно проехал по переулку, волоча за собой прицеп с «Аэлитой» — она была похожа на связанную тросами громадную птицу с красным клювом. И вот эта связанная покамест птица с красным клювом-бушпритом помчалась вслед за грузовиком по темной реке асфальта, по утреннему шоссе, еще влажному от ночного тумана, и запахи росы, придорожных цветов и вянущего сена витали над ним, а когда шоссе стало белесым от солнца и запахло раскаленным асфальтом, грузовик свернул на проселочную дорогу, запрыгал по ухабам, и «Аэлита» на прицепе закивала клювом. Машина остановилась, и Кирюха увидел из оконца кабины широкую гладь реки.

Опаленные сосны

«Аэлита» мчалась по стремнине.

Неман становился все шире, мощнее, правый берег круче, обрывистее, на нем росли огромные сосны, их обнаженные корни исполинскими змеями сползали с берега и у самой кромки темной воды уходили в толщу песка. А то вставали на берегу стройные мачтовые сосны, целый час тянулась справа по борту медноствольная корабельная роща. Левый берег был низкий, над водой и в воде стояли ивняки, а за ними расстилался ярко-зеленый луг, и по нему расхаживали голенастые аисты. Завидев лодку, они запрокидывали кверху свои длинные красные клювы, и даже сквозь тарахтение мотора доносился с луга аистиный стрекот, как будто кто-то проводил палкой по частому забору. Далеко-далеко паслись на лугу лошади и коровы, оттуда долетал с ветерком сладкий запах примятой, нагретой солнцем травы.

Кирюха никогда не видел ни такого леса, который тянулся по правому берегу, ни такого раздольного зеленого луга, не знал, что этот луг называется пойменным, как не знал, что птицы, которые проносятся низко над водой и печально вскрикивают, касаясь ее крылом, зовутся чибисами, или, по-белорусски, канями. Он знал городских голубей, воробьев и ворон, а чибисов он не видел даже на картинках, на картинках он видел аистов, а живых аистов увидел впервые в жизни — вблизи города, в котором он жил, их давным-давно не было и в помине.

И никогда он не слышал такой тишины!.. Тарахтение мотора, плеск воды у бортов, печальные крики чибисов лишь подчеркивали эту тишину, как подчеркивал ее безмолвный ритм нескончаемой череды сосновых стволов на правом берегу...

Все были задумчивы и немного грустны: и Олег Александрович, который сидел рядом с Кирюхой и смотрел прямо перед собой, и рыжий Иван, который, сидя на корме, у мотора, правил «Аэлитой», и пес Балабон, свернувшийся калачиком у ног Олега Александровича. Такую грусть называют светлой, она всегда охватывает людей на дикой природе, особенно на большой реке. Кирюха никогда не испытывал такой грусти, такой легкой печали, такого задумчивого покоя, и ему было хорошо смотреть на эти бесконечные колонны береговых сосен, на аистов, на серую озабоченную цаплю — устало махая крыльями, она перелетела через реку впереди лодки, опустилась у неподвижной воды небольшого затона, поджала под себя одну но-

гу, спрятала клюв под крыло. Вот она уже осталась позади, одинокая сутулая цапля, и туда, к ней, тянулся, светлея на темной речной глади, длинный след от винта.

— Хорошо!..— вздохнул Олег Александрович, и Кирюха вздохнул глубоко-глубоко, и пес Балабон вздохнул от избытка чувств, еще удобнее свернулся калачиком — ему тоже было хорошо.

Иван вдруг прибавил газу, и «Аэлита» помчалась еще стремительней, запрыгала по волнам, нос ее приподнялся, и волны мощно стали бить по нему, разлетаясь в обе стороны крупными, тяжелыми брызгами. Мелкие брызги окутали лодку серебристой водяной пылью. Иван закричал во всю мочь: «Ого-го! Э-ге-гей!» И оба берега повторили эхом: «Ого-го-го-го-го-о-о-о! Э-ге-ге-гей-ей-ей!..» И целая туча береговых ласточек, стрижей косо метнулась над водой от берега до берега, завихрилась в смерч, и смерч этот круто ввинтился в небо.

— Осторожно! Налетишь на мель! — крикнул Олег Александрович и вскочил с места, и пес Балабон вскочил, восторженно залаял, и Кирюха выпрямился во весь рост, раскинул руки, как крылья, и река мчалась ему навстречу, как посадочная полоса мчится навстречу самолету, а Иван с хохотом закладывал крутые виражи.

Неман в этих местах не судоходный, он только кажется здесь привольной водной дорогой, а на самом деле фарватер его петляет и кос, закосков, заманих, или, иначе говоря, всяких мелей, на нем не счесть. Олег Александрович беспокоился не зря: винт внезапно застучал по дну, заскрежетал, и мотор заглох; «Аэлита» налетела на песчаную мель.

Олег Александрович взялся за весла, кое-как вывел «Аэлиту» на середину фарватера. Иван с виноватым видом принялся заводить мотор. Завелся мотор почти сразу, но стал вести себя странно: прежде чем переключить его на передний ход, нужно было какое-то время обязательно проплыть задним, пятиться, иначе переключение не получалось. А потом он вообще потерял ход, работал только на холостых оборотах, к тому же — на одном цилиндре.

Олег Александрович с Иваном молча копались в моторе, сняли колпак и озабоченно изучали «мозговые извилины», а Кирюха перебрался на корму и разглядывал железное нутро мотора. Он уже разбирался, где цилиндры, где карбюратор, где бензоотстойник, где магнето, и понимал, что именно вывинчивает Олег Александрович: не какую-то там штуковину без названия, а свечу. А вывинчивает он ее потому, что она либо отсырела, либо слишком замаслилась, поэтому у нее пропала искра, отчего в одном из цилиндров не происходит зажигания, и, чтобы искра появилась, свечу нужно хорошенько прокалить.

Было удивительно приятно понимать, что к чему, и казалось, что он и сам смог бы разобраться в неисправности и что пальцы у него стали такими же верткими, ловкими и сильными, как у Олега Александровича и рыжего Ивана.

Что-то похожее, должно быть, испытывал и пес Балабон, он просовывал голову под руки Ивана и Олега Александровича, деловито тыкался носом в раскрытый мотор и усиленно вертел хвостом — помогал! Но Олег Александрович сердито велел ему не вертеться под руками, а Кирюхе велел садиться на весла, потихоньку грести, удерживать лодку на фарватере, с которого ее то и дело сносило течение, прибивало то к одной мели, то к другой.

Пес Балабон послушно ушел в нос лодки и улегся на рюкзаки, а Кирюха уселся на прежнее место Олега Александровича и уверенно взялся за весла. Увы, он не ожидал, что они такие тяжелые, что они вязнут в воде, как если бы это был густой кисель,— не повернуть ни туда, ни сюда! Но он все-таки греб, налегал на весла изо всех сил, и скоро у него заныли плечи, спина, шея, даже затылок заболел, стал как чугунный, а ладоням было горячо и колко, как тогда, когда он пилил ножовкой железо.

Он на минуту оставил весла, глянул на ладони, ожидая увидеть на них кровавые мозоли, но мозоли были обыкновенные. Розовые, правда, но твердые. Нормальные трудовые мозоли, как сказал некогда Олег Александрович. И Кирюха снова взялся за весла, стараясь теперь грести так, как это делает Олег Александрович,— он и не погружает весла слишком глубоко и не «стрижет» ими поверхность воды.

Но если у Кирюхи дело пошло, если он почувствовал себя намного увереннее — у него и плечи стали как бы шире и грудь как бы раздалась,— то Олег Александрович и рыжий Иван прямо-таки на глазах теряли уверенность и деловитое спокойствие. Они стали переругиваться, отталкивать один другого от мотора, размахивать руками... Пес Балабон решил, что они дерутся, и бросился выручать хозяина, но Олег Александрович стал кричать, чтобы Балабон не лез, куда его не просят, чтобы он сидел смирно и не мешал людям расколдовывать этого железного урода, этого заглохшего сфинкса, именуемого почему-то лодочным мотором. Ошарашенный Балабон в замешательстве попятился и растерянно загавкал.

И вдруг в ответ послышалось глухое рокотание, тяжелый медленный грохот, как будто где-то сгружали булыжник. На реку, на берега стала наползать тень, хотя в небе безмятежно светило солнце. Но вот лодка потихонечку прошла длинную излучину, поросший сосновым бором правый берег утратил очертания подковы, распрямился, бор больше не загораживал горизонт, и все увидели впереди громадную грозовую тучу. Она еще была далеко, но от нее уже веяло тревожным холодом, и все катился, катился, катился неповоротливый булыжник грома, и огненные пики молний пронзали иссиня-сизую толщу тучи.

— Надо ставить тент,— сказал Олег Александрович.

Иван возразил:

— Как же пойдешь под тентом на веслах? Надо причаливать, ставить палатку, пока не поздно. Гроза будет здесь минут через сорок. Все равно причаливать надо, на ходу мы этому железному ишаку мозги не вправим. Снова по винтикам перебирать придется.

Причаливать решили к правому берегу, хотя он был здесь очень крутой, высокий, с узенькой кромкой песка у воды. Левый был хотя и низкий, удобный для причаливания, но заболоченный — палатку на нем не поставишь.

На узкий пляжик втащили «Аэлиту», поставили на ней тент, по крутому откосу кто с палаткой, кто с набитым провизией рюкзаком, кто с мотором на плече вскарабкались наверх, где уже раскачивались, шумели под грозовым ветром золотисто-медные сосны.

У Олега Александровича и Ивана был большой опыт ставить палатку, не прошло и десяти минут, как белый домик с ярко-оранжевой крышей стоял под соснами. На стенах и на крыше не было ни морщинки, капроновые шпагаты растяжки были натянуты, как струны, и Балабон, обегая домик, перепрыгивал через них, как цирковая собачка. Это было несолидно, но Балабона веселила приближающаяся гроза, он совсем не боялся грома, не пугался молний, прыгал и даже кувыркался, мешая всем окапывать палатку.

И вот, когда все уже было готово, когда крупные, хотя и редкие еще капли забарабанили по оранжевой крыше, когда нужно было залезать в домик, Кирюха, отойдя в сторону, вдруг увидел, что стволы всех сосен обожжены. Они были обожжены не целиком, а только со стороны реки, черная, обугленная кора виднелась на них, как копоть, но, когда Кирюха провел рукой по одной из сосен, обугленные места оказались твердыми наростами.

— Смотрите! — закричал Кирюха. — Здесь все сосны обгорели!

Олег Александрович и рыжий Иван недоверчиво оглянулись, стали разглядывать сосны.

— Странно, — сказал Олег Александрович. — Лесной пожар здесь прошел, что ли?

— Не похоже, — заметил Иван, — не похоже на пожар. Почему они только с одной стороны обгорели?

Но Кирюха уже догадался в чем дело.

— Молнии! — воскликнул он. — Сюда бьют молнии! Здесь очень высокий берег!..

Кирюхе даже жутко стало от такой догадки. Он никогда не видел, как молнии бьют в сосны, но он читал в книге «Человек и стихия», что гроза особенно опасна на высоких местах, а здесь было очень высокое место!..

— Шут его знает, — озадаченно сказал Иван, — может, юнга прав?

И только он это сказал, как молния сверкнула совсем рядом и гром не бабахнул, а треснул, как будто громадный сук отломился от дерева, и показалось, что запахло серой.

— Снять палатку! — скомандовал Олег Александрович. — Живо!

В мгновение ока они выдернули из земли металлические штыри, стали сгребать в охапку опавший брезент палатки, и Кирюха подбежал, тоже стал сгребать его в охапку, а в следующее мгновение, на ходу укрываясь брезентом от хлынувшего ливня, они уже бежали к обрыву, кубарем скатились к самой воде.

Балабон в недоумении остался на обрыве, он не понимал, почему люди разрушили домик с оранжевой крышей, растерянно смотрел сверху на груду ткани, в которую превратился домик. А ливень хлестал вовсю, шерсть на Балабоне облипла, прилизалась, из довольно крупного, пушистого пса он превратился в невзрачного, худенького песика. Но он не обращал внимания ни на гром, ни на молнии, ни на ливень, он спустился вниз, принялся обнюхивать намокший брезент, под которым барахтались Олег Александрович, Иван и Кирюха.

Им было очень неуютно под брезентом, потому что они вымокли до нитки: только натянутый палаточный брезент не пропускает воду. Кроме того, им было душно, они чувствовали себя, как в мешке, прямо-таки задыхались, и вскоре повыползали друг за дружкой на белый свет, красные, распаренные, и все трое, как по команде, облегченно выдохнули: «Ф-ф-ф-у-у-у!» И задрали головы: что там, наверху?

Наверху шел уже не ливень, а теплый крупный дождь, и, как будто кто-то убегал с громыхающим в руках листом кровельной жести, отдалялся гром, слабый отсвет молний озарял верхушки сосен — гроза оказалась стремительной и короткой.

— Мда-а, — сконфуженно произнес Олег Александрович. — Мы вовремя убрались!.. Все сосны горят!..

— Очень высокий берег!.. — вздохнул Иван. — Молодец, юнга, догадался...

Они оба покосились на Кирюху и расхохотались.

Но Кирюхе было не смешно, он был не то что удивлен, а просто потрясен и, как ни странно, разочарован до глубины души: ожидал увидеть береговые сосны горящими, как факелы, а они стоят себе как ни в чем не бывало, только медь стволов потемнела от ливня, и дрожат на иглах мириады прозрачных капель!..

— Внимание, сюда приближается абориген! Сейчас мы узнаем тайну Берега Обожженных Сосен, — сказал Иван.

Абориген оказался дедуней в длинном, до пят, брезентовом балахоне с откинутым на спину капюшоном, в руке у дедуни была суковатая палка. Вид у него был сердитый.

— Добры дзень, — поздоровался дедуня по-белорусски. — Вы тутока весла не бачили? Не плыло по Неману?

Никто не успел даже поздороваться в ответ, как дедуня заговорил сердито, словно продолжал давно начатый разговор:

— Мне это весло в десять рублев обошлось! Доску ясеневую раздобыл да еще этому заплатил, чтоб сделал. Ясеневое оно, брат, весло, а не что-нибудь. Из липы разве весло? Липовое, оно воду берет. Так берет, что как булава ста-

*— Фф-у-у-у! —
облегченно
выдохнули все.—
А что там, наверху?*

новится, хоть ты вола им забивай. А ясеневое воду не берет. Известно, ясень! Это, я тебе скажу, дерево! Дак погнал их нечистик ночью на Нёман, а я, дурень старый, «чайку» им свою дал и весло ясеневое. Упустили и весло и «чайку» и сами чуть не потопилися. Одного дак сеткой вытащили, что рыбину, а каб не сетка, утопился бы! А теперика он мне гроши дает, чтоб ему пусто было! Ты мне весло отдай, что мне твои гроши? Где я доску ясеневую возьму? Про это ты подумал?

Сказано, конечно, было немало, но пришлось довольно долго выяснять, что к чему, а дедуня сердился, когда его стали расспрашивать, кому он платил за весло, кто его делал, кто и почему чуть не утонул, что такое «чайка».

— Кто делал! Василь Пенкрат делал, кто еще?

— Кто «чайку» взял? Параски Самусенковой сын, он из армии вернулся, гуляли вчера, а потом девчат стал переправлять на тот берег, девчата из Нелюбов, а Нелюбы на той стороне, не знаешь, что ли? Толик Самусенков и кульнулся в Нёман, хорошо, в «чайке» сетка была, девчата его сеткой и выловили. Да у берега выловили, у берега! «Чайка» тоже перекулилась, дак сетку девчата успели ухватить, а «чайка» уплыла, и весло уплыло!.. Лодки-долбленки у нас «чайками» зовут. От не знают люди! — пожал плечами дедуня, не понимая, как это кто-то может не знать, что весла мастерит Василь Пенкрат, что Толик Самусенков вернулся из армии, что деревня Нелюбы на той стороне Немана, что «чайка» — это лодка-долбленка.

— Дак не видели весла? — переспросил он. — Ну, ладно, побуду тутока с вами, а после еще пошукаю, может, где и прибило к берегу.

Дедуня, усевшись прямо на мокрый песок, просунул руку за пазуху, вытащил матерчатый пестрый кисет, развязал его и стал сворачивать «козью ножку» — бумага и спички были у дедуни в кисете, вместе с махоркой.

— Дедуня, — задал наконец мучивший Кирюху вопрос Олег Александрович, — почему здесь, на берегу, все сосны обгоревшие? Пожар тут был или молнии в них бьют?

— Тоже сказал, молнии! — усмехнулся дедуня. — А вы, я вижу, переполохались, это мне теперика понятно! А то гляжу: стоит лодка, крытая, справная, не лодка, а целый корабель, а людцы сидят мокрые, хатка ихняя не поставлена, свалена в кучу.

Дедуня прикурил, пыхнул дымом, и вдруг посерьезнел, посуровел.

— Не молнии это, хлопчики. Угадали — пожар. Тут в войну на том берегу пристань была, теперика и следу от нее не осталось. Так ту пристань партизаны спалили. Ветер, помню, поднялся, пламя аж через Нёман шугало, вот сосны и обгорели с наветренной стороны.

Он задумался, вспоминая, долго смотрел наверх, на сосны, вздохнул.

— Тридцать годов прошло, столько разов сосны кору меняли, а след того огня не свели!.. Лес, как народ, войну помнит.

— А вы сами тоже были в партизанах? — спросил Иван.

— А как же! — воскликнул дедуня. — Был. Тут скрозь все деревни партизанские. Нелюбы, Селищи, Руничи, Гайновка, Братыши. Я сам из Гайновки, недалеко отсюдова.

— Вы сказали — Братыши? — вспомнил тотчас же Олег Александрович. — А вы не знаете там такого Юзика Боровяка?

— Боровяка? — задумался дедуня. — Боровяка!.. Есть в Братышах Боровяки. Христина Боровяк, Микола Боровяк, Винцесь Боровяк... А Юзика что-то не знаю. Может, и есть такой, там половина деревни Боровяки. А что, знакомый альбо родич?

— Да нет, дедуня. Отец вот этого молодого человека, — Олег Александрович кивнул на Кирюху, — партизанил в войну в ваших местах, бывал в Братышах. Вот он и знал того Юзика. Правда, Юзик тогда пацаном был, и отец этого молодого человека тоже был совсем молодым парнишкой. Четырнадцать лет ему было тогда, он был в отряде «Гроза». Андрей Пирожков его звали, может, встречали, запомнили? Не так уж много пацанов было в партизанах.

— Отряд «Гроза» был не тутэйший, — сказал дедуня, — он сюда из Ивенецкой пущи пришел, из-под Воложина, я из того отряда никого не знаю, ни дорослых, ни хлопчиков. А хлопчики были в партизанах, были, да!.. Теперика и не верится, что такие вот сыночки воевали!..

Дедуня ласково смотрел на Кирюху, ласково и задумчиво, и теперь у него был очень добрый, тихий голос, и слеза набегала на выцветшие голубые глаза, тихая слеза воспоминаний.

А дедуня уже отвлекся от своих воспоминаний, расспрашивал:

— Вы, значит, путешествуете? Рыбку ловите? Рыбки в Немане поменьшело, но поймать можно. У вас этот — как его? — спиннинг? Или сеточкой ловите?

— Не пробовали мы еще рыбки, дедуня, — сказал Иван, — мотор у нас кочевряжится, мы за ним света белого не видим! Все чиним и чиним. А вообще-то у нас спиннинги и удочки. Сетью не балуемся, мы не браконьеры.

Тут дедуня снова стал сердитым, стал говорить о том, что взрывчаткой глушат рыбу, а ее и так все меньше становится, потому что Неман мелеет. Его заносят пески, а заносят потому, что поредел лес вокруг, а он реке батька родной, он ее стережет и дает ей силу.

— Ну, ладно! — Он быстренько встал, подобрал свою палку, стряхнул с балахона налипший песок. — Пройду вниз по реке еще с километр, может, где и прибило весло. Ясеневое весло, это тебе не липа!..

— Липа воду берет, — улыбнулись Иван и Олег Александрович, добродушно сказав это в один голос. — Липа воду берет!..

А Балабон проводил его до ближайшего поворота реки, остановился, приветливо помахал на прощание хвостом. Балабону тоже понравил-

ся этот чудной дедуня, который с незнакомыми людьми разговаривает так, словно знает их сто лет.

— Славный старикан, — сказал Олег Александрович. — Типичный белорусский дед, — сказал Иван. — А вот мы типичные городские пижоны! Без техники передвигаться не можем и починить ее не умеем. Кроме того, мы бросили эту самую технику там, наверху, когда отпраздновали труса, и бросили неприкрытой. А колпак, если мне не изменяет память, с мотора был снят. И дождик, само собой, залил свечи и, возможно, проник в цилиндры. И, стало быть, всю эту чудесную технику снова придется разбирать до последнего винтика. А лично я хочу ловить рыбу, хочу купаться, валяться на травке, писать пейзажи. Я не хочу решать технические задачи.

Иван сказал все это без раздражения, лениво, расслабленно, и Олег Александрович ответил также расслабленно:

— Не решай, милый, пиши пейзажи, лови рыбу. В конце концов никто нас не гонит, можно стоять здесь хоть неделю.

Но тут же Олег Александрович и Иван встали и, вздохнув, полезли наверх.

Солнце давно высушило черничник под соснами, одежда на всех тоже высохла. Балабон стал еще более пушистым, чем был, и весело бегал вокруг разостланной под соснами полиэтиленовой скатерки, на которой Олег Александрович и Иван разбирали мотор.

Солнце, однако, было каким-то размытым, в воздухе припаривало, далеко перекатывались медленные громы.

— Где-то там, за тем бугром, на телеге едет гром, — продекламировал Олег Александрович. — Едет гром гремучий, борода из тучи!

— Сам придумал? — спросил Иван.

— Сам! — гордо ответил Олег Александрович.

— Плохо! — безжалостно заключил Иван. — Гром на телеге, а борода из тучи свисает. Картинка!

— Ладно, — согласился Олег Александрович, — переделаем. Пожалуйста. На телеге за бугром бородатый едет гром. Борода, как туча!..

— Дальше будет — круча! — иронически продолжил Иван. — Туча-круча, гром-бугром!.. Рифмы-то старенькие! Разве они могут двигать стих? Как эти первобытные цилиндры лодку!

— Ничего, вся русская классика — от Пушкина до Твардовского — на таких рифмах едет! Это, милый, как колесо, чья форма, как известно, принципиально не изменилась со времен древних колесниц.

— Ну, конечно, мир на деревянных колесах движется!

— Миром движет голова, которая, между прочим, тоже круглая, — сказал Олег Александрович, — а в ней колесики вращаются. И вот результат этого вращения; один из первобытных цилиндров не работает потому, что пробило катушку трансформатора. Полюбуйся!..

— До чего умная голова, — сказал Иван, разглядывая черно-ржавую подпалину на обмотке катушки. — Если она к тому же не забыла запасную, то это просто гениальная голова!

— А ты думал!

Несмотря на шутливое подначивание, руки у них у обоих двигались быстро и сноровисто — через полчаса мотор был собран. Иван и Кирюха стащили его с обрыва, Олег Александрович спихнул «Аэлиту» с песка на воду, зашел к носу, взялся за бушприт и стал выводить лодку на глубину.

Сняли тент, подвесили мотор, Иван рванул пусковой шнур — мотор заработал мощно и ровно; «Аэлита», широко и свободно разворачиваясь, стала выходить на стрежень. Берег Обожженных Сосен остался позади.

Ловись, рыбка...

Гроза продолжала погромыхивать где-то неподалеку. Небо снова затянуло тучами, на реке было пасмурно и тихо, чуть-чуть накрапывало. Но тент не подымали, любовались сумрачным покоем берегов, слушали тишину.

«Аэлита» шла медленно, мотор тарахтел совсем негромко. Теперь с ним управлялся Олег Александрович, Иван ловил рыбу, потому и шли малым ходом.

За лодкой тянулись лески двух спиннингов, далеко позади изредка выскакивала на поверхность то серебристая, то красная блесна. И еще удочки были опущены в воду — две с левого борта, две с правого. Время от времени Иван трещал катушками спиннингов, сматывал леску, вытаскивал удочки, но пока еще ни одной рыбешки не удалось поймать — в приготовленном для рыбы синем пластмассовом ведерке с водой плавали травинки.

Но рыба в реке была, не какие-нибудь рыбешки, а солидные рыбины проплывали в глубине рядом с лодкой: Кирюха видел в толще зеленоватой воды их темные спины, растопыренные плавники, видел, как, круто вильнув хвостом, они уходят в сторону от лодки. И Балабон их видел, настороженно смотрел в воду, подрагивал ушами и загривком.

Впереди показался островок, казалось, что это охапка свежего сена невесть как-то очутилась здесь, застряла посреди реки. Течение плавно колыхало длинные зеленые космы травы, волнистые «русалочьи волосы». И поверх них медленно кружилось на одном месте небольшое деревянное весло, трава удерживала его.

— Весло! — закричал Кирюха. — Весло! Вон там весло того дедушки!

Олег Александрович выключил мотор, приподнял его над водой, чтобы водоросли не облепили винт, Кирюха налег на весла, стал торопливо подгребать к островку.

— Куда?! — заорал Иван. — Куда вас несет?!

Он затрещал катушкой одного из спиннингов, тут же оставил ее, бросился выхватывать удочки, но было уже поздно — крючки зацепились за стебли травы, бамбуковые удилища выгибались дугой.

«Аэлита» подошла впритык к островку, и Олег Александрович, перегнувшись через борт, подхватил легкое самодельное весло, даже, пожалуй, не весло, а веслышко.

— Да куда там дедуне было дотопать до него! Километров на двенадцать снесло!

— Дедуня! Дедуня! — разъяренно крикнул Иван. — Все лески теперь пропали, обрывать придется! И блесны, небось, запутались. Далось вам это весло! Вы что, назад поплывете, дедуню своего искать?

«Аэлита» долго дрейфовала вокруг островка: Иван, смирив свою ярость, терпеливо, сантиметр за сантиметром вытаскивал лески, осторожно их подергивал, то отпускал, то снова тянул к себе, сучил их в пальцах и не оборвал-таки ни одной лески, не оставил в реке ни одного крючка! А вот блесна одного из спиннингов пропала, оборвалась, как Иван ни старался.

Наконец к борту лодки медленно подтащился громадный буро-зеленый ком водорослей. Иван подхватил его, стал распутывать травяные нити, освобождать блесну, и под пальцами живым серебром сверкнула рыбья чешуя. Это был здоровенный окунь, он задохся в траве, жабры его были плотно сомкнуты. Окунь, должно быть, заглотнул блесну на подходе к островку или еще раньше.

— Ишь какой здоровило! — обрадованно сказал Иван, вырывая блесну из разинутой пасти окуня. — Давно я таких красавцев не брал!

— Хорош! — Олег Александрович уважительно смотрел на рыбину.

Иван опустил окуня в пластмассовое ведерко с водой.

— Начало есть, братцы!

А Кирюху будто что-то колючее больно царапнуло в ту минуту, когда Иван вырвал блесну из пасти рыбы, он старался не смотреть на ведерко, в котором белым брюхом вверх плавал мертвый окунь.

— Ты чего, юнга? — спросил Иван. — Что с тобой? Устал?

— Не-а... — мотнул головой Кирюха. — Я так... Я подумал... дедушка тот весло ищет!..

— Вот прибудем в Братыши и вернем, — сказал Олег Александрович. — А чего наш Кирюха сник, я знаю. Ему окуня жалко. Всю жизнь рыбку ел, но думал, что ее так и добывают — жареной да фаршированной. А, Кирюха?

Олег Александрович дюралевым веслом «Аэлиты», как шестом, отталкивался от мели, окружавшей островок, Иван перебрался к мотору, ждал глубины.

— Ничего смешного нет, — сказал он серьезно. — В самом деле, только что плавал в реке эдакий красавец, а мы его на блесну!..

Он помолчал и спросил все так же серьезно:

— Ты что, никогда не видел, как рыбу ловят? Не видел?

— Ты не думай, мне тоже бывает жалко, — просто сказал Иван. — И окуня, и цыпленка, и зайца, которого, бывает, на охоте добудешь. Да что поделаешь? Понимаешь, люди не должны истреблять животных бездумно, бессмысленно, не должны быть по отношению к ним злобными и жестокими, но есть-то они должны? А стало быть, и охотиться должны, и рыбачить, и всякую живность разводить.

— Однако никто не хочет быть съеденным, даже комар, — засмеялся Олег Александрович. — И тебя явно мучают угрызения совести, иначе ты не развел бы целую философию вокруг своего окуня!

— Мучают, — вздохнул Иван. — Но я хотел сказать, что животные в наше время могут сохраниться только благодаря человеку. Звери, птицы, рыбы. Мы без них обойтись не можем, но и они без нас тоже. Диалектика.

— Ну, положим, они прекрасно обошлись бы без нас, — насмешливо возразил Олег Александрович.

Иван открыл было рот, но тут Балабон лизнул его.

— Мир в лице мистера Балабона благодарит тебя за гуманное отношение! — воскликнул Олег Александрович и торжественно встал во весь рост. — Да здравствует милостивый царь природы! Да здравствует царь Иван Добрый!

— Я не понимаю, почему Балабоном зовут твоего пса? — пожал плечами Иван. — По-моему, это твое имя!

Иван рванул пусковой шнур, мотор взревел, за кормой забурлила, заклокотала вода — они давно уже отплыли от островка, давно под ними была глубина, но за разговором Иван не спешил запускать мотор.

Все рокотал и рокотал медленный гром, все так же тихо и сумрачно было на реке, все так же накрапывало. Было похоже на то, что гроза переходит в затяжное ненастье.

Правый берег стал ниже, лес на нем поредел, все чаще показывались вытоптанные поляны, видно было, что здесь недавно пасли скот, — в траве чернели следы пастуших костров.

— Судя по всему, деревня близко, — сказал Олег Александрович. — Надо полагать, Братыши.

— А как мы вернем весло? — оживился Кирюха. — Попросим знакомых того дедушки, чтобы передали?

Тут он вдруг удивился своим словам:

— Дядя Олег, мы же не знаем, как того дедушку зовут! Как же мы попросим?

— А зачем просить? — улыбнулся Олег Александрович. — Мы его посылкой пошлем.

— Посылкой? — еще больше удивился Кирюха. — Кому?

— А Толик Самусенков на что? — сказал Олег Александрович. — Тот самый, который дедунино весло упустил? Название деревни нам известно: Гайновка. Вот мы и отправим посылку в

Гайновку на имя Анатолия Самусенкова. Он будет счастлив немедля отнести дедуне весло. Ты себе представляешь, как дедуня этого бедного Толика поедом ест? «Липа воду берет, это тебе не ясень!» Но у тебя в Братышах другая важная задача — найти Юзика Боровяка.

Между тем справа показался длинный выгон, на котором паслись вместе и кони, и коровы, и овцы. Кони и коровы позванивали привязанными к шее большими железными колокольчиками, овцы блеяли, перебегая с места на место, пастух в длинном брезентовом балахоне, таком же, в какой был одет давешний дедуня, стоял у берега и смотрел на лодку.

Иван сбавил ход, взял ближе к берегу, крикнул пастуху:

— Братыши?

— Братыши! — отозвался пастух. — С полкилометра еще проплывете, мосточки увидите! А за ними на горке Братыши!..

И действительно, пройдя небольшую излучину, они увидели у берега помост из гладких жердей, кладки, на которых полощут белье, — такие кладки и называются по-белорусски мосточки, мостики. К ним с обрыва спускалась тропинка, а наверху, на обрыве, стояла деревня. Они видели не всю деревню, а лишь несколько хат, на тесовых крышах хат торчали телевизионные антенны...

Берег вдавался в реку широким полукругом, образуя полуостров, на котором росли старые плакучие березы. Одна из них стояла у самой воды, купая в ней ветви, а у комля березы лежал громадный валун, черный от копоти многих костров, отпылавших под его гранитным боком, — круг кострища угольно чернел в луговой травке. Темная, синевато-свинцовая, как тучи в небе, вода, черно-белые стволы берез, их темнозеленая ручьистая листва, как бы стекающая по опущенным печально ветвям, древний валун и след костра.

— Какое место! — крикнул Иван. — Очей очарованье! Я уже влюбился в эти Братыши!

«Братыши... ты-ши... ты-ши!» — повторило эхо на берегу, и волна, бегущая от винта «Аэлиты», прошелестела по прибрежному песку: «Браты-ш-ш-ш-и!»...

Иван направил «Аэлиту» к полуострову. Вода тяжело и лениво прогибалась под лодкой, затихающая волна была медленной и пологой — признак того, что здесь нет прибрежной мели, глубина начиналась у самого берега.

— Мы будем стоять здесь тысячу лет! — сказал Иван. — Чует мое сердце, что здесь такая рыбалка, такая рыбалка!..

— Славное место! — согласился Олег Александрович, спрыгнул с носа лодки на берег, стал распутывать намотанный на форштевень трос, чтобы привязать лодку.

Кирюхе тоже нравилось это место, и Балабону нравилось: выскочив на берег, он как угорелый носился от березы к березе и тявкал от избытка чувств. Разве мог он знать, добрый пес Балабон, что здесь произойдет через три дня?.. И Кирюха, выйдя на берег, не мог знать, какая здесь стрясется беда, и никто ничего не мог знать — всем нравилось это место.

Нужно было ставить палатку, спешить с костром — дождик уже не накрапывал, а частил полегонечку, быстро набегали сумерки, хотя на часах было всего лишь семь вечера. Тучи на небе превратились в беспросветную хмарь, гроза покатила свои громы куда-то далеко-далеко, совсем уже не было их слышно. Тишина обложного дождя опускалась на полуостров.

Кирюха насобирал сучьев, свалил их на старое кострище возле валуна и попытался развести костер, пока Олег Александрович с Иваном ставили палатку. Но ничего у него не получалось, хотя он старался делать все так, как это делал Олег Александрович или Иван на прошлых стоянках: сложил тонкие прутики «колодцем», один прутик тоненько обстругал перочинным ножиком, так, чтобы стружка висела на кончике прутика, зажег спичку, завитки стружки дружно вспыхнули, и он сунул этот крохотный факел в «колодец». Однако сгорела только стружка, стенки «колодца» не схватились ее пламенем, они даже не обуглились. И Кирюха начал все сначала.

Он извел полкоробка спичек, но костерок даже не дымил. Кирюха совсем приуныл, съежился, тренировочный костюм на нем стал мокрым, пальцы неуклюжими, толстыми какими-то. Он все чиркал и чиркал спичками, а сам косился в сторону Олега Александровича и Ивана, которые давно уже поставили палатку и теперь перетаскивали из лодки надувные матрасы, спальные мешки, рюкзаки.

Подошел Балабон, сочувственно посмотрел на Кирюху, на унылую охапку сучьев, прилег на траву рядом с Кирюхой с таким виноватым видом, как будто это ему никак не удавалось разжечь костер.

— Не горит? — раздался веселый голос Ивана. — В чем дело, костерной?

— Дождик, — уныло сказал Кирюха, не оборачиваясь.

— Дождик костру не помеха!

Иван поправил сложенные «колодцем» прутики, выпрямился.

— Ты все делаешь правильно, юнга, но нерасторопно, скучно, понимаешь? Как будто заранее уверен, что ничего у тебя не получится. Веселей надо, энергичней! Раз-два! Раз-два!

И странное дело!.. Хотя Иван разжигал костер тем же способом, что и Кирюха, все у него получилось: вспыхнула стружка на кончике прутика, от нее загорелись стенки «колодца». Иван быстро опустился на четвереньки и сильно дунул на огонь. Схватились пламенем сучья, затрещали. Тут уж и Кирюха стал на четвереньки и принялся дуть на огонь изо всех сил — пламя загудело, лицу стало жарко, легкий парок пошел от одежды.

— Вот и порядок! — сказал Иван.

Пламя весело рвалось ввысь, обнимало жаркими рыжими лапами бока алюминиевой кастрюли, подвешенной над костром к походной треноге. Вкусно пахла в кастрюле гречневая каша,

заправленная говяжьей тушенкой. Пес Балабон даже повизгивал от предвкушаемого удовольствия.

Ели кашу в палатке, откинув полог, ели и смотрели на костер, на дождик, который никак не мог его погасить, хотя и входил в силу. Все слышнее шелестел в листве плакучих берез. Всем было хорошо и спокойно под крышей палатки, и дождик шуршит по ней уютно и дремотно.

Кирюха забрался в глубь палатки, прилег на надувной матрас и не заметил, как уснул. Проснулся он только на следующее утро. Его разбудил Олег Александрович, сказал, что уже девять часов, что дождик все моросит, что Иван, взяв с собой Балабона, часов в пять, если не раньше, ушел на рыбалку, что рыбалка отменная. Иван уже наловил целое ведерко красноперок и окуней. Час назад он принес первый улов и тотчас ушел куда-то далеко, его больше не устраивают окуни и красноперки, он хочет наловить лещей. Пока Иван рыбачит, они, Олег Александрович и Кирюха, должны сходить в деревню, купить там яиц и молока, а главное, найти Юзика Боровяка и вручить ему том Марка Твена. И отправить в Гайновку дедунино весло.

— Так что собирайся, — сказал Олег Александрович, — сбегай к реке, умойся и позавтракай жареной рыбкой. Айда!

Дождик моросил теплый, и вода в реке была теплая; Кирюха засучил штаны, вошел в воду на полшага от берега — дальше сразу начиналась глубина, темная, опасная и в то же время влекущая к себе; Кирюхе вдруг захотелось нырнуть в эту темную глубину, поплыть по этой, казалось, медленно и лениво текущей воде стремительными саженками. Но тут же в испуге попятился, схватился за борт «Аэлиты» — ведь он не умеет плавать!..

Он залез в лодку, нашел рюкзак, в котором лежала книга, вытащил ее и вздохнул: все-таки придется знакомиться с этим неведомым деревенским мальчишкой Юзиком Боровяком!.. О чем и как с ним разговаривать?

Кирюха совсем забыл, что этот Юзик давно не мальчишка, что он папин ровесник.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Тишина обложного дождя опускалась на полуостров. Тучи на небе превратились в беспросветную хмарь.

Алые

пилотки

Нечерноземье — это огромный край,
где живет почти половина населения России.
Здесь много индустриальных центров,
и среди них Москва и Ленинград.
А земля здесь не очень богатая.
Много «неудобицы» — болотин, косогоров,
на которых хлеб не растет.
Миллионы гектаров надо привести в порядок,
превратить в пашню, луга, пастбища.
В ответ на постановление
Партии и Правительства
комсомол объявил Нечерноземье
своей ударной стройкой.
А где в этой огромной,
рассчитанной на многие годы работе
место пионеров?
Не могут же ребята стоять в стороне!
Хочу рассказать вам о моих земляках —
бубновских школьниках.
Охрана хлебной нивы —
вот одна из главных пионерских забот.
НАЧАЛОСЬ ВСЕ
С УРОКА ЭКОНОМИКИ.

И. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Урок экономики

В школу пришел Иван Петрович Горбачев, экономист. Он всех в колхозе считать заставил: трактористов, доярок, телятниц. Теперь и до ребят очередь дошла. Дал он тогда такую задачку:

«Дано: на гектар поля высевается примерно два с половиной центнера зерновых, или около семи миллионов зерен. Колос весит полграмма. От Кузьминского до Бубнова два километра напрямую. Кузьминские жители, чтобы покороче бегать в магазин, проложили через поле тропу шириной в тридцать сантиметров.

Требуется узнать: сколько хлеба затоптали кузьминские?»

По этой тропинке бубновские ребята сами два раза на дню бегают: в школу и из школы. И почему-то никогда не задумывались, что хлеб затаптывают. Вообще с тропинками интересно получается. Засеют трактористы поле — чистое, ровное, ни одного следочка. А утром поглядел мальчишка — кто-то уже прошел. Ну и сам тоже бежит. Даже и в голову не приходит, что большой убыток колхозу наносит.

— Так вот, — продолжал Иван Петрович, — наш колхоз сеет две тысячи гектаров зерновых. Мы подсчитали: ненужные дороги и тропинки в прошлом году «съели» в среднем по центнеру зерна с гектара. Стало быть, двести тонн. Скорми колхоз этот хлеб скоту, можно было бы дополнительно надоить двести тысяч литров молока!

А теперь займемся решением задачки. На гектаре у нас выросло, скажем, семь миллионов колосьев. А на квадратном метре сколько? Разделили семь миллионов на десять тысяч. Получается семьсот колосьев. Зерен в среднем колосе, будем считать, — полграмма. Значит, на квадратном метре выросло 350 граммов хлеба. Теперь высчитаем площадь тропинки. Помножим длину на ширину, то есть 2 тысячи метров на 0,3 метра. Получаем 600 квадратных метров. Дальше совсем просто: 350 граммов умножаем на 600. В итоге — 210 килограммов. Значит, кузьминские «скороходы» затоптали два с лишним центнера хлеба.

Вот тут-то ребята и почесали в затылках.

Хлебный патруль действует

Хорошо помогла задачка Ивана Петровича. Поглядели ребята вокруг и ахнули: сколько всяких ненужных дорог и тропинок на полях! И по хлебу ходят, и по льну, и по клеверам. В колхо-

время, когда куску радовались. После войны чистого хлеба долго не ели. Сейчас богаче стали и позабыли, что тонны из граммов складываются.

Бригадир был очень доволен ребятами. Когда началась уборка, на току от них прямо отбоя не было: все старались помочь. Теперь-то, правда, на току сплошь машины, но старательным всегда работа найдется. То лопатить зерно, то подмести, то мешок подержать... Словом, молодцы пионеры!

зе двадцать деревень, от каждой, словно паутина, разбегаются в разные стороны дороги и дорожки. Все, конечно, не закроешь, людям и в магазин надо ходить, и в лес, и на работу, но лишних набито, проторено много.

Решили на дорогах такие щиты поставить: «Раз по полю пройдешь — килограмм хлеба украдешь» «Хлеб — богатство колхоза, берегите его».

Женя Стрельцов, самый первый начальник штаба хлебного патруля, рассказывал мне:

— Устроили мы засаду. Сидим, ждем. Видим, наши колхозники идут. Прямо на тропинку через хлеб поворачивают. А мы тут как раз щит вкопали. Они, наверно, здорово удивились. Прочитали, посмеялись и... пошли вкруговую. Мы, конечно, радовались: сознательные.

Конечно, сознательные. Сами хлеб растят, знают, как он достается. Только не всегда об этом помнят. А ребята напомнили.

Николай Алексеевич Тарантасов, знаменитый бригадир тракторной бригады, потом говорил:

— Пристыдили наши ребятишки «скороходов». По всему колхозу пошла молва о заботливых пионерах. Вспомнили люди: а ведь было

«Спасибо за помощь!»

Похвала такого человека, как Николай Алексеевич Тарантасов, много значит. Его бригада свое слово сдержала: дала с гектара двадцать пять центнеров хлеба. А до этого получали по семнадцать. Вот и подумайте, какой это труд — в один год дать прибавку восемь центнеров. Есть тут и пионерская доля.

Иван Петрович Горбачев любит все на счеты положить. Дела пионерского «Хлебного патруля» он тоже в цифры перевел и сказал:

— Ну что ж, орлы, пожалуй, тонн двадцать пять могу уверенно на ваш счет записать.

Ободренные успехом, ребята и на следующий год продолжали свою работу. Снова бригада Николая Алексеевича двадцать пять центнеров собрала, а колхоз в целом — двадцать четыре. Обязательство по экономии, взятое на три года, перевыполнили за два, сберегли одиннадцать тысяч двести тридцать рублей.

Выполнили трактористы и второе свое обещание — часть денег, которые сэкономили, передали школе на покупку трактора, оркестра, спортивного оборудования.

Вот как живут и работают в Бубновской школе, что под городом Зубцовом на Верхней Волге.

Давайте вместе подумаем

Есть у нас знаменитое озеро Селигер. К нему каждый год приезжает четверть миллиона туристов. Представьте себе, что каждый из них, собирая васильки, затопчет только один ржаной колос, только один раз пройдет по льняному полю, только одно кострище оставит после себя на лугу... Представьте и поймете, какой большой урон будет нанесен хозяйству.

В наших краях нет степей. Поля у нас очень маленькие, а красивых озер, речек, перелесков, где приятно отдохнуть, порыбачить, пособирать грибы, очень много. По субботам и воскресеньям сотни тысяч горожан выезжают «на природу». Едут на машинах, мотоциклах, электричках, разбивают палатки на лугу, ходят к речке или озеру через посевы.

Я далек от мысли обвинять всех в несознательности, хотя есть и такие. Большинство просто забывает, что к чужому труду надо относиться так же бережливо, уважительно, как к своему собственному. Земля наша общая, народная, и все, что на ней растет, это наше богатство, наше благополучие, наша сила. Пионерские патрули и должны напоминать об этом некоторым «забывчивым» туристам, шоферам-лихачам, торопливым скороходам. Честь и слава пионерам, которые создают зеленые и голубые патрули!

Но вот однажды я был свидетелем такого случая. Школьная экспедиция проводила учет муравейников в приволжских лесах. Остановились ребята на ночевку, надо костер развести. Пошли в лес да прямо через пшеничное поле. Такую дорогу проложили, так помяли хлеб, когда хворост волочили, — верную сотню пудов загубили. А ведь заботливые ребята! Но, заботясь о муравьях, почему-то не подумали о хлебе.

Хлебная нива нуждается в защите ничуть не меньше, чем леса и реки. Даже больше. В наших краях уже многие пионерские дружины встают на охрану сельскохозяйственных угодий. Я думаю, ни один пионер не откажется принять участие в этом важном и нужном деле.

ИТАК, ЗА РАБОТУ, ДРУЗЬЯ!

г. Ржев.

Борис ДУБРОВИН

НА ЗАСТАВЕ

Дом — в пламени рассветного огня,
И окна — молчаливые бойницы.
Зарю высокогорную храня,
Алеет тускловато черепица.

Похоже: связки пулеметных лент
Образовали крышу над заставой.
Окрашенная в необычный цвет,
Труба над крышей
Перископом встала.

А у солдат короткий перерыв,
И позади отвесные утесы...
Дозорные, оружье разрядив,
В курилке разминают папиросы.

Улыбкою смягченные глаза
Утрачивают медленно суровость...
Их тучами касались небеса,
Их вкрадчиво притягивала пропасть.

И не один на режущем ветру,
На высоте, что многим и не снится,
Припомнил с благодарностью игру,
Совсем будто недавнюю— «Зарницу».

И взгляд следит за тающим дымком,
За дымкой облаков на перевале,
За той скалой, где за полночь огнем
Цепочку нарушителей порвали.

Последний завершая разворот,
Минуя подступающие горы,
Здесь на посадку ласточка идет,
К восходу возвращаясь
Из дозора.

И короток, как вырвавшийся вздох,
Ее полет,
И крыльев взмах неслышен.
Но ласточки округлое гнездо —
Как серый дот
Под черепичной крышей.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Во Всесоюзном штабе Тимура хранятся флаг I Всесоюзного слета тимуровцев в Артеке; карта, которая рассказывает о жизни А. П. Гайдара, и другая карта — она рассказывает о том, как ребята идут дорогами Гайдара; тимуровский штурвал, книги, сувениры. А еще — ваши письма. Их очень много. Они в объемистых папках, в шкафах и просто на столе. И почти в каждом — вопрос, мнение, совет. Очень легко можно представить, что за нашим столом собираются ежедневно тимуровцы всей страны и ведут важный разговор о лете. Слышите?

ТАНЯ ВАКУЛЕНКО, СЕЛО ВИСТОВАЯ, ИВАНО-ФРАНКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ:

— Каждое лето в нашем пионерском лагере «Строитель» работает штаб Тимура. Надо помочь совхозу на прополке — мы на прополке, надо помочь на сенокосе — мы сушим сено, сметываем его в стожки, помогаем грузить на машины. Потом тут же на лугу устраиваем для старших концерт... Эти дни запоминаются лучше всех летних дней.

СВЕТА ГУДКОВА, ПОС. САДОВЫЙ, ТРЕТЬЯКОВСКИЙ Р-Н, АЛТАЙСКИЙ КРАЙ:

— У семиклассников нет экзаменов, а у нас есть один. Дело в том, что еще в сентябре на торжественной линейке мы приняли обязательство нашу школу содержать в полном порядке — «Два года без ремонта»! И вот недавно экзамен состоялся: строгая комиссия приняла школу с оценкой «отлично».

СЕРЕЖА ХОДЫШЕВ, ОСТРОВ ДИКСОН:

— Лето у нас совсем короткое, большинство ребят в это время уезжает на материк. А те, кто остается на острове, помогают взрослым, нянчат малышей, потому что детский сад летом закрывается на месяц. Родители спокойно доверяют ребятам своих детей. Такой у нас край — здесь без помощи друга пропадешь.

СЕРЕЖА САЗОНОВ, ТИМУРОВСКАЯ КОМАНДА «ГОРН», МОСКВА:

— Однажды мы решили пересадить на пустырь еще один тополь. К нам подошла компания ребят постарше. «Что, — говорят, — вкалываете? Ну, валяйте, а мы поглядим». Мы пытались поднять дерево, но оно было очень тяжелым. «Давайте поможем»,— предложили парни. Приподняли дерево, бросили его на землю и с хохотом отбежали в сторону. Один из них, Володя из 849-й школы, остался с нами, помог. Мне кажется, в этот день мы одержали победу, хотя тех парней было больше...

АБДУЛ - НАСИР АМИНОВ, Г. ДЕРБЕНТ, ДАССР:

— Правильно говоришь, Сережа. Если дело настоящее, ребята обязательно за него возьмутся. Так было и в нашей школе-интернате, когда мы взялись помогать ребятам, которые приехали к нам в интернат из района землетрясения в Буйнакске.

Две недели мы ходили на консервный завод — перебирали овощи, а заработанные деньги, 250 рублей, перечислили в фонд помощи пострадавшим от землетрясения. Конечно, на эти деньги даже совсем маленького домика не построишь, но когда мы видели, как проходят мимо нас поезда со стройматериалами и продовольствием в Буйнакск, становилось радостно на душе — в этой помощи был и наш вклад.

ОТ ШТАБА: Откровенный разговор еще не окончен, он обязательно продолжится. Ты хочешь принять в нем участие? Тогда напиши нам, как работает твоя тимуровская команда, отряд, штаб, какие возникают трудности, вопросы. О чем ты хотел бы поговорить, посоветоваться, а может быть, и поспорить со своими друзьями-тимуровцами.

ОПЕРАЦИЮ «КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ ТИМУРА» ВЫПОЛНЯЕМ!

ПОИСК ВЕДУТ «ОРЛЯТА»

В майском номере «Боевого листка» ты прочитал о подвиге отряда десантников под командованием Константина Федоровича Ольшанского. Ты знаешь, что всем им было присвоено звание Героя Советского Союза, многим посмертно...

О двенадцати героях-десантниках из отряда Ольшанского не сохранилось никаких документов. Разыскать их решили красные следопыты отряда «Орленок» при жэке № 1101 города Киева. Мы уже рассказали о первом поиске «орлят», сегодня рассказываем о последнем.

ПОИСК ДВЕНАДЦАТЫЙ. О Герое Советского Союза Николае Дмитриевиче Петрухине мы знали мало: призван на службу из Баку (поселок Сураханы, промысел № 7, дом 15, квартира 45), его жена в начале войны эвакуировалась в Казахстан.

Мы завязали переписку с бакинским советом ветеранов войны, они пригласили нас приехать в Баку. Встретили радушно, приготовили экскурсионный автобус. Но поехали мы на нем не на экскурсию, а в Сураханы. Нашли дом, в котором жил герой, но сколько ни спрашивали жильцов, никто Николая Дмитриевича не помнил.

Поселок Сураханы маленький, все уже знали о наших поисках. Пришла женщина и сказала, что она работала с женой Николая Дмитриевича — Ниной Петровной Лейман. В начале войны Нина Петровна уехала в Казахстан.

Мы тоже поехали в Казахстан. Обратились за помощью в райком партии. Встретились с коммунистами. И одна сотрудница райсобеса сообщила, что Нина Петровна живет в селе Русская Ивановка. Двадцать лет работает ветеринарным санитаром.

Выезжаем в Ивановку. Не такто просто туда добраться: зима в Казахстане выдалась снежная, заносы высотой с двухэтажный дом. Ехали на тракторе, а впереди шел снегоочиститель...

Первое, что мы увидели в доме Нины Петровны,— фотографию на стене. Она и он. Нас поразило, насколько Николай Дмитриевич был похож на тот словесный портрет, который мы составили перед поиском... Мы вручили свидетельство о награждении Петрухина Нине Петровне. Она, сдерживая слезы, сказала: «Я была уверена, что мой муж сражался геройски и погиб, как герой». Она достала фотографию Николая Дмитриевича и протянула нам...

Эту, двенадцатую, фотографию мы вручили Николаевскому музею 28 марта 1974 года, в день тридцатилетия освобождения города Николаева от немецко-фашистских оккупантов.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СБОР-ПОИСК
«ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ»

«Пионер» получает донесения

Рисунок Ю. ФОМЕНКО.
Фотография В. ПОСТНИКОВА.

Задание выполнили

108-я танковая бригада, в которой служил папа, освобождала от фашистов польскую землю. У местечка Виняры под Калишем завязался смертельный бой. Он длился двое суток, и все это время не рассеивался густой туман. Наши танкисты оказались в окружении. Надо было срочно связаться с командующим танковой армией, попросить подкрепление. Но радиостанция попала в руки врага. Командир танковой бригады приказал папе и механику-водителю одного из танков ползти на вражескую территорию — выручать радиостанцию. Папа рассказывает, что они ползли по-пластунски под сплошным огнем. Он был ранен, истекал кровью. Но до Виняр они все же добрались...

Нашли радиостанцию. Она вся была изрешечена пулями. Шофер убит, радисты ранены. Но мотор оказался исправным. Папа говорит, раздумывать было некогда — они дорожили каждым мгновением. На глазах у фашистов, маневрируя между пылающими танками и взрывами снарядов, папа вывел радиостанцию в безопасное место и наладил связь. Помощь нашим танкистам пришла вовремя. У гитлеровцев было больше «тигров» и «пантер» в этом бою, но они все-таки проиграли бой, побежали. Наши преследовали их. Взяли Калиш, а потом и Лодзь.

Папина танковая бригада получила орден Суворова I степени. Папа был награжден орденом Отечественной войны. Но папа всегда говорит, как тяжело досталась им эта победа, сколько товарищей они потеряли. На окраине Виняр есть братская могила — в ней папины однополчане: танкисты, разведчики, целый батальон автоматчиков. Там папа похоронил своего побратима Мишу Сулашкина.

Папа говорит, Миша был богатырем. Сильный, жизнерадостный. Стихи любил. Пел, плясал. Играл с папой в шахматы. Часто писал письма матери в Армавир. Мать вырастила его одна — отец погиб в гражданскую войну.

Миша был комсомольцем. Он погиб в той радиостанции, о которой рассказывал папа. И папа часто вспоминает его...

Ян Филимоненко,
г. Ворошиловград.

Мама — моя гордость

Я расскажу вам о своей маме, Ольге Федосеевне. Ей было девятнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. Мама училась, хотела стать врачом. На фронт ушла добровольцем. Мама выносила с поля боя раненых бойцов. А потом выхаживала их, в свободные минуты читала им книги, помогала писать письма домой.

В одном из боев мама вынесла с места сражения триста воинов. За это она получила орден. Мама дошла до Берлина и заслужила много наград. Я горжусь своей мамой. Мама — моя гордость.

Вера Кононенко,
ст. Новолеушковская, Краснодарский край.

Самолет бомбил дорогу

Когда мы вместе с дедушкой прочитали первый номер «Пионера», он рассказал мне о себе. На фронт ушел добровольцем. Его не пускали, потому что у него было плохое здоровье, но он все же добился своего. Пять месяцев сражался с фашистами, а потом в одном тяжелом бою его ранило в плечо и он потерял сознание. Очнулся в госпитале в Москве. Когда дело пошло на поправку, дед снова упросил, чтобы его не отправляли домой. И его оставили при госпитале шофером.

На замаскированной машине вывозил он раненых с линии фронта в тыл. Однажды вражеский самолет настиг машину дедушки на дороге. Начал бомбить, а в машине — тяжело раненные бойцы. Но дед не растерялся, не останавливаясь, мчался вперед, к госпиталю. Довез всех. И за это получил медаль.

Сейчас дедушке Георгию Григорьевичу Маглаперидзе 75 лет. Я очень люблю своего дедушку.

Инна Маглаперидзе,
г. Кутаиси, Грузинская ССР.

В честь деда — Сергей

Я знаю своего дедушку только по рассказам папы. Он погиб в Восточной Пруссии 8 апреля 1945 года, когда оставался месяц до Победы. Дедушка Сергей Иванович Мартыненко был командиром батальона. За свой последний бой дедушка посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Папа получил этот орден. Папа разыскал тех, кто воевал вместе с дедушкой, нашел его могилу. Дедушка похоронен на военном кладбище в поселке Славинск, Калининградской области.

Я очень горжусь своим дедом, мы всегда помним о нем. Папа, как и дедушка, стал военным. Мы с сестрой Эллой стараемся хорошо учиться. А младшего братишку папа в честь дедушки назвал Сережей.

Люда Мартыненко,
Эстонская ССР.

Порфировна

У нас есть соседка, Порфировна. Так все ее зовут. Живет себе, поживает. Да только не знали мы, что этот человек награжден четырьмя медалями.

Оказывается, как только началась война, Порфировна ушла в партизанский отряд. Назначили ее прачкой. Сначала это ее огорчило. Ей хотелось выполнять боевые задания. А командир сказал ей, что это тоже важное задание. И скоро Порфировна сама убедилась, что работа эта нелегкая и очень нужная. Ночью вернутся партизаны в отряд, она тут же встает, встречает их, все перестирает, высушит, перештопает... Партизаны довольны. А назавтра им снова отправляться в путь.

Командование оценило труд Марии Порфировны Подчебутовой, и ей вручили медаль «Партизану Великой Отечественной войны».

Вова Гулинский,
дер. Кукличи, Гродненская обл.

Дядя Петя и дедушка Митя

Мы провели сбор-поиск «Орден в твоем доме». Во Дворце культуры колхоза «Советский» собрались ветераны войны. С первых рядов на сцену поднимались наши родные, односельчане, о которых вот уже несколько месяцев мы говорим и пишем. Они волновались, кое-кто комкал платок, кое у кого дрожал голос. Мы понимаем, как тяжело им вспоминать войну...

Раньше мы как-то не думали о том, что среди нас живут бывшие минометчики, десантники, разведчики, пехотинцы. Давно вернулись они к своим отарам, комбайнам, рубанкам. Не носят солдатских гимнастерок.

Порой они бранят мальчишек — хоккеистов и футболистов за свист и крик. А потом помогают мастерить скворечники. О войне говорят редко. И не догадываются мальчишки, что дядя Петя или дедушка Митя брали «языка», в атаку шли, в мерзлой земле за полчаса окопчик могли вырыть...

Тут вдруг узнали о них. И крепче стали уважать.

Мы ходили работать в плодсовхоз. Еще несколько раз поработаем. И посадим две аллеи. Одну в память об отважной нашей станичнице Ане Шилиной, другую — в память о братьях Савченко. Их было шестеро, и ни один не вернулся с поля боя.

Юнкоровский пост средней школы
ст. Советская, Ставропольский край.

Пионерский салют героям, отдавшим свою жизнь за победу.

«САЛЮТ, ПОБЕДА!»

Рассказывают участники военно-исторического конкурса журнала «Пионер» и Центрального музея Вооруженных Сил СССР.

На Красной площади тридцать лет назад

ИДУТ БОЙЦЫ, ЧЕКАНЯ ШАГ,
И СЛАВИТ РОДИНА ГЕРОЕВ.
ЗНАМЕНА ГИТЛЕРА ЛЕЖАТ
НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОЮ!

Эти прекрасные строки о Параде Победы написала Лена Сутягина из Горького. Как и тысячи других участников нашего конкурса «Салют, Победа!», она рассказала в своей работе о Параде Победы, о своих земляках — участниках этого события. Свой рассказ она закончила так:

«Шестьдесят четыре горьковчанина печатали шаг на Параде Победы».

А теперь посмотри на этот снимок — он дорог каждому советскому человеку. Но знаешь ли ты, кто стоит первым слева?

Вот что рассказала нам другая участница конкурса, Лена Помылова из города Обнинска, Калужской области:

«Двести бойцов под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея двести знамен поверженной фашистской армии. Среди них был и житель нашего города — Легкошкур Федор Антонович, первый правофланговый. К подножию Мавзолея он бросил личный штандарт Адольфа Гитлера».

Интересный рассказ участника Парада записала Изида Погильдякова из города Чебоксары.

«В нашей Чувашской республике было четыре участника Парада Победы. Сейчас живут двое. С одним из них, главным режиссером Чебоксарской студии телевидения, я встретилась. И вот что мне рассказал Геннадий Данилович Сергеев:

«9 мая утром мы прибыли в Москву. Расположились недалеко от станции метро «Динамо». Когда мы вышли из метро, у всех домов стояли счастливые женщины в праздничных нарядах и

на руках держали подносы с угощением. Москва праздновала долгожданную победу.

Подготовка к Параду происходила по ночам на Садовом кольце. Длилась она почти месяц.

И вот наступил день Парада. В 3 часа 30 минут наш артиллерийский полк занял свое место. Справа от нас стояла Кантемировская танковая дивизия, слева — конница генерал-лейтенанта Кириченко. Мимо нас проходили пехотные батальоны Карельского фронта. Шли они, и не было слышно топота ног. Его заглушал перезвон медалей и орденов. Грудь каждого солдата была сплошь покрыта боевыми наградами. Этот перезвон орденов и медалей я и теперь слышу...

За полчаса до начала Парада пошел дождик. Вначале он был мелким, потом усилился. Но никого это не огорчило. Наоборот, как-то стало радостно — шел золотой, хлебный дождь. Мы все прошли войну и знали цену хлебу. И как нам тогда его недоставало, особенно дома — нашим детям!

Хорошо помню, как два прославленных маршала объезжали войска. Мы знали хорошо, что маршалы Жуков и Рокоссовский были прославленными кавалеристами. Но то, что мы увидели на Параде, превзошло все наши ожидания. Маршалы объезжали войска манежным галопом. Так называют парадный бег коня, когда он бежит враз обеими ногами. Жуков и Рокоссовский сидели в седлах, словно влитые. Маршалы подъезжали к колоннам, останавливали коней. Их кони застывали, словно бронзовые, упруго став враз на все четыре ноги и гордо выгнув вниз шеи. Маршал Жуков брал руку под козырек:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравия желаем, товарищ маршал!

— Поздравляю вас с праздником Победы!

— Ура!

Закончился объезд войск. Жуков произнес речь, и началось прохождение войск.

Когда мы выехали на площадь, я услышал очень сильный рокот своих машин и грохот под колесами. Они сотрясали землю: каждая наша пушка — восемь тонн, и столько же весит тягач. Полк доехал до первого парного линейного, и мы повернули головы на Мавзолей. Так войска отдают честь Мавзолею В. И. Ленина, руководителям партии и правительства. Волнение наше трудно передать!

Проехали Мавзолей, орудия разошлись попарно — собор Василия Блаженного разделил пополам колонну. Постепенно сбавляя скорость, выехали на Садовое кольцо. По всей дороге стояли люди с цветами и кидали нам букеты».

И в больших городах и в маленьких селениях нашли следопыты ветеранов войны — тех героев, кто по праву представлял свои дивизии и соединения на Параде победителей.

Пусть всегда будут окружены вашей заботой и вниманием герои Великой Отечественной войны! 24 июня — в годовщину Парада — пригласите участников этого торжественного события в школу, навестите их дома. Постарайтесь сделать этот день праздничным для своих земляков — героев войны!

ВНИМАНИЕ!
ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Во втором номере «Пионера» мы рассказали о сыне полка Ване Лапе. Судьба его была до сих пор неизвестна.

И вот в редакцию пришло письмо от пионеров 5-го класса Котелевской восьмилетней школы № 4 Полтавской области.

Ребята пишут:

НАШ ИВАН ИВАНОВИЧ

Ваня Лапа, о котором написали в «Пионере»,— это наш Иван Иванович. Он жив. Работает шофером, водит автобус.

Ваня был на фронте до конца Великой Отечественной войны. День Победы встретил в Вене. После войны служил в рядах Советской Армии. Когда демобилизовался, то приехал к нам, в Котельву. Работал в колхозе, восстанавливал разрушенное фашистами хозяйство. Потом по призыву райкома комсомола уехал в Донбасс, на шахты. Там овладел специальностью шофера. В 1952 году Иван Иванович вернулся в Котельву, стал работать шофером на сельскохозяйственных машинах.

Наш Иван Иванович очень скромный, трудолюбивый человек. Очень мало говорит о себе.

ЕЩЕ ОДИН СЫН ПОЛКА

У нас живет еще один сын полка — Николай Павлович Черноруk. Знаете ли вы о нем?

После освобождения нашего села от фашистов Николай Павлович ушел добровольцем на фронт. 15 сентября 1943 года принял присягу и был зачислен ездовым батареи. Потом был наводчиком орудия. Прошел путь от Котельвы до Австрии, освобождая от фашистов Украину, Молдавию, Румынию, Югославию, Венгрию.

После окончания войны Николай Павлович так же, как и Иван Иванович, служил в Советской Армии, был командиром отделения разведки и шофером.

В апреле 1948 года Н. П. Черноруk демобилизовался. Живет в Котельве, работает шофером в районном строительном управлении № 10. Николай Павлович — частый гость пионеров. Он рассказывает нам о героизме воинов той части, с которой прошел весь свой боевой путь, и ходит с нами по местам боевой славы.

Николай Павлович Черноруk награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги» и еще другими медалями.

С пионерским приветом,
пионеры отряда 5-го класса
Котелевской восьмилетней школы № 4
Полтавской области.

Много чудес ждет человека в Артеке! Когда эти чудеса обрушиваются на него, он раскрывает от удивления рот и... неожиданно для себя начинает говорить стихами. Не всегда так бывает, конечно, но кое с кем из ребят случается.

О чем слагаются стихи и какие они выходят, ты узнаешь, прочитав эту страничку.

Валя ЯШИН, дружина «Янтарная».

Море

Не был в Крыму я ни разу,
Не знал, что такое море.
Но вот неожиданно, сразу
Увидел его на просторе.
Оно необъятное, синее.
В нем облака отражаются,
На свете нет моря красивее...
О нем легенды слагаются.
Его не охватишь взглядом,
Нет волнам конца и края,
Оно то близко, то рядом...

Если ты был в Артеке,
Море запомнишь навеки.

Люба СЕМЕНЧЕКОВА, дружина «Лазурная».

* * *

В Артеке очень весело живется.
Здесь никогда не умолкает смех.
И с нами даже солнышко смеется!
Счастливый этот лагерь — он для всех!

Запомним этот месяц мы надолго,
О нем мы не забудем никогда.
Но тот, кто стал артековцем сегодня,
Останется артековцем всегда!

Оля ТИМОШЕНКО и Оля БАТРУШЕВИЧ,
дружина «Алмазная».

Город нашей мечты

Может, в центре России,
Может, в центре земли
Городок есть красивый,
Город детской мечты.
Это сказка, ребята:
Горы, море и лес!
Здесь с утра до заката
Лагерь полон чудес.
Здесь карелы, узбеки,
Чукчи и латыши —
Пионеры планеты
Счастье в дружбе нашли.
И в большом хороводе
Мы сдружились навек.
Пусть проносятся годы,
Не забудем Артек!

Лена ЛИХТМАН, дружина «Алмазная».

Родина

Неправда, что в теплых, цветущих краях
Родину можно забыть!
Птицы затем улетают на юг,
Чтоб больше север любить.

Бите СТЕПАНАВИЧЮТЕ,
дружина «Кипарисная».

Балтика

Как у нас красиво!
Сосны высоки.
У синего залива
Желтые пески.
　Волны-самокатчики
　На берег бегут.
　Солнечные зайчики
　Скачут там и тут.
Нам под ноги брошена
Россыпь янтарей.
Сказочные броши
Собирай скорей!
　Медленно смеркается.
　Быстро холодает.
　С моря надвигается
　Туча голубая.

Молодой депутат Юрий Постников всегда в курсе всех ребячьих дел.

И. НИКИТИНА

НА РОДИНЕ ПЕРВОГО СОВЕТА

1905 год

Манчестера русского трубы дымят,
И дым пеленою тяжелой
Скрывает усталого солнца закат...

(С. Рыскин, поэт XIX века)

Манчестер — город английских ткачей, мрачное царство нищеты, голода, эксплуатации человека человеком. Русским Манчестером называли Иваново-Вознесенск — центр текстильной промышленности России.

Тяжелее участи иваново-вознесенских ткачей трудно было сыскать. В темное, предрассветное утро тянулись они из грязных окраин: Рылихи, Голодаихи, Ям. Исчезали в воротах фабрики. И лишь в вечерние сумерки, после четырнадцати рабочих часов, брели той же дорогой к своим полуразвалившимся хибаркам.

Их обкрадывали: случалось, заработок семь рублей и ровно семь рублей штрафа.

Они молчали.

За малейшее неповиновение их сажали в фабричные тюрьмы.

Они молчали.

Но однажды — баста! — терпение лопнуло.

Еще до отмены крепостного права начались первые забастовки. Они сплачивали рабочих, и в 1885 году бастовало уже шесть тысяч текстильщиков. Это была забастовка пяти фабрик.

Полицейские все чаще писали в донесениях о «крамольно настроенных» рабочих. «Крамольные» объединялись в группы. Из них в 1892 году был создан марксистский кружок, которым руководила революционерка Ольга Афанасьевна Варенцова. Через два года марксисты Иваново-Вознесенска установили связь с В. И. Лениным. Они продолжали борьбу. Выпускались листовки. Собравшись группами прямо в цеху, ткачи читали их вслух:

«Не хватает сил больше терпеть! Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни! Довольно! Час пробил! Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя... Бросайте работы, присоединяйтесь к вашим забастовавшим товарищам!..»

В 1905 году в Иваново-Вознесенск по заданию Московского комитета большевиков нелегально приезжает Михаил Васильевич Фрунзе. Он стал одним из руководителей революционного движения ивановцев.

И вот наступило 12 мая 1905 года.

Вот в каких мрачных хибарках жили ткачи.

Нет ни дыминки,
Спущен пар,
Покончена работа,
Последний вышел кочегар
Из царства тьмы и пота.

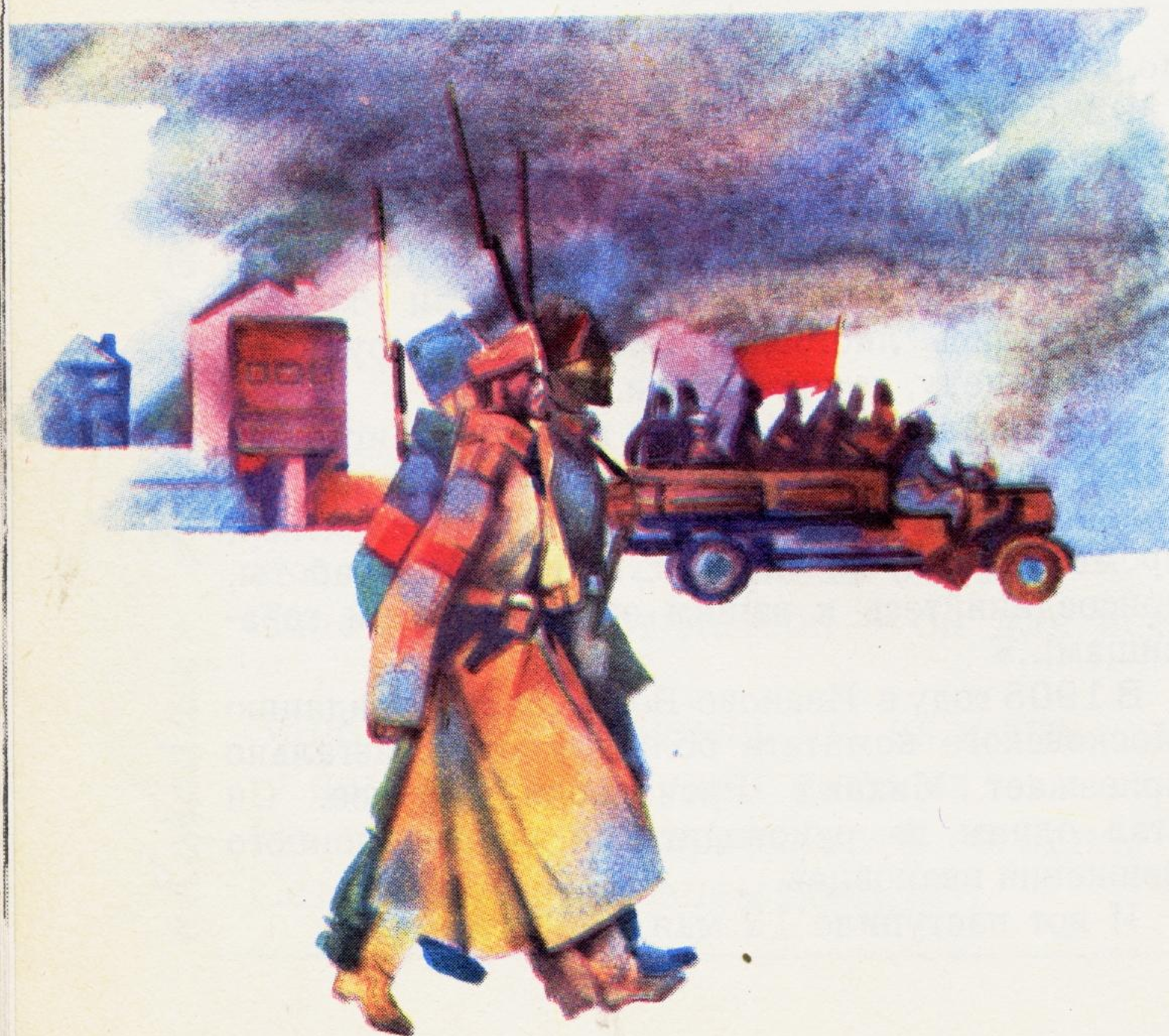
(А. Ноздрин)

Началась всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих. К текстильщикам присоединились металлисты, железнодорожники, печатники, ремесленники. Руководили стачкой опытные большевики Афанасьев, Балашов, Колотилов и другие.

Для переговоров с фабрикантами на заводах, в мастерских и фабриках из рабочих выбирались самые лучшие и верные люди. От имени рабочего класса они предъявляли требования, защищали интересы, отстаивали права, их называли депутатами. Они образовали Совет рабочих депутатов. Так в стачечной борьбе родился революционный орган рабочей власти.

Первое заседание Совета состоялось 15 мая в здании Мещанской управы (теперь здесь Музей Первого Совета). Председателем Совета стал Авенир Ноздрин, поэт революционных ткачей. Совет рассмотрел и утвердил требования бастующих: восьмичасовой рабочий день; уничтожение фабричных тюрем; установление пенсии рабочим, потерявшим трудоспособность; ликвидация штрафов; повышение заработной платы... Всего двадцать шесть требований.

Забастовка продолжалась почти три месяца. Все это время власть в городе принадлежала рабочему классу Иваново-Вознесенска. По инициативе М. В. Фрунзе Совет создал милицию, которая следила за порядком в городе, охраняла собрания и митинги от погромов черносотенцев. По улицам ходили рабочие патрули. Всех нарушавших распоряжения Совета привлекали к строгой ответственности.

С первым в России городским Советом рабочих депутатов пришлось считаться не только местным, но и губернским властям. Губернатор Леонтьев обращался в Совет за разрешением отпечатать в типографии его собственные распоряжения. Крестьяне ближайших уездов и волостей узнали, что в городе новая, рабочая власть. С жалобами на помещиков, с просьбами и надеждами шли крестьянские ходоки к депутатам. Спрашивали: «Не пора ли и нам землей распорядиться?»

23 июля стачка была прекращена. Царское правительство подавило революционное движение ивановских рабочих. Совет прекратил свое существование. Но депутаты, вернувшись в цеха заводов и фабрик, по-прежнему защищали интересы рабочих.

М. В. Фрунзе высоко оценил работу первого в России Совета рабочих депутатов. Он считал, что опыт ивановцев был в дальнейшем «...использован при создании Петербургского, а затем Московского и других Советов». Главный успех в борьбе иваново-вознесенских большевиков М. В. Фрунзе видел в том, что рабочие принимали активное участие в жизни партии и сами руководили стачкой.

В октябре 1905 года В. И. Ленин писал: «Иваново-Вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки».

1917 год

— Идут! Идут! — передавали по цепочке. Их было много, маленьких оборвышей, одетых во что попало, с чужого плеча. Они растянулись почти на километр, от самых солдатских казарм.

— Идут! Идут! — доносилось издалека. И вдруг совсем близко ликующий детский голос:

— Мамка! Идут! Солдаты идут!

Это было 3 марта 1917 года. На выборы в Советы рабочих и солдатских депутатов собрались посланцы заводов и фабрик. Ждали солдат. Режим в армии был еще царский, положе-

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Вокзальная площадь. Отсюда уходили в поход на Колчака революционные отряды иваново-вознесенских рабочих.

На месте бывших Ям выросли новые дома.

ние в казармах сложное. Рабочие ждали, волновались. А вездесущие ребята даром времени не теряли. Разузнали, что солдатские депутаты вышли из казарм, и по беспроволочному телеграфу передали долгожданную весть рабочим.

Эту историю рассказала мне Антонина Александровна Мелёхина, очевидец и участник тех далеких событий.

— Вам, поди, чудно меня слушать? — говорила Антонина Александровна, чуть налегая на «о». — Вот, скажете, нашла чем удивить: дети проворнее взрослых оказались! Конечно, сегодняшние дети все понимают и во многих важных делах помочь могут. Только те совсем другими были. Они и букваря в руках не держали. С восьми лет у станка спины гнули. Одна мечта была: поспать бы лишний часок. И вдруг эти-то неграмотные да забитые малолетки — подумайте только! — понять сумели, что происходит. Это только представить надо!

Рассказывала Антонина Александровна, и оживало ее далекое прошлое. Вновь увидела чумазых, голодных и худых ребятишек: бегут, шапками машут... Может быть, именно тогда, глядя на них, навсегда связала Антонина Мелёхина свою жизнь с ребячьими судьбами. Она работала в Союзе солдатских жен, который был организован в 1917 году и взял на себя заботу о детях. Союзом руководил Ивановский Совет рабочих и солдатских депутатов.

— Ну, перво-наперво переписали всех от новорожденных до подростков, — вспоминает Антонина Александровна, — больных оказалось видимо-невидимо. И все туберкулез. Собрали их, помыли, кое-как снарядили да и отправили в бывшие барские особняки лечить. Кто покрепче оказался, в школу пошел. Посадили ребят за парты, учить начали. Да только на голодное брюхо ученье глухо. Надо столовую открывать. Ох, как трудно-то было! Посуду по домам собирали: ни тарелок, ни ложек, ни кастрюль не было. Сами на кухне готовили, старались. А продуктов-то: крупа да вода. Часов тогда не то что у детей, у взрослых не было. Да и некогда было на часы-то смотреть. Дня не хватало — ночами хлеб по домам пекли. Наутро в школу принесем, на кусочки разрежем — каждый по сто граммов. — Рассказывает Антонина Александровна, а голос дрожит.

— Получат ребятки ломоточек, на ладошку положат, вдохнут хлебный дух и только потом откусят. Кто съест, а кто на части разделит. Крошки подберет в роток, остальное за пазуху. Знать, семья дома голодная. Смотрю на них, слезы глотаю. — Помолчала, вздохнула. — Так-то было, — закончила Антонина Александровна, точно страшную сказку договорила.

— Ну теперь-то у Совета совсем другие заботы. — Антонина Александровна улыбается. — Может, слышали? Новый Дворец для ребят строим. Старый тесноват стал.

1975 год

На одной из улиц Иванова стоит голубой особняк, принадлежавший когда-то фабриканту Маракушеву. Здесь теперь заседают народные депутаты. Фабрика Маракушева сегодня называется Большой Ивановской мануфактурой имени Ольги Афанасьевны Варенцовой. А в бывших барских хоромах работает областной исполком депутатов трудящихся. Он живет заботами всех ивановцев. Мне хотелось узнать о работе, связанной с делами ребят. И вот я у председателя Комиссии по делам несовершеннолетних, депутата Адольфа Георгиевича Демидова.

— Решаются у нас самые разные и самые важные вопросы,— говорит Адольф Георгиевич.— Например, как перевести все школы на занятия в одну смену. Когда-то были трехсменные школы, теперь таких нет ни одной. Но и во вторую смену учиться трудно. Вот мы и думаем все школы сделать односменными.

Почти в каждом районе музыкальная или художественная школа, много спортивных школ и площадок. Скоро сдадим ребятам станцию юных натуралистов.

— Скажите, пожалуйста, а приходят к вам ребята с какими-нибудь просьбами?

— Нет, такого не было. А вот мы к ним обращаемся. Депутаты часто встречаются с ребятами.

Депутаты, работающие в Комиссии по делам несовершеннолетних, взяли на себя нелегкую и ответственную работу. Они охраняют детство. Давно миновала война. Но и сейчас, в мирное время, есть дети, по разным причинам оставшиеся сиротами. Они живут в детских домах, с родственниками или приемными родителями. Государство заботится о них. К ним приезжают депутаты, расспрашивают об их жизни, учебе, следят, чтобы у ребят были книги, учебники, тетради, чтобы не нуждались они ни в одежде, ни в обуви, ни в питании.

Случаются дела и посложней. Бывает так, что родители и школа отказываются от человека. «Хулиганит, дерзит, ворует... Как ни печально, придется отправлять в колонию». Собираются депутаты, еще и еще раз советуются. И вот новое решение: «Устроить на учебу в специальное ПТУ». Выучится, профессию получит. И вместо отметки о пребывании в исправительно-трудовой колонии — диплом об окончании среднеспециального училища.

Да, у сегодняшних Советов забот немало. Но как они отличаются от тех, о которых рассказала мне Антонина Александровна Мелёхина!

Я беседую с депутатом Юрием Постниковым. Он молод, и все зовут его попросту Юрой. Юра учится на третьем курсе Энергетического института и ведет работу в Комиссии по народному образованию. Как он успевает справляться со своими студенческими и депутатскими обязанностями одновременно, остается для меня загадкой. Но успевает на «хорошо» и очень часто на «отлично».

— Чем мы занимаемся? — переспрашивает Юра.— В нашем ведении школы, спортивные площадки, дворы, клубы, театры — все, что отдано детям. Вот, скажем, строилась школа. Мы создали прямо на стройке свой штаб. Следили, чтобы не было простоев, чтобы вовремя привозили нужные материалы. Проводим особые рейды по дворам, требуем, чтобы все было как надо. Зимой на ледяных полях должны быть хоккейные коробки. Летом проверяем, правильно ли оборудованы баскетбольные и футбольные площадки, теннисные корты. Ну и в клубы, кинотеатры заглянем. Расспросим о делах, узнаем, будет ли ребятам весело и интересно.

— Ну, а если где-нибудь окажется дело плохо, что тогда?

— За плохую работу, конечно, не похвалим. Но главное — поможем.

— Большой авторитет у депутатов! Вас, наверное, и профессора в институте побаиваются. Экзамены легко сдавать?

— Вот уж нет.— Юра качает головой и улыбается.— В институте я студент, а вся власть у профессора. Скорее наоборот: раз ты депутат, с тебя втройне спросят. Вот как!

Ну, что ж, все справедливо. В депутаты всегда избирались не только самые лучшие, честные, но и знающие. С такими — будь спокоен — не пропадешь!

И я задаю последний интересующий меня вопрос:

— Сейчас в Иванове много говорят и пишут о новом Дворце для ребят. Вы, Юра, принимаете участие в этом деле?

— Наши депутаты участвовали в обсуждении проекта. Оно проходило в обкоме партии.

Нравятся тебе эти яркие,
радостные рисунки?
Их сделали палехские мастера.
В ивановском Дворце пионеров
есть два чудесных зала —
Гайдаровский и Комната сказок.
Расписаны они
художниками-палешанами,
работы которых славятся во всем мире.
Художники и пионеры,
можно сказать, земляки:
поселок Палех —
недалеко от города Иванова.

Все решалось на высоком уровне: собрались архитекторы, педагоги. Ученые из Москвы приехали. Дворец будет что надо! Приезжайте года через два, сами увидите.

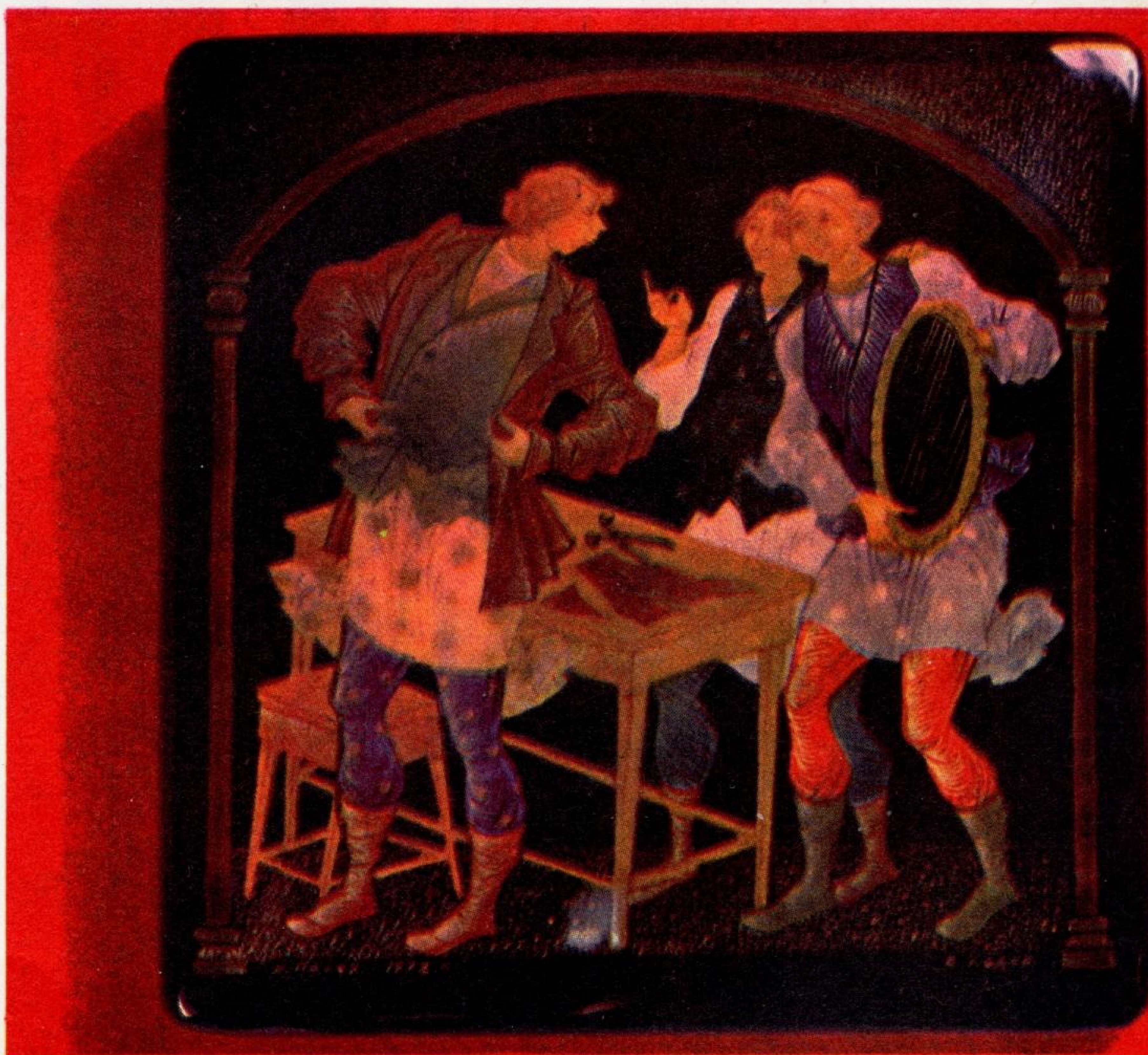
Ну, а пока новый Дворец увидеть нельзя, я побывала в старом. Есть там Музей пионерской славы. Все экспонаты собрали сами ребята. На стендах документы и фотографии — вся история Ивановской пионерской организации. Ведется летопись пионерских дел: тимуровцы первых отрядов, юные герои Великой Отечественной войны и сегодняшние пионеры. Ивановские ребята никогда сложа руки не сидели.

Каждый год в апреле школьники Иванова и Ивановской области проводят операцию «Радость людям». Помогают на строительных площадках. Выходят на улицы с лопатами, граблями, ведрами, и улицы становятся чистыми и зелеными. Пионеры Шуи и Юрьевца проводят весенние операции «Песок» и «Ручеек». В это время года дороги раскисают, грязь по колено. А теми дорогами работницы на ткацкую фабрику идут. Пока дойдешь по такой распутице — сколько сил уйдет! Ребята ручейки весенние, что на дорогу выбились, песком засыплют, разровняют, лужи осушат. И трудовой день у ткачих радостью начинается.

Летом новая операция — «Зеленая веточка». Придут пионеры в лес, разбредутся по полянам да по просекам. Веточка к веточке, и соберут килограммов по сорок — пятьдесят каждый, а некоторые и по сто умудряются. К концу лета чуть ли не две тысячи тонн кормов для скота сдадут.

Вот и судите теперь, достойные ли хозяева у нового Дворца пионеров будут?

Совет Министров Российской Федерации и областной комитет КПСС решили: достойные! Новый Дворец пионеров и школьников закладывается в юбилейный год 70-летия первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов.

МЫ — В АРТЕКЕ

Из дневника ленинградки Оли Скорик и Сережи Кондратьева из Белоруссии

Рисунки С. ОСТРОВА.

Я еду в Артек! Меня посылают за хорошую учебу и за работу с октябрятами. Я даже не поверила сначала. И вот сейчас еду! Интересно, какие ребята будут в моем отряде? Я познакомилась в вагоне с Ирой, но она старше меня, боюсь, попадем в разные отряды...

Оля.

В школе у нас председатели советов отрядов, звеньевые чаще девчонки, а в Артеке все не так. На первом сборе мы знакомились, рассказывали о себе и за что послали в Артек.

Ребята подобрались что надо! Один мальчик из Армении на пожаре отличился, у него часы именные — награда за находчивость. Мы выбирали ребят в совет отряда и в совет дружины по справедливости. Вожатый сказал, что выбираем их не на все время, потом

выберем других. Пусть все учатся быть активистами.

Сережа

Мы проснулись раньше обычного, выглянули в окно, а вершины Аю-Дага не видно, она вся в облаках. И над морем темные тучи.

Но пасмурная погода никому не испортила настроения, и торжественная линейка прошла очень интересно. Вынос знамени, рапорты, подъем флага. Все очень четко. Вечером был костер.

Оля.

В нашей дружине ребята из разных стран. Я уже знаю, что слово «терве» — по-фински значит «здравствуй». По-польски здороваются так: «Джень добры!». «Позор, позор!» по-чешски значит «Внимание, внимание!». Но очень часто мы объясняемся без слов — жестами и прекрасно понимаем друг друга...

В финской делегации выделяется один мальчик по имени Реймо. Высокий, русоволосый и очень молчаливый. А среди американ-

цев — Эрвин Квин. Как он не похож на Реймо! Очень любит поговорить, не остановишь его. Он отлично плавает и лучший бегун в отряде.

И вот однажды с Реймо произошел такой случай, который вначале рассмешил нас, а потом заставил задуматься...

У Реймо разболелись зубы. Да как!

— Иди сейчас же к врачу! — сказал вожатый.

А Реймо наотрез отказался и убежал.

Девчонки побежали за ним, стали уговаривать не бояться бормашины. И уговорили: Реймо отправился к врачу. И даже нарядился в свою новую нейлоновую куртку.

Наша вездесущая Маринка пошла с ним. Вскоре она прибежала и вот что рассказала:

— Ой, девочки! Реймо совсем спокойно сел в кресло. Врач осмотрел зубы и один выдернул. Реймо даже не вскрикнул. Но только он вышел из кабинета, а за ним — медсестра. Кричит: «Мальчик, ты забыл куртку!»

Реймо качает головой, мол, не забыл.

«Это твоя куртка?» — спрашивает сестра.

«Я оставил куртку врачу за работу»,— ответил Реймо.

Представляете, девочки! У них за выдернутый зуб надо платить...

И надо же такому случиться: в тот же день после обеда увезли в больницу Эрвина. И это накануне соревнований по «Снайперу». Вечером нам сказали, что у Эрвина аппендицит, и что ему сделали операцию, и все кончилось хорошо. Правда, мы проиграли, но это не беда.

Вскоре Эрвин вернулся в свой отряд. На вечерней линейке он вышел из строя и взволнованно сказал: «Недавно у меня случился приступ аппендицита, и в тот же вечер советский хирург сделал мне операцию. Я очень благодарен ему и рад, что это произошло в Советском Союзе. У нас в Соединенных Штатах такая операция стоила бы моим родителям много долларов».

Мы молча расходились. Рядом со мной шел Реймо в своей новой нейлоновой куртке.

Оля.

Сегодня яркий солнечный день. Вода в море как парное молоко. На берегу разноцветные флаги. Загорелые ребята высыпали на пляж: ждут начала морского праздника, праздника владыки морей — Нептуна.

Вот над морем вспыхнула ракета. К берегу подплывает шлюпка, и на ней — морской бог Нептун и его свита. В руках у Нептуна огромный трезубец, на голове — корона. Бородища до колен. Мы сразу узнали нашего вожатого, но все равно интересно. Нептун вышел из шлюпки да как ударит трезубцем о землю, да как воскликнет: «Кто меня разбудил? Кто мутит Черное море? Нет мне от артековцев покоя ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздники...»

Так начался наш морской праздник.

Я неплохо плаваю — научился в бассейне. На сборе знакомств дернуло меня сказать, что я умею плавать. Теперь я буду участвовать в соревновании...

Я плыл в первом заплыве. Не помню, как прозвучал сигнал старта, не помню финиша — все как в тумане. Но когда мне вручили артековскую медаль и диплом и объявили, что я установил рекорд лагеря, я был счастлив. Ко мне подошел вожатый и сказал: «Молодец! Спасибо!»

Я никогда не видел таких веселых праздников. А костюмы у свиты владыки морского были такие забавные, что все со смеху падали. После праздника мы еле смыли с вожатого краску.

Сережа.

В Артеке каждый день необычный, не похож на другой. Но День мира я запомню на всю жизнь.

Мы проснулись до сигнала горна, несмотря на то, что накануне вечером долго сидели в пионерской комнате: выполняли ответственное поручение. На столе лежали галстуки детских организаций разных стран — красные, синие, голубые, зеленые, красно-белые, желтые.... Из них сшили огромный флаг — Флаг дружбы. Сегодня он поднимется над Артеком.

С самого утра звучали песни на разных языках. Все делегации показывали свои игры и танцы. На стадионе девочки-вьетнамки с помощью огромного увеличительного стекла собрали солнечные лучи и зажгли костер дружбы. Он горел весь день, и каждая делегация дежурила у костра...

После обеда вожатый сказал:

— Сегодня мы напишем письмо ко всем людям Земли. Письмо о мире, о дружбе. Так всегда делают артековцы в День мира.

Мы стали сочинять письмо, спорили над

каждой фразой. Писали письма во всех дружинах, на русском, английском, немецком, французском языках. На пионерском сборе решили прочитать наше письмо. Читала его я. Вот оно:

«Это письмо отправили из Артека в День мира. Его написали дети разных народов.

В нашей самой любимой песне поется: «Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду я!»

Мы хотим дружить с детьми всех стран мира!

Взрослые! Сделайте так, чтобы Сегодня и Завтра всех детей было безоблачным и светлым! Сделайте все, чтобы на Земле не было войны!

Пусть все дети дружат так же мирно и крепко, как они дружат в Артеке!

Пусть наша планета, просыпаясь, каждое утро говорит:

— Здравствуй, солнце!

— Здравствуй, друг!

— Здравствуй, мир!»

Под вечер, когда на главном стадионе ярко горел костер дружбы и со всех концов Артека к нему шли колонны пионеров, мы сели на катер и вышли в море. На борту катера была «бутылочная почта» — письма артековцев, закупоренные в бутылки. Мы сидим обнявшись и поем. Катер летит как на крыльях. Впереди море, позади огни Артека. Все дальше и дальше берег. Все ближе нейтральные воды...

— Приготовиться,— командует вожатый.

Мы бросаем бутылки в море. Плывите, наши пионерские письма, по волнам, расскажите всем, о чем думаем мы, о чем мечтаем.

Оля.

Мы проснулись утром и увидели неподалеку от берега большой военный корабль. Все закричали «Ура!».

К нам прибыли моряки Черноморского флота. Интересно побывать на корабле! Но пришел вожатый и сказал, что мы попадем на корабль только завтра вечером. Вот не повезло!

— Нашему отряду особое задание,— сказал вожатый.

После завтрака мы настригли веточек благородного лавра и сплели огромную гирлянду. Вожатый сказал:

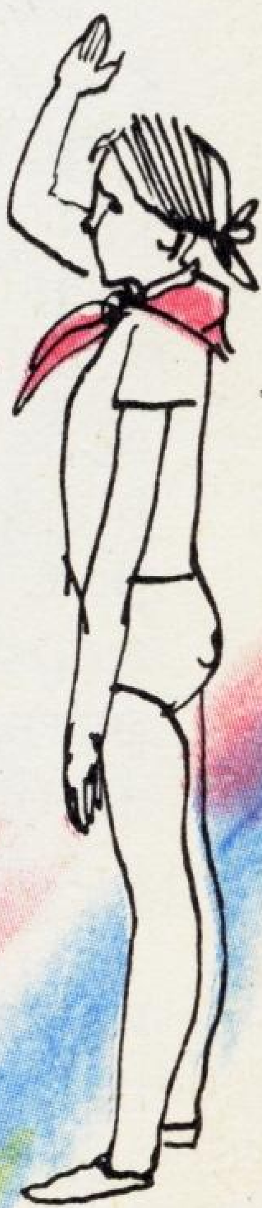
— Это гирлянда боевой славы. Мы отнесем ее вечером к подножию памятника Неизвестному матросу. Так всегда делается в Артеке.

Когда стало вечереть, к Аю-Дагу потянулись колонны ребят. Мы несли на плечах гирлянду славы.

И вот перед нами в отблесках костра возникла высеченная из белого камня фигура матроса. Кипарисы, как часовые, застыли у памятника. Играет торжественная, скорбная музыка. Ребята из всех дружин кладут к подножию памятника цветы, а мы — гирлянду славы.

Потом выступил морской офицер. У него было много орденов и медалей. Вот что он сказал:

— Вы знаете, как храбро дрались моряки Черноморского флота на море и на суше. Морскую пехоту фашисты называли «черной смертью». Каждая пядь крымской земли полита кровью наших солдат и матросов. Полита этой кровью и земля Артека. В ноябре сорок первого фашисты ворвались в Артек. Эти варвары разграбили ваш лагерь. Они рубили артековский парк, устроили конюшни во дворце, расстреливали скульптуры.

Но и здесь, вдали от линии фронта, захватчикам не жилось спокойно. Зимой 1943 года здесь, у Артека, советские

корабли приняли бой с вражеской авиацией. Известны не все имена моряков, погибших в этом неравном бою. Но память о них будет жить вечно. Прошу почтить их бессмертный подвиг минутой молчания.

Стало тихо-тихо. Только слышно было, как потрескивал костер, как вдали шумело море. Я думал о Неизвестном матросе.

Когда мы возвратились в лагерь, на корабле зажгли огни. И Артек сверкал огнями.

Сережа.

По Артеку разнеслась весть: приехал архитектор Полянский. Но кто он, никто не знал. Вожатый сказал: это по его проекту строился новый Артек. Полянский расскажет о своей работе, а потом мы можем составить проект будущего Артека — Артека двухтысячного года. Будет объявлен конкурс на лучший «фантас-план».

Встреча с архитектором нам очень понравилась. Сколько архитекторы работали над чертежами, сколько километров исходили по артековской земле, чтобы все здесь радовало глаз! Полянский все нам рассказал.

«В архитектуре есть такой термин — «модуль» или исходные данные. Так вот, основным модулем для Артека мы взяли число сорок. Почему? Потому что в отряде сорок пионеров. Надо, чтобы им было здесь удобно играть, отдыхать, учиться, заниматься своим любимым делом. Строить Артек было нелегко. Горы кругом.

Три научно-исследовательских института изучали рельеф, геологию строительных площадок. Учитывалось все, даже возможность землетрясения. И, конечно, ребячий характер.

Вы обратили внимание на асфальтовые дорожки в Артеке? Архитекторы проследили, где ребята протоптали тропинки (значит, ребятам удобно было здесь ходить) и заасфальтировали их.

Через несколько лет построят новый лагерь — «Воздушный». Там будет отдыхать тысяча двести ребят.

Вырастет новый городок космонавтов. Все в нем будет такое же, как у настоящих космонавтов. Будет городок фауны и флоры Крыма. И еще — городки науки, техники, искусства и спорта. Наше государство выделяет для этого десятки миллионов рублей».

Вожатый поручил мне собрать проекты ребят. Вечером мы все вместе рассматривали их и читали вслух.

«Пусть в Артеке будет уголок подводного мира. Разве не интересно узнать повадки морских рыб? Узнать, как растут водоросли? Я очень увлекаюсь рыбами. Вот было бы здорово собраться вместе всем, кто хочет стать ихтиологом!» Юрий Словохотов.

«Я предлагаю открыть метеорологическую станцию — «службу погоды» Артека. Температуру воздуха и моря, направление ветра, плотность облачного фронта пионеры будут измерять с помощью автоматических приборов и метеорологических ракет, которые ребята сами сконструируют в «патентном бюро». Витя Крюков.

«Наши хоккеисты и фигуристы — чемпионы мира. Может быть, когда-нибудь на артековском стадионе будет дорожка с искусственным льдом и хоккейная площадка?» Миша Никитин.

«Хочется, чтобы от берега моря на Аю-Даг протянулась канатная дорога, а на вершине Медведь-горы был лагерь «Альпинист». Иван Склифос.

«Хорошо бы устроить в Артеке заповедник, где жили бы животные с других материков, например, австралийские кенгуру или африканские львы». Галя Шипотова.

«Нам захотелось представить себе тот день, когда Артеку исполнится сто лет. Ребят из Симферополя самолеты и вертолеты доставят прямо на аэродром, который находится на крыше одного из корпусов наземного Артека. Корпуса образуют слово «Артек».

Есть еще подземный Артек. Специальный ход соединяет его с морем. Там находится морской лагерь «Нептун» в огромном аквариуме. В центре этого лагеря — статуя бога морей Нептуна.

В Артеке есть Лунный лагерь. Попасть туда можно на ракетах, которые взлетают с артековского космодрома. Управляют ракетами ребята.

На дне моря — подводный лагерь.

АРТЕК

У всех ребят — своя форма. У «морят» голубая, на голове у них корона Нептуна. У подводников синяя, на голове скафандры. У «лунят» — желтая. И у всех — красные галстуки. Ребята из 8-го отряда.

«На Адаларах будет обсерватория. К скалам-братьям протянется мост. Это точно!» Девочки из 4-го отряда.

Нашему гостю очень понравились фантастические планы ребят.

Сегодня у нас была прогулка по паркам Артека, или, как говорят ребята, «живой урок». Урок очень интересный. Никогда не думал, что своими глазами увижу такие редкие растения: и секвойю гигантскую, или мамонтово дерево, и тую восточную, и магнолию с ее душистыми красивыми цветами.

Сережа.

Я послала домой длиннющее письмо и, между прочим, написала, что все мы заболели «абсолютом». Бедная мама! Она прислала телеграмму: «Что случилось? Срочно телеграфируй, чем больна». Когда я прочитала телеграмму ребятам — хохоту было! А все очень просто. «Абсолют» — время сна и отдыха после обеда. В первые дни мы никак не могли к нему привыкнуть. А потом... все заболели «абсолютом». Так хорошо прикорнуть на часок!

Оля.

«Снайпер», пожалуй, самая любимая игра в Артеке. И самая простая: площадка, мяч, две команды — вот и все, что нужно. Главное — как можно скорее осалить мячом игроков противника. Какие сражения бывают! Между отрядами и даже между дружинами. Рассказывают, что Юрий Алексеевич Гагарин, когда бывал в Артеке, тоже играл с ребятами. Сейчас победители игры «Снайпер» награждаются призом имени Ю. А. Гагарина. Вот бы завоевать его нашему отряду!

Сережа.

Сегодня мы дежурили по лагерю. Это не шутка — накрыть столы на всю дружину, а потом убрать всю посуду. Мы все устали, но дежурство провели как следует.

Оля.

После полдника мы пошли на космическую выставку во Дворец пионеров. Выставка очень интересная. Там удивительные точнейшие приборы, костюмы летчиков-высотников и даже скафандр Юрия Алексеевича Гагарина.

На выставке можно проверить себя. Никто из наших не выдержал проверки на внимательность. Потом мы пробовали космическую еду. Я стоял, рассматривал скафандр Гагарина, и вдруг экскурсовод спросил меня: «Хочешь примерить?»

Я даже ушам своим не поверил. Скафандр оказался мне в самый раз.

В этот вечер я долго думал о подвиге Гагарина.

На другой день мы отправились в горы собирать ягоды шиповника. Это очень важно. Очень! Ведь это лекарство для детей Вьетнама. Мы пошлем его в госпиталь, где лечатся ребята, раненные и обожженные напалмом во время войны. В горах шиповника уйма. Куда ни глянешь, всюду крупные красные ягоды. Смельчаки бросились собирать шиповник, а он колется. Да еще как! Но потом мы приноровились. Собирали не спеша, но к обеду наш отряд вернулся с огромным рюкзаком шиповника.

Сережа.

Мы путешествовали по Южному берегу Крыма на автобусах. Побывали в Алупке, осмотрели Воронцовский дворец-музей. Ходили на Поляну сказок. Сказочных героев вырезал из дерева один русский умелец. И Ялта нам всем понравилась, особенно интересно было в доме-музее А. П. Чехова. Я многое записала там, потом в школе расскажу на литературном вечере.

Ребята нашего отряда приехали из разных союзных республик. Мы очень подружились. Нателла, Лали и Джуля привезли с собой из Грузии кусты роз. Мы посадили розы в центре клумбы и назвали ее клумбой дружбы.

Каждый день кто-нибудь из нас поливал розы, и они прижились.

Завтра мы уезжаем в разные края, и мы написали письмо тем ребятам, кто приедет в Артек после нас. Пусть они ухаживают за розами и вспоминают о нас. Пусть они будут дружны, как мы. Кто-то из ребят сказал: «Прощай, Артек!» А мне так хотелось крикнуть, чтобы услышал старый Аю-Даг: «Артек! Милый Артек! До свидания!»

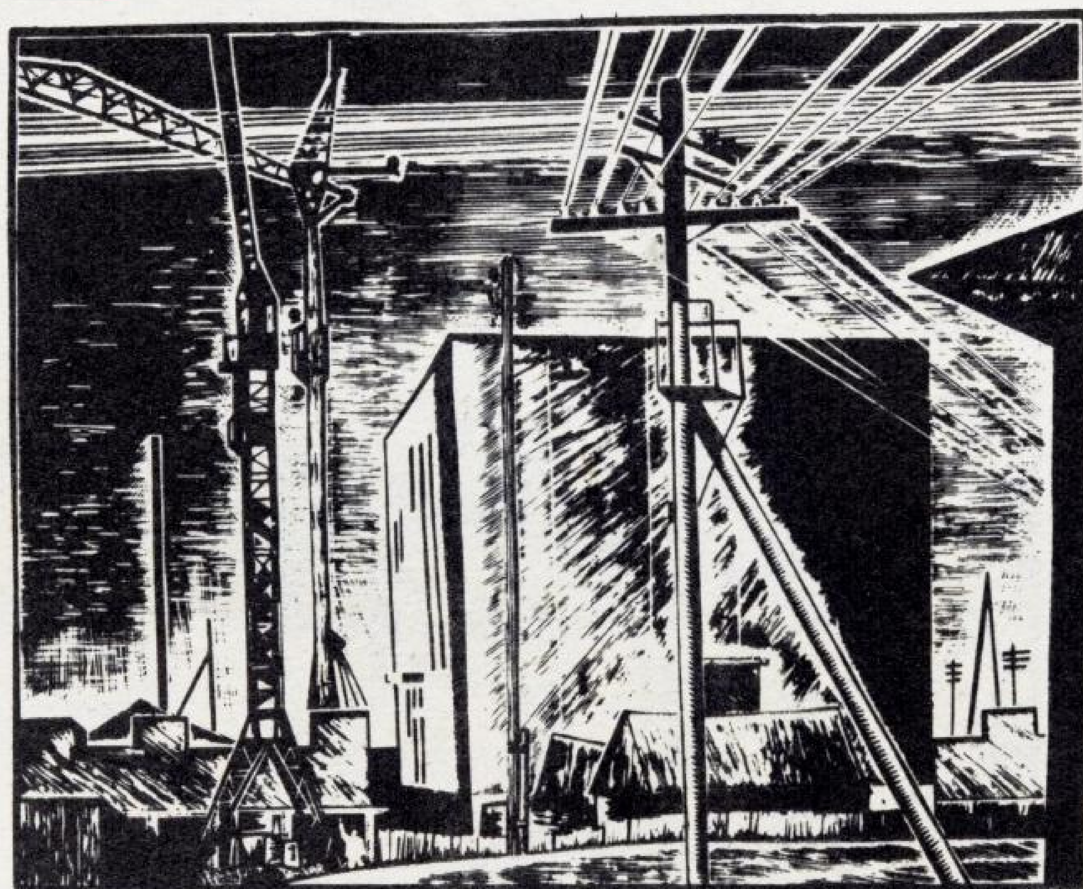
Оля.

Перед отъездом фотографируется каждый отряд. На обороте написаны фамилии и имена ребят, чтобы не забыть никого, когда будешь разглядывать. А самых-самых лучших артековцев снимают у пионерского знамени. Счастливые те ребята, которые увезут домой и такую фотографию.

На прощальном вечере я разжигал последний костер. Костер горел весело, а нам было грустно. Завтра автобусы увезут всех в Симферополь. По артековской традиции каждый из нас взял на память по угольку из догоревшего костра. На память об Артеке, о друзьях. Чтобы от этого уголька зажигать новые костры дружбы.

Сережа.

МОЯ РОДИНА — СССР

КРАЙ МОЙ СЕВЕРНЫЙ

Андрей НЕКРАСОВ

За полвека до Октябрьской революции купец Сидоров, проведав о том, что на реке Ухте есть выходы нефти, обратился к царю за разрешением на организацию промысла. Прошение попало на отзыв к генерал-адъютанту Зиновьеву. Тот наложил резолюцию: «Так как на севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, надо весь народ удалить с севера вовнутрь страны, а вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные».

Сидоров не первый узнал о нефти в Печерском крае. Еще при Петре I мезенский житель Григорий Черепанов доносил в Берг-коллегию об открытии им ухтинской нефти. Двадцать лет спустя купец Федор Прядунов добыл на Ухте первую русскую нефть. Но промысел скоро заглох, сам Прядунов разорился, а ухтинская нефть так и лежала нетронутой, пока не утвердилась в тех краях Советская власть.

В. И. Ленин один из первых вспомнил об ухтинской нефти.

Величавость горных хребтов. Суровые снежные дали. Весенняя голубизна бурных рек. Стройки, оснащенные современной техникой. Свет электричества, пришедший в самые отдаленные поселки. Сильных людей страны Коми — ты видишь здесь, на этих трех страницах журнала. Гравюры и цветные акварели В. Трофимова, В. Бухарова и А. Новоселова мы взяли с выставки, что была в Сыктывкаре, столице Коми АССР. На этой выставке было много картин и рисунков художников из Воркуты. Инты, Печоры, Ухты и других городов республики.

«В начале лета 1918 года,— говорил академик И. М. Губкин, —по его (В. И. Ленина) приказанию была организована экспедиция в ухтинский нефтяной район...»

Так с 1918 года началась новая история ухтинской нефти, а вместе с нею и новая история народа Коми.

Коми... И слова такого не знали в царской России. Знали, и то немногие, что от Вятки на север на тысячу верст и дальше до самого океана живут разные «инородцы» — нерусские люди и всех этих людей скопом называли «зырянами».

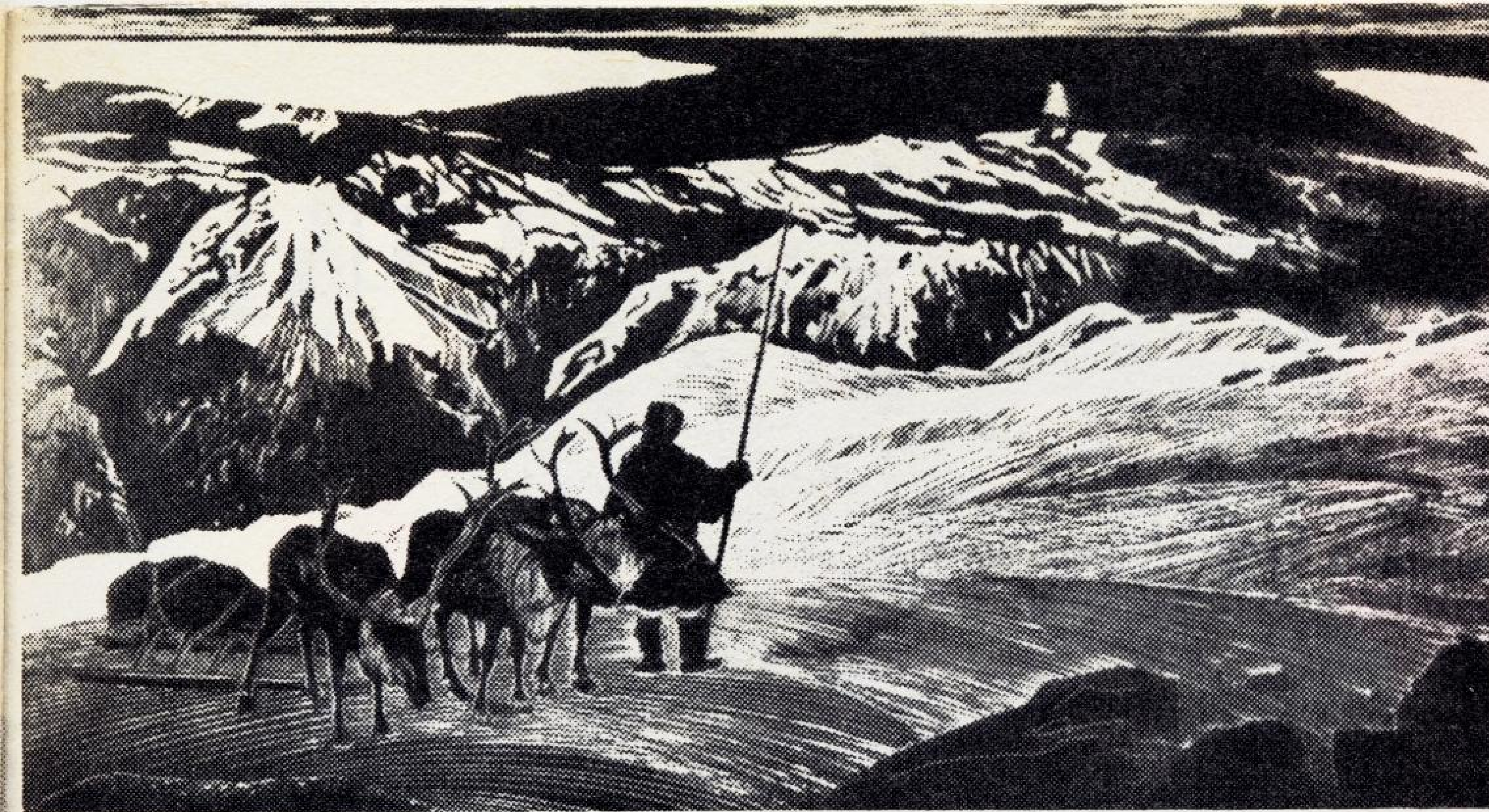

Лесным бездорожьем, болотными топями, глубокими снегами, как стеной, отгородился тот край от России. Стоял на весь край один маленький городок. Больше по берегам неторопливых таежных рек в курных избах жили хозяева этого края — народ коми. Жили впроголодь, грамоты не знали, но суровый край свой любили, берегли родной язык, обычаи, легенды, пляски... Зимой на быстрых оленях ездили по заснеженной тундре, били рябчика, в лесах промышляли белку. Весной кое-где сеяли ячмень... Беднее, казалось, и места нет на земле. Но так только казалось.

Пришла Советская власть. Открылись крышки подземных сундуков, и несметные сокровища, веками хранившиеся в земле, стали служить народу.

Сегодня пять красивых больших городов в Автономной Советской Социалистической Республике Коми.

Идут по железным и шоссейным дорогам, по всем направлениям, расчертившим Коми-край, потоки грузов. Трассы воздушных линий пролегли над тундрой и тайгой. Больше миллиона людей живет теперь в краю, где в царское время от силы сто тысяч числилось по тогдашним переписям. Сегодня за один день столько продукции выпускается в республике Коми, сколько до революции выпускалось за весь год.

Уголь, бокситы, титановые руды, железо, лес, рыба, пушнина, крупный рогатый скот— вот далеко не полный список богатств республики. Но главное ее богатство — нефть и газ.

Высоко над вершинами столетних лиственниц загораются по вечерам красные маячки на буровых. День и ночь, поскрипывая, кланяются противовесы мощных насосов и гонят, гонят в трубы миллионы тонн нефти. По газопроводу «Сияние Севера» в Ярославль бегут миллиарды кубометров газа, добытых из-под земли Коми.

И жизнь другая пришла к народу Коми. В царские времена с лучиной коротали вечера на Коми-земле. В наши дни на душу населения Коми вырабатывается больше электроэнергии, чем в промышленно развитой Италии. До революции семьдесят из ста детей, родившихся в тех местах, не доживали до юношеского возраста. Сейчас в Коми врачей больше, чем во многих передовых странах.

До революции народы Коми не знали ни грамоты, ни печатного слова. Сейчас десятки газет, книг и журналов издаются в республике. Народ Коми за короткий срок создал литературу, живопись, скульптуру, искусство. В Коми работает филиал Академии наук СССР.

Трудится народ Коми на своей земле, чтобы сделать ее еще богаче, еще прекраснее.

ЛЕТОМ
Рисунок О. САХАРОВОЙ.

РАСТУТ БЫСТРЕЕ

Разговор о летних каникулах ведет журналистка Наталья ХМЕЛИК.

ТЫ, Я, НАШ ОТРЯД

Зимой всегда некогда: в школу ходишь, уроки делаешь. Все другие дела откладываешь до лета. Но приходит лето и... уходит иногда без пользы. А как сделать, чтобы три летних месяца — четверть года! — не пропали впустую?
У меня появились этим летом новые друзья. Они живут на Псковщине. На их земле растут тяжелые дубы и лежат синие озера. В лесах партизанские тропы, а в озерах до сих пор находят снаряды минувшей войны и наконечники копий времен Александра Невского и славян-кривичей.
Мои друзья — ребята из разных школ. Ребята из школы села Карамышево ходят в походы и работают в сводном тимуровском отряде. В первой псковской школе действует стройотряд. Ребята из второй школы Пскова работают вместе с археологами. Вот о том, как проходят у них каникулы, я и хотела бы рассказать. Ведь летом человек растет быстрее. Он становится не только выше ростом, он становится умнее, самостоятельнее, образованнее.
Псковская земля особенная. Партизанский край. Исторический край. Пушкинский край. И, конечно, интересно жить на такой земле, ходить по ней, понимать ее прошлое, настоящее и будущее.
Но разве есть неинтересные края?
Где бы ни жили ребята, всегда найдется интересное. Везде своя работа, везде своя природа, своя история. А летом есть время поездить, походить, подумать. От этого становишься умнее, взрослее. Лучше понимаешь жизнь. Не зря говорят, что летом человек растет быстрее.
И ты за лето вырастешь и многое увидишь, узнаешь, чему-то научишься, что-то для себя откроешь.
Напиши в «Пионер», как ты живешь летом? Как живут твои друзья?

Деревня Старая Москва

Летом ребята, как всегда, ходили по местам боев. Такие походы помогают им понять, что такое героизм, понять, как мы победили врага.

Была на Псковщине деревня, называлась Старая Москва. Когда пришли сюда фашисты, они сожгли деревню: само имя Москвы было им ненавистно. Получилось так, что после войны вернулся в деревню только один солдат. Оглядел он пепелище — никого, ничего — и сказал: «А все-таки я буду жить здесь». И поставил дом. Обзавелся семьей. А потом рядом еще кто-то поставил дом. Возродилась деревня. Стоит теперь на старом месте новая деревня и называется Старая Москва.

Каждый год здесь на Кургане Дружбы собираются бывшие партизаны. Внизу шумит лес. Партизаны негромко поют старые песни, многие плачут: было много потерь.

Курган — целая гора, поросшая травой, кустами, цветами. До сорок четвертого года кургана не было. Когда освободили эту землю, партизаны трех республик — России, Латвии и Белоруссии—своими руками насыпали огромный холм—Курган Дружбы. Потом посадили три аллеи, деревья разрослись и, как три дороги, приводят теперь с разных сторон на Курган. Липовая аллея — из Латвии,

березовая — из Белоруссии, кленовая — из России.

Ребята тоже сидели на этом Кургане, тоже пели, разговаривали и думали о самом главном в жизни.

Тимуровцы умеют помогать

Летом в селе Карамышево работает сводный тимуровский отряд. Что такое сводный отряд? Все, кто на лето остался в Карамышеве, ребята постарше и ребята поменьше — все в одном отряде. Человек семьдесят. И для всех есть работа: помогают на ферме, ходят на прополку, на сенокос, возят зерно на элеватор.

Прибегает однажды к командиру Толя, самый младший пионер в отряде, и докладывает:

— На краю села поселилась старушка. Мы ей хотим помочь, а она нас прогоняет.

Надо в этом деле разобраться.

Старушка действительно встретила их неприветливо.

Но ребята не ушли.

— Мы вам помочь хотим,— сказала Люба.

— Ничего мне не надо. И воды у меня полный бак, и все у меня есть. И пол я сама мою каждую субботу.

— А сколько вам, бабушка, лет? — спросила Люба.

— Девяносто, наверное,— ответила старушка,— а, может, семьдесят, не помню.

Люба заглянула в бак и говорит:

— Девчонки, ни водинки нету!

— Ни водинки, ни водинки,— смутилась старушка.— Вам не натаскать, бак вон какой большой, а вы дети.

Валентин из седьмого класса говорит:

— Зато нас много! Мы — тимуровцы!

Быстро натаскали воды, вымыли полы. Старушка притихла. Потом призналась:

— У меня и дрова не колоты.

И снова взъерошилась:

— Я и сама-то могу, только некогда было.

Мальчишки накололи дров с удовольствием.

Через несколько дней приехала из райцентра старушкина дочь и обиженно тимуровцам говорит:

— Что, я своей маме сама не помогу? Что соседи скажут?

Ребята с ней спорить не стали, а сами подумали: значит, они не только о старушке позаботились, но и дочери ее помогли коечто понять. Нельзя бабушку старую забывать и оставлять одну. А если оставляешь, нечего обижаться. На то и тимуровцы, чтобы помогать, кому трудно.

Стройотряд идет по городу

Когда они шли по Пскову в стройотрядовской форме, Володя надеялся, что их принимают за студентов. Хотя, честно говоря, трудно восьмиклассника принять за студента.

Сначала выдержали бой с родителями. Мамы не хотели отпускать своих детей за сто километров от города. Спать они будут в каком-то клубе. Питаться неизвестно чем и где. Но семнадцать самых упорных ребят мамы все-таки отпустили.

Девчонки ночевали в клубе. Мальчишки в сарае, на сеновале. Днем работали — копали силосные ямы и силос загружали. Помогали взрослым на покосе. А когда приходили с работы, дежурные кормили их таким вкусным обедом, какого дома и не бывает.

Они провели в отряде целый месяц. Когда уезжали, получили благодарность правления колхоза и райкома комсомола.

Отряд называется «Прометей». Это значит, что ребята готовы щедро делиться с людьми теплом и светом.

Виноватых не ругали

Отряд идет по лесу от деревни Алоль до поселка Идрица. И, конечно же, начался дождь, нудный, холодный, да еще с градом.

— Как ты думаешь, сколько мы прошли? — спрашивает Лена.

— Три тысячи километров,— отвечает Сережа мрачно.

— А серьезно?

— А серьезно километров сорок.

— А должны были двадцать! Значит, мы заблудились?

И тогда Владик говорит виновато:

— Мы не заблудились, мы придем, только не той дорогой.

Как это получилось, что они пошли не той дорогой? Владик и Виталий поехали в Псков копировать карту. Заговорились друг с другом и скопировали неправильно — кальку сдвинули совсем чуть-чуть, а отряду пришлось идти лишних пятнадцать километров. Когда дошли до Идрицы, не было сил даже разбивать палатки. Спасибо идрицким ребятам — пригласили ночевать в интернат.

Что было плохо? Потеряли время, очень устали.

Что было хорошо? Убедились, что рядом

настоящие друзья: никто не ругал поход и погоду и ни в чем не упрекнул виноватых. Они сами упрекали себя. И еще каждый понял: если делаешь что-то для одного себя и сделал не совсем хорошо, то это твое дело, а для всех — не имеешь права.

Клад и кладка

В июне в Псков приехали археологи из Ленинграда. Ребята пришли к ним и сказали:

— Мы из второй школы, у нас договор с Псковским историко-архитектурным музеем.

Работали на раскопках Мирожского монастыря. Монастырь этот особенный. Он стоит уже семьсот лет при впадении речки Мирожки в реку Великую. Сначала это была военная крепость. Каждый мальчишка в Пскове знает: Мирожский монастырь был крепостью, которая защищала Русь от набегов иноземных захватчиков. Знали-то, знали...

Сколько раз ходили зимой кататься на санках с заснеженной кручи, а летом купались в прогретой солнцем реке Великой, и все рядом со старыми стенами из белого камня. Но только когда стали работать вместе с учеными, старые камни вдруг ожили и как будто заговорили. И представили мальчишкам древних воинов в островерхих шлемах, крестьян, приезжающих в крепость на ярмарку. А там, где Андрей Зверев нашел большие позеленевшие медные монеты, крестьяне платили торговую пошлину. Андрей нашел целых шесть монет, и археологи подарили ему одну на память.

К археологам ребята, честно говоря, шли с одной тайной мыслью: найти клад. Но руководитель раскопок, человек серьезный и даже суровый, как будто прочитал их мысли:

— К побрякушкам не стремитесь. Нам с вами важно найти кладку. Под нами древний город, его занесло землей, но мы его найдем.

Они копали. Стукнет лопата о камень — то ли просто камень, то ли старинная стена. Если камень — можно вышвырнуть, если стена — надо аккуратно.

— Чему научило вас это лето? — спрашиваю я у ребят.

— Терпению,— отвечает Андрей.

— И еще дисциплине,— добавляет Гена.— Дисциплина у нас была, знаете, какая! Опоздал на две минуты — и ступай домой. Сегодня ты не нужен. Если вовремя пришел, собранный, подтянутый,— нужен. Сначала нам это не нравилось: зимой спешили в школу, теперь, летом, опять спешить. Потом понравилось. Пятьдесят минут работа — десять минут перерыв. Как десять минут прошло, словно внутри будильник зазвонил. И опять за работу. Хотя никто нас не проверял.

Слово артековцам разных лет

НИНА ВЛАДИМИРОВНА АЛЕКСЕЕВА, ПИОНЕРВОЖАТАЯ АРТЕКА В 1930 ГОДУ:

Когда первый раз написали в газетах, что у ребят будет свой лагерь, да еще на берегу Черного моря, где раньше отдыхали только богачи,— даже не верилось. Время было трудное: мы в пионерских отрядах не только песни пели да сборы проводили, а сами себе обувь шили — матерчатые туфли на деревянной подошве, с кружками ходили собирать деньги для МОПРа — Международной организации помощи революционерам.

В Артеке было несколько брезентовых палаток, а ребята все же говорили гордо: «Наша пионерская республика».

Много друзей было у артековцев, но самым большим другом был тогда Зиновий Петрович Соловьев, заместитель наркома здравоохранения. Артековцы слушали его рассказы о Владимире Ильиче Ленине затаив дыхание.

Однажды на лагерь ночью налетел ураган и стал срывать палатки. Зиновий Петрович вместе со всеми сотрудниками лагеря переносил на руках ребят наверх, в единственный деревянный домик. А утром солнце ярко светило, словно и не было ночного урагана. Соловьев помогал растягивать палатки, сушить промокшие от дождя постели... и думал, где взять в такое трудное время деньги, чтобы построить ребятам дома вместо палаток. Через два года дома были построены. Ребята сами тогда сочинили песенку.

Лагерь наш построил РОКК *,
Комсомол ему помог.
Пионеры не дремали —
Комсомолу помогали.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КРОТОВ, ПИОНЕРВОЖАТЫЙ АРТЕКА В 1930—40-х ГОДАХ:

В Испании шла война с фашизмом. В Артеке ждали испанских ребят, потерявших своих родителей. Весь лагерь был охвачен волнением, все заучивали испанские слова, фразы.

Едем всем лагерем в Ялту встречать испанцев. Они сходят по трапу корабля, подняв над головой сжатые кулаки, поют песню «Красное знамя», Вместе с нами встречал их Рубен Ибаррури — он еще раньше приехал в Советский Союз. Больше всего он любил играть в военные игры, всегда старался в игре быть разведчиком. Как-то он мне сказал, что Советский Союз он считает своей второй Родиной. Он стал командиром и погиб под Сталинградом, защищая нашу страну от фашистов.

В сорок четвертом году Артек освободили от гитлеровцев. Приезжали в лагерь ребята, вынесшие тяжесть ленинградской блокады, юные разведчики и связные, сыны полков. Артек возвращал их к детству, к веселым играм, увлекательным книгам. В Артеке они встретили в 1945 году День Победы.

МОКРУШИНА НАТАЛИЯ ВАЛЕРИЕВНА, АРТЕКОВКА 1967 ГОДА:

Я теперь работаю учителем, преподаю русский и литературу.

Я счастлива, что выбрала эту профессию. И «виноват» в этом Артек. Я до сих пор помню нашу дружину «Хрустальную», как будто была там только вчера. И нашу вожатую Валентину Ивановну Андрющенко. Ведь именно на нее хотела я быть похожей: тоже работать с детьми, быть такой же доброй, веселой. Об Артеке я теперь рассказываю своим ученикам. Показываю им фотографии и уголек от большого артековского костра.

* РОКК — Российское общество Красного Креста.

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА и А. ГРИШИНА.

ФЛАГ-КАПИТАНЫ

После школы Сережа снова пришел в отряд.

Он любил вечера в отряде. Приходили те, кому хотелось. Не на занятия, а просто так: посидеть вместе, поговорить. Одно слово—«кают-компания». Булькал на плитке чайник, вкусно пахли разогретые пирожки, за которыми бегали в магазин на углу, собрав копейки и пятаки... Потом начинал трезвонить телефон: то одни, то другие родители справлялись, где их дорогое чадо и скоро ли оно явится домой. Чадо отвечало «щас» и тут же забывало об этом обещании. Олег спохватывался и начинал всех отправлять по домам. Но за разговорами и он иногда забывал о позднем часе. Приходилось потом компанией ходить от дома к дому и провожать друг друга.

Сережу, Кузнечика, Митю Кольцова, Наташу, Андрюшу Гарца и еще нескольких «постоянных жильцов» «кают-компании» звонками не тревожили. Привыкли. А ребята эти привыкли к спокойным, хорошим вечерам, привыкли быть вместе.

Для долгих разговоров нашлась одна бесконечная тема: море, корабли, Севастополь. Так уж получилось...

Олег часто рассказывал об Артеке. О своих отрядах. О вечерах на берегу. О том, как шумит на галечных пляжах ночной прибой, как светятся огоньки на проходящих вдали теплоходах. О том, как ребята-артековцы выходят на катерах в нейтральные воды и бросают в море бутылки с письмами к мальчикам и девочкам разных стран. И еще о поездках в Севастополь, удивительный город, где почти про каждый камень можно написать книгу: столько здесь было подвигов. Белый город, в который море врезается длинными синими бухтами, плещется у окон домов. Про эсминцы и крейсера, про старые бастионы, про старинные пушки, врытые на

пирсах вместо причальных тумб. Про запутанные каменные лестницы и про улицы, где смешались дома и корабли...

Генка Кузнечик в прошлом году был в Севастополе. Он подхватывал рассказы Олега и говорил, как мальчишки ловят крабов среди прибрежных камней, как гремит и сверкает над бухтами салют в День Военно-Морского Флота, как покачивает рыбачьи ялики

на синей волне. И как они с ребятами нашли однажды в песке очень ржавый пулемет с плоским диском над стволом и Генкин брат Саша сказал, что это пулемет системы Дегтярева.

Генкины рассказы всегда кончались тем, что сказал или сделал Саша. И песни, которые иногда пел Кузнечик, были Сашины.

Больше всех подходила для таких вечеров песенка о синем крабе. Простая такая, забавная и немного грустная.

Первые слова Кузнечик даже не пел, а произносил чуть задумчиво:

Синий краб, синий краб
Среди черных скал в тени...
Синий краб, он приснился мне во сне...

А потом уже дергал струны, и начиналась мелодия.

...У него восемь лап,
Две огромные клешни
И серебряные звезды на спине.
Рыбаки ловят рыб,
Китобои бьют китов —
Делом заняты с утра и до утра.
Только я с той поры
Позабыть про все готов:
Все залив ищу, где водится мой краб.

Мотив был простой, как перезвон капель, падающих на палубу. И Сереже представлялся мальчуган в тельняшке, похожий на Димку. Будто он сидит на носу парусной шлюпки и печально думает о загадочном крабе: где его найти?

А когда мальчишка возвращается на берег, рассудительные люди спрашивают:

— Да зачем он тебе,
Этот странный зверь морской?
С ним в беду очень просто угодить!
У него ужасный вид,
Он, наверно, ядовит —
Ни сварить его, ни в банку посадить.

Мальчишка даже и не спорит с ними. Он только отвечает тихо и упрямо:

— Сто ночей не усну,
Буду думать все о нем,
Буду думать, буду плавать и грустить.
Мне бы только взглянуть
На него одним глазком,
Просто так — посмотреть и отпустить...

Пока Генка пел, Сережа и Димка посматривали друг на друга и улыбались глазами. У Сережи на рубашке всегда был прицеплен маленький синий краб, которого подарил ему осенью Димка...

Димка тоже иногда рассказывал про море. Он был с родителями в Анапе. Чаще всего он вспоминал большого черного кота, приходившего на пирс к рыбакам. Кот молча сидел и ждал, когда рыбаки поделятся с ним добычей. Димке нравилось, какой он был спокойный и полный достоинства. Рыбаки его вроде бы даже побаивались: никто не решался оставить кота без угощения. А кот съедал очередную рыбу и продолжал смотреть в море, будто ждал кого-то.

Данилка вспоминал не Черное море, а Белое. Он в дошкольные годы жил в Архангельске и хорошо помнил, как отец водил его на пароход, в гости к знакомому капитану. Данилка говорит, что Белое море даже лучше, чем Черное, потому что там бывают приливы и отливы.

Наташа на Черном море тоже не была. Но она бывала в Ленинграде и в Петродворце — на Финском заливе. Ребята иногда спорили: можно ли Финский залив считать морем? Мелкий он, и вода там пресная. Наташа доказывала, что можно. В учебнике географии так и написано: заливом называется часть моря, вдающаяся в сушу. Часть моря, понятно вам?

Генка всегда заступался за Наташу. А однажды он привел доказательство, совершенно неопровержимое:

— Если не море, то почему для этого залива морские карты напечатаны? С маяками, с глубинами, с компасным кругом! Даже номер по каталогу морских карт указан! У Саши есть такие карты. Не верите?

Ему поверили. Олег спросил:

— В конце концов кто твой Саша? Моряк? Поэт? Музыкант? Физик? Или все вместе?

— Инженер-физик,— сказал Генка,— он электроникой занимается. Электроника и на кораблях используется. Я только не знаю точно, что он там делает. Думаете, он все мне рассказывает? Один раз я к нему пристал, а он, знаете, какую чушь рассказал? Говорит, горючее для судов дорого стоит, и есть мысль у инженеров, чтоб вернуться к парусным кораблям, пускай ветер вместо бензина работает. А чтобы матросов по мачтам не гонять, паруса будут управляться электронными машинами...

— Это вовсе не чушь,— вмешался Митя Кольцов.— Такие корабли кое-где уже строят. В Японии шестимачтовую шхуну заложили, а на Гамбургской верфи четырехмачтовые фрегаты типа «Динашиф». Пассажирские и грузовые.

— А зачем? — спросила Наташа.— Ведь не средние века. Может, еще кареты изобретут, а вместо кучера — электронную машину?

Митька медленно поднял глаза на неразумную Наташку. Он если и обижался, то не подавал вида. Он только сказал:

— Знаешь, сколько нефти жрет большой теплоход? Тебе и не снилось. Земля ведь не бездонная, горючее экономить надо. А новые парусники будут ходить быстрее, чем клипера.

— Но все равно медленнее пароходов,— не сдавалась Наташа.

— Лучшие клипера давали по двадцать узлов. Даже двадцать один. Думаете, грузовые суда сейчас ходят быстрее? — спросил Митя.

Спорить было бесполезно. О клиперах Митя знал все. Он никогда не был у моря, но любил корабли преданно и бескорыстно, как самых лучших друзей. Он про них мог рас-

сказывать так, будто на каждом плавал по десять лет. Особенно про парусники. Правда, сам он редко начинал такие разговоры, будто стеснялся своей любви. Лишь однажды победил смущение и предложил:

— Давайте построим корабль.

— Настоящий? — спросил Генка.

— Да. Двухмачтовый.

— Ну, Митя, это нам не потянуть,— сказал Олег.— Мы же не судоверфь.

Митька не стал спорить, но на следующий день принес журнал с чертежами бригантины-малютки, которую можно построить из обычной шлюпки.

— А шлюпку где взять? — спросил Олег.

— А если найдем...— тихо сказал Митя.

— Надо подумать,— откликнулся Олег.— Лето не за горами..

Генка Кузнечик поддержал Митю. Сказал, что свой корабль — вещь нужная. Он вообще всегда поддерживал Митю.

Но в этот вечер, когда говорили о Сашиной работе, Генка возразил:

— Нет, Саша все-таки не парусами занят. По-моему, он там на других кораблях. Севастополь — город военный.

И все опять заговорили о Севастополе. Только Сережа слушал молча.

А что ему было говорить? У моря он не бывал, теплоходы и пароходы видел только на реке. Он очень любил вечера в «Эспаде» и разговоры о Севастополе слушал с интересом, но самому ему сказать было нечего. И порой Сережа начинал тихонько ревновать ребят друг к другу: у всех у них что-то общее, а он будто в стороне.

Так было, пока Генка не упомянул о Херсонесе.

— Разве Херсонес в Севастополе? — удивился Сережа.

— Конечно. Между Карантинной и Песочной бухтами.

— Я думал, что это вроде какого-то поселка,— сказал Сережа.— Там раскопки греческого города, правильно?

— Да. Там развалины, всякие башни, стены. И колонны из мрамора.

— У меня дядя есть. Брат тети Гали. Он археолог, с московскими студентами в Херсонесе на раскопках работает,— со сдержанным торжеством сказал Сережа.— Он все не писал, не писал, а недавно письмо прислал, обещает весной в гости приехать. Я у него тогда все выспрошу про эти раскопки...

— Хочешь, я тебе книгу про Шлимана принесу? — спросил Олег.— Про того, кто древнюю Трою открыл.

Олег ухитрялся все понимать. Про каждого. Сережа никогда ему не говорил, что все больше и больше тянут его к себе тайны старых городов, заросших, засыпанных, утонувших. Но Олег, видно, знал и это.

Хорошо приходить туда, где тебе рады, где тебя всегда понимают, где друзья. Вот поэтому Сережа, когда мог, спешил в «Эспаду».

Но сегодняшний вечер в «кают-компании» был непохож на прежние. Вспоминался утренний случай.

— Да ничего,— сказал Сережа, чтобы успокоить себя и других.— Они же сами виноваты. Ворвались и давай командовать...

— Все правильно,— согласился Олег.— Только зря я, пожалуй, с ними такую перепалку затеял. Нервы, что ли, стали сдавать?

— Нервы у кого хочешь сдадут,— сказал Сережа.— После случая с Данилкой... Я как вспомню про этот стержень, зубы стучат.

— Это верно. Только я вообще легко заводиться стал,— вздохнул Олег.

Вмешался Генка:

— Ну уж легко! С теми двумя тетушками ты очень вежливо разговаривал. Помнишь?

— Что за тетушки еще? — встревоженно спросил Данилка.

— Да были тут,— сказал Олег.— Давно еще, две недели назад. Я разве не рассказывал? Кузнечик наш как раз первое занятие с новичками начинал... Вошли в зал, остановились посередине и тогда только говорят: «Можно к вам?» Мы даже остолбенели сперва. Мальчишки как раз переодеваются для разминки. Гена стоит бледный от ответственности и лихорадочно вспоминает комплекс упражнений...

— Упражнения я помнил,— сказал Генка.

— Ничего ты не помнил... Ну вот. Я говорю: «Простите, но никак нельзя. Видите, ребята раздеваются, инструктор первый раз на занятиях, стесняться будет. А вы что хотели?» «Мы хотели посмотреть, чем вы тут занимаетесь». «Простите,— снова говорю,— вы кто?» «Вот она из уличного комитета, а я вместе с ней...» Ну, пригласил их в «кают-компанию», объяснил, что гости к нам, если приходят на занятия, то сначала предупреждают. Родители — другое дело, у них тут ребята. Очень вежливо объяснил. А они рассердились. Говорят: «Что это вы отгораживаетесь от людей?» Обещали пожаловаться... Может, зря мы их на занятия не пустили?

— Мне их тогда только и не хватало,— сказал Генка.— Я даже Сергея прогнал. Трепетал с непривычки как осиновый лист.

— Учительницу пускаешь и не боишься,— напомнил Сережа.

— Первый раз ее тоже не было.

— Что за учительница? — капризным голосом спросила Наташа.— Все про все знают, а мне никогда не говорят.

— Учительница та самая, которая Генкиных третьеклассников учит,— объяснил Олег.— Ведь наш Кузнечик попал в капитаны почему? Из-за нее. Она в нем души не чает.

— Может, хватит? — жалобно спросил Генка.

Но у Олега запрыгали в глазах веселые точки. Он продолжал:

— С чего началось? Приходит однажды из тридцать седьмой школы учительница. Пожилая, представительная. Очень-очень вежливая. Говорит, что интересуется нашей работой. Мы как раз были с Геной и с Ворониными. Стали показывать ей все и рассказывать, а она вдруг спрашивает: «Нельзя ли моих мальчиков записать к вам в отряд?». Имейте в виду, сразу сказала не «в клуб», а «в отряд». Я спрашиваю: «Сколько»? «Ну, хотя бы человек семь». Посмотрели мы с ребятами друг на друга: что делать? Главное, малышня совсем. А как откажешь хорошему человеку? «Ладно,— говорю.— Если семь, то попробуем». Она обрадовалась! Потом стала интересоваться: «Вы с ними со всеми один занимаетесь?» «Нет,— говорю,— сам я не управился бы. Ребята помогают, кто постарше». Она тогда отвела меня в сторонку и шепчет: «Нельзя ли, чтобы с моими занимался вон тот симпатичный мальчик?» — И на Геночку показывает. Как тут быть? Пришлось принять солидный вид и сказать: «Принимайте, товарищ Медведев, группу».

— Я чуть в гитару не влез,— мрачно признался Генка.

Олег сказал:

— Раз группа есть, пришлось звание давать. Для авторитета перед новичками.

— И перед Надеждой Анатольевной,— вставил Сережа.

— Подать, что ли, в отставку? — задумчиво произнес Генка.

— Я вот тебе подам,— пригрозил Олег.— А дальше знаете что? Бедная Надежда Анатольевна ходит к нему на все занятия. Ее пиратики как начнут махать клинками, как начнут вопить от восторга, так она бледнеет и глаза закрывает. Но в капитана Медведева верит как в каменную стену.

— Она в него просто влюбленная ходит,— сказал Сережа.— Позавчера шоколадкой угощала.

— Да бросьте вы,— отмахнулся Генка.— Она в своих пацанят влюбленная. Не надышится на них. И они от нее ни шагу. Если бы я в третьем классе учился, обязательно бы к ней сбежал.

— От Татьяны Михайловны? — укоризненно спросила Наташа.

— Ну... Татьяна Михайловна третьи-то классы не учит,— вывернулся Генка. И, чтобы отвести разговор от себя, добавил:

— Сережка, если бы мог, давно бы уж от нее сбежал. Это точно. Она его совсем завоспитывала.

— Да ну...— отмахнулся Сережа.— Просто ей кажется, что я слишком часто в разные истории встреваю.

— Не в разные, а в одинаковые. В скандальные,— уточнила Наташа.

— Про меня это тоже говорят,— печально признался Данилка.— А мы при чем? Это истории виноваты, раз случаются. Да, Сережа?

— Вот именно,— сказал Сережа, благодарный Данилке за такую здравую и четкую мысль.

Генка хихикнул.

— Самое смешное знаете что? Татьяна Михайловна боится, что Сережка из-за той драки с Гавриком начнет зазнаваться. Я, мол, герой, бандита задержал, в газете писали...

— Зазнаешься тут при такой жизни,— мрачно сказал Сережа.— Чуть что, сразу: «Про тебя в газете написали, а ты тройки получаешь! Про тебя вся школа знает, а ты по коридору носишься!» Или еще так: «Каховский, ты опять споришь со старшими! Ты, наверно, думаешь, что вокруг тебя одни бандиты и хулиганы! Ты еще палку возьми!»

— Это кто же тебя так? — поинтересовался Олег.

Ответила Наташа:

— Все она же, Нелюшка. Недавно решила Стаське Грачеву двойку по поведению поставить за то, что он не захотел после уроков с классом в кино идти. Мы с Сережкой заступились. А она и на нас и на него разозлилась, говорит, что он ябедничает на учительницу.

— Стаська не ябедничал, мы случайно узнали,— сказал Сережа.— Он теперь вообще ни на кого не жалуется. Если обижают, молчит или сам отбивается. И отца почти не боится.

— Только слишком злой стал,— вздохнула Наташа.— И с Нелюшкой его никак мир не берет.

— С учителями кому как повезет,— рассудительно заметил Данилка.

— У меня классная руководительница была отличная, мы все ей до сих пор письма пишем,— задумчиво сказал Олег.— Лидия Григорьевна, физик... Один только был у нее недостаток: считала, что я обязательно должен стать инженером. Даже заболела, когда я не поступил в политехнический институт, срезался по математике.

Наташа посмотрела на Олега почти обиженно.

— Ты разве не сразу пошел в педагогический?

Олег усмехнулся, оглядел собравшихся в кружок ребят.

— Братцы, да я же почти старик. Я в жизни многое успел.

— Очень ты похож на старика,— язвительно заметила Наташа.

Олег сказал:

— Не попал в инженеры. Пошел на электростанцию, осенью взяли в армию. Стал проситься на флот. Умолял, чуть не плакал. Майор даже разозлился и говорит: «В армии два года служат, а на флоте три». А я в ответ: «Может, я на всю жизнь там останусь, что мне три года!» Уговорил. Приехали мы на Север, там еще одна медкомиссия. Мне — по шапке: нельзя на корабль, здоровье не то. Я опять чуть не в голос: «Оставьте хоть на берегу, только у моря...»

— Оставили? — напряженным шепотом спросил Митя. Он будто приключенческий роман слушал: ведь море же!

— Оставили... Форма морская, а служба почти штатская. В команде при местном Доме офицеров. Увидели, что рисую прилично, сделали художником-оформителем... Работы, конечно, хватало, но все же не то, что на кораблях. Свободного времени порядочно оставалось, особенно когда втянулся... При Доме офицеров кое-какие кружки и секции работали, была и секция фехтования. Тренировал капитан-лейтенант Гранитин по прозвищу Капитан Грант. Сердитый на вид мужчина, крикливый, но учил здорово. Увидел, что я приглядываюсь к их занятиям, и забрал к себе. Я, говорит, из тебя сделаю мастера. Ну, мастера не сделал, а второй разряд я получил. Поехал потом в Севастополь на спартакиаду флотов. Там дотянул до первого разряда... А когда вернулся, увидел двух хороших людей, Федю и Ромку...

— Что за люди? — ревниво спросил Данилка.

— Очень замечательные люди. Тому и другому было тогда по одиннадцать лет. Стали они заглядывать к нам в Дом офицеров каждый день, смотрят на рапиры и вздыхают. Ну, стал я их учить потихоньку, когда Капитана Гранта не было поблизости. Он посторонних не терпел. Узнал про это начальник Дома офицеров, приказал явиться и давай делать накачку: не положено, мол. «Безобразие!» — говорит. Я не выдержал и начал с начальством пререкаться: «Даже для офицерских жен кружки есть, а ребятам куда деваться?» Начальник был умный. Поглядел на меня и повторяет: «Я и говорю, безобразие! В поселке вон сколько ребятишек, а вы только с двумя занимаетесь. Набирайте команду, я доложу начальству...»

Олег вдруг замолчал и стал смотреть в темное окно. А там ничего не было видно, только лампочка отражалась да огненные Данилкины вихры.

— Набрал команду? — спросил Сережа.

— Набрал... Когда демобилизовался, они — в слезы. А я... В общем, тоже не сладко. Не уезжать нельзя — учиться надо. Хорошо хоть замена нашлась, — девятиклассник из местной школы. И Гранитин обещал помочь... Ну, вот... А как приехал домой, пошел в интернат работать. Это в Красном Береге, у меня там родители живут. Старшим вожатым стал. Ребята из горкома комсомола посоветовали... Потом в институт поступил на заочное...

— Когда ты все успел? — спросила Наташа. — На флоте, в интернате, в Артеке, у нас...

— Успел. Служил два года, потому что на берегу. В интернате тоже два года... Это, братцы, самое лучшее, что у меня в жизни было, честное слово...

— Лучше, чем в Артеке? — недоверчиво спросил Митя. Он, конечно, не верил, что где-то может быть лучше, чем у моря.

— Угу, — ласково сказал Олег и даже зажмурился. — Такие ребята... Мы с ними театр устроили. В походы по реке ходили... Я бы в Артек и не уехал...

— А почему уехал? — не утерпела, полюбопытствовала Наташа.

Олег раскрыл глаза и по очереди посмотрел на каждого.

— Так... Так получилось, братцы. Не поладил с начальством. Был сначала отличный директор, да ушел на пенсию. Пришла на его место одна... Вроде той, что сегодня у нас была. Театр заставила прикрыть: от учебы отвлекает. Походы запретила. Вам, говорит, игрушки, а мне отвечать. Я молод был и... в общем, прямолинеен. А она — как скала. Вот и не договорились... А тогда как раз вожатых в Артек приглашали...

— Грустные какие-то истории, — настороженно сказал Кузнечик. — Все прощаешься и прощаешься. Ты, Олег, только не вздумай с нами прощаться.

— А то ты интернат уже не первый раз вспоминаешь, — подозрительно сказала Наташа.

Олег улыбнулся.

— Сто ночей не усну, буду думать все о нем...

— А о нас? — обиженно спросил Данилка.

Олег встряхнулся, встал и весело ответил:

— Это само собой.

Он схватил капитана Вострецова под мышки и на весу повернул его носом к часам.

— Ну-ка, Осенняя сказка, посмотри, который час. Брысь домой, а то опять от сестрицы попадет.

— Пфы! — сказал Данилка, демонстрируя полное бесстрашие.

— А почему «Осенняя сказка»? — спросила Наташа.

Данилка гордо объяснил:

— Потому что у меня на носу целый листопад из веснушек. Не видишь разве? Тебе таких сроду не иметь.

— Где уж мне...

Данилка сказал деловито:

— Пойду. Мне завтра просыпаться первому, я по квартире главный дежурный. У нас с Юлькой очередь.

— Ты всегда раньше всех должен просыпаться. Ты же барабанщик. Привыкай, — сказал Олег.

Данилка сказал, что он и так привыкший, и ушел. С ним ушел и Митя.

Генка забрался с ногами на диван и прикрыл глаза.

— Ты что? — спросил Сережа.

— Да я про Данилку думаю. Про все, что было утром. И про это... Вдруг бы ты не убрал ту железяку?

Сережа поежился...

До угла все шагали вместе. Было морозно.

Олег потер перчатками уши и жалобно сказал:

— Ранние весенние рассветы,

Теплый ветер марта, где ты, где ты?

И объяснил:

— Это я в юности сочинял. В Лермонтовы метил. Увы...

На углу они разошлись. Наташа и Олег направились прямо, Сережа и Генка помахали им вслед и свернули на Октябрьскую.

Почти сразу же у яркой витрины магазина «Одежда» Генка остановился.

— Как-то все вместе сложилось,— немного растерянно проговорил он.— И тревога утром, и разговоры, и Данилка... И вот еще. Смотри.

Он долго шарил за пазухой и вытащил сложенный в несколько раз листок из иностранного журнала.

— Вот...— повторил Генка. Расправил в ладонях лист и поднес ближе к свету.

На листе напечатан был крупный снимок.

На брусчатую мостовую ничком упал мальчик. Он лежал головой к зрителю, одна рука согнута, другая брошена вперед. Волосы, просвеченные солнцем, разметались по камням. Фотография была отчетливая. Каждый волосок был виден, и казалось, что ветер их шевелит. Но особенно четко выделялась на камнях цепочка выбоин, протянувшихся у головы мальчишки. Видно, только что хлестнули по брусчатке пули.

С отчаянной ясностью вспомнил Сережа свой давний сон — про знойный враждебный город, про пулеметы на бастионах и убитого мальчишку. И сам будто ощутил сквозь рубашку твердость горячих камней на мостовой.

— Чили? — спросил он.

— Конечно,— откликнулся Генка.— Журнал из Перу. Саше прислали. А снимок перуанский журналист в Сантьяго сделал... Вот я все думаю: он или не он?

— Кто?

— Ты не помнишь?

Генка прикусил губу, расстегнул пальто, полез в карман куртки. Достал маленькую фотографию.

И Сережа сразу вспомнил. С фотографии весело смотрел маленький, светлоголовый, похожий на Митьку Кольцова чилиец — Александро Альварес Риос.

Генка положил фотографию на журнальный лист. Сказал тоскливо:

— Все думаю: он или не он?

— Ну почему же он? — беспомощно сказал Сережа.

Было что-то щемящее, до дикости несправедливое в этом сочетании: живое лицо мальчика и рядом — брошенное на камни, пришитое к ним пулями маленькое тело.

Словно защищая Генку от беды, Сережа повторил:

— Ну почему обязательно он? Лица-то не видно. Только волосы похожи.

—И рубашка,—прошептал Генка.—И еще... Смотри.

Он коснулся ногтем воротника Александро. Там на уголке белела капелька непонятного значка. А на большом снимке... Там тоже. Угол воротника выбился из-под щеки, и на нем виднелся белый кружок.

— Ну и что? Просто совпадение. Разве не может быть совпадения? — спросил Сережа.

— Может,— сказал Генка.— Все может... Только от этого не легче.

Мелкие-мелкие снежинки падали на журнальный лист, на фотографию чилийского мальчишки. Падали и не таяли.

Кузнечик все еще держал перед собой снимки. Будто не решался оторваться от них. Сказал тихо-тихо:

— Когда смотрю, отомстить хочется. Будто кого-то из наших убили, Митьку или Данилку. Или еще кого-то...

— Да,— сказал Сережа.

Генка помолчал, сдул с листа снежинки и медленно проговорил:

— Смотри, он упал, как барабанщик. Только барабан вперед укатился, и его не видно.

Генка опять сдунул снежинки и проговорил:

— Данилка сказал: «Мне вставать первым...» Я эти слова, как строчку из песни, запомнил... Я, наверно, песню сочиню про барабанщиков. Она из сегодняшнего дня сама получается.

И, глядя на журнальный снимок, словно читая подпись под ним, Генка хрипловато стал говорить:

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали...

Помолчал и будто рассердился на себя за смущение, за хриплость. Сказал негромко, но ясно:

Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже —
Ведь пулеметы режут
Часто у самой земли.

В Сереже словно музыка откликнулась: суровый, твердый марш, когда все барабанщики медленно поднимают и разом опускают палочки.

Он ничего не сказал. Он вдруг сообразил, что Кузнечик держит лист голыми руками, без варежек. Пальцы у Генки стали ледяные.

Сережа скинул перчатки, осторожно взял листок, свернул его и сунул Генке в наружный карман. Сложил вместе Генкины застывшие ладошки, зажал их в своих горячих ладонях.

— Пошли.

И повел Кузнечика, согревая его пальцы.

Генка послушно, как маленький, шел рядом.

Сережа сказал:

— А ты говоришь: Саша, Саша... Значит, ты сам песни придумываешь?

Сережа вспомнил свой давний сон про знойный враждебный город и убитого мальчишку...

Генка покачал головой.

— Нет, это Саша. А я сегодня первый раз... Если у меня не получится, Саша поможет. Чтобы до конца... Он мне в любом деле помогает.

— Мне бы такого брата,— сказал Сережа.

Генка улыбнулся и доверчиво проговорил:

— Я его как тысячу братьев люблю... Один раз я даже подумал знаешь что? Если бы с Олегом что-нибудь случилось, Саша мог бы стать у нас командиром.

Сережа даже выпустил Генкины ладони.

— С Олегом? А что с ним может случиться?

— Да нет, я так. У Саши и времени нет никогда. Просто они с Олегом чуть-чуть похожи.

— Возьми мои перчатки, они нагретые,— сказал Сережа.— А с Олегом... Ничего с ним случиться не должно.

И он вдруг понял, почему сегодня утром проснулся с тревогой. Из-за Олега. У того слишком часто теперь бывало хмурое и озабоченное лицо.

Несколько дней в отряде ждали неприятностей со стороны домоуправа Сыронисского и его союзников. Но прошла неделя, а все было спокойно. И ребята решили, что «противник» не захотел больше связываться с «Эспадой».

Жизнь потекла, как прежде. По вторникам и пятницам — тренировки, по средам — линейки, по выходным — съемки фильма. В другие дни и утром и вечером «Эспада» жила «просто так»: прибегали те, кто был свободен, а дело всегда находилось.

Все было бы хорошо у Сережи, если бы не этот чертов Димка. Видно, осталась у него обида.

А может быть, Сереже просто казалось?

Дело решил сам Димка (молодец он все-таки!). Он встретил Сережу после занятий в раздевалке, когда рядом никого не было. Встал Димка перед Сережей, как тогда, при первой встрече в лагере, заложил пальцы за белый ремень, слегка наклонил голову к плечу и спросил то ли с досадой, то ли с сочувствием:

— Что ты все время такими глазами смотришь?

Сережа смутился и потому огрызнулся:

— Какими?

— Вот такими.— Димка сложил пальцы колечками — показал, что глаза у Сережи большие и круглые. Помолчал и добавил, не отводя взгляда:— Ведь я же виноват, а не ты.

— Что-то я тебя не понимаю,— сказал Сережа.

В Димкиных глазах мелькнуло возмущение. Сережа почувствовал: хитрить стыдно и бесполезно.

— Если виноват, зачем дуешься?— спросил он.

Димка стал смотреть в сторону.

— Я не дуюсь.

— Ну, злишься... Получается, что мы с тобой поссорились.

— Я не злюсь...

— Ну, обижаешься.

— Не обижаюсь я,— сказал он упрямо.

— Не ври. Я же знаю, что ты тогда обиделся.

Димка крутнул головой и, все так же глядя в сторону, проговорил:

— Это тогда. Сначала...

— Сначала... И потом тоже.

Димка глянул исподлобья, быстро и серьезно.

— Не-а...

— Нисколько? — осторожно спросил Сережа.

— Ну... маленько. А сейчас уже нисколько.

— Правда?

Димка кивнул. Теперь он уже не отводил глаз.

— Ну, тогда... что? — спросил Сережа.

Андрюшка знал, что мушкетеры есть!

*Скакал,
скакал Андрюшка
и все же добрался
до старой Франции.*

— Что? — спросил и Димка. Во взгляде его мелькнула веселая искорка.

— Тогда... значит, мир?

— Ага,— сказал Димка и улыбнулся.

— Ну,— произнес Сережа и протянул руку.

Димка далеко отвел свою ладошку и с размаху вложил ее в Сережину ладонь. Он теперь смотрел совсем открыто и улыбался, как всегда, как раньше. Это был, наконец, обычный Димка. И Сережа ощутил горячий прилив благодарности. Он был готов теперь для Димки сделать все, что угодно: с третьего этажа прыгнуть, в бой кинуться... Хотя виноват-то был все-таки этот обормот Димка, а не он, Сережа. И если Димку угораздит опять опоздать на вахту, не миновать ему новой нахлобучки.

Вместе с Димкой и Кузнечиком они отремонтировали пенопластовый замок. Его нужно было снять на кинопленку в лучах сильных фотоламп, на фоне косматых снежных облаков. Почти в сумерках. На экране зрители увидят красивую белую крепость, в которой укрылся от врагов и ночной непогоды хитроумный кардинал Ришелье. Там он строит козни против трех мушкетеров и их товарища — д'Артаньяна.

...В небольшом городке, на берегу реки, по которой ходили дымные пароходы, жил-был веснушчатый и лохматый мальчик Андрэ. А попросту говоря, восьмилетний Андрюшка. И жилось ему не очень-то весело. Мальчишки дразнили, потому что рыжий, тетушка за каждый пустяк ставила в угол и не давала компота, школьный учитель мосье де Раздолбон придирался и делал в дневнике дурацкие записи.

Однажды Андрюшка обиделся. Не так, как раньше — на минутку, а крепко — навсегда. Он решил бросить дом и уйти в мушкетеры.

Андрюшку долго уговаривали не делать глупостей. И тетка, и учитель, и даже мальчишки, которые осознали свое неправильное поведение, обещали больше не дразнить, а мосье де Раздолбону посадить в портфель живую крысу, чтобы он тоже перевоспитался.

Андрюшка не отменил решения. Напрасно ему говорили, что мушкетеров сейчас и на свете нет, что водились они раньше, в другую эпоху, и даже в других местах. Андрюшка знал, что мушкетеры есть, потому что недавно видел их сам, когда стоял в углу и украдкой поглядывал на экран телевизора.

Андрюшка готовился к походу всерьез. Воткнул в берет большое куриное перо, приделал к старым валенкам отвороты и жестяные шпоры, из толстой проволоки и консервной банки смастерил длинную шпагу. Лошади у Андрюшки не было, и он взял березовую палку, а к ней приделал конскую голову из картона.

— Ну, скачи, скачи,— сказали ему.— Далеко не уедешь, к ужину все равно вернешься. Только людей насмешишь.

И Андрюшка, правда, смешил. Когда проявили первую пленку и запустили кинопроектор, все просто лежали от хохота.

Маленького Андрюшку-д'Артаньяна играл настоящий Андрюшка Гарц. Он был на три года старше своего героя, но это ничуть не мешало. Невысокий, щуплый, в своем дошкольном костюме, из которого не очень даже и вырос, Андрюшка вполне сходил за восьмилетнего. А играл он, как артист. Это все сказали, когда выбирали человека для главной роли. Даже Данилка уступил, хотя сам сначала метил в д'Артаньяны (говорил, что пускай фильм и не цветной, но рыжего должен играть самый рыжий).

На длинной бумажной ленте нарисовали дорогу — с деревьями, каменными горбатыми мостиками, мельницами и старинными островерхими домиками. Эту ленту засняли на кинопленку. А потом на фоне белой стены сняли на ту же пленку скачущего Андрюшку. Это комбинированная съемка. Получилось, что Андрюшка скачет по дороге.

Ну, совершенно невозможно было без смеха смотреть, как лихо несется он на березовой палке-лошади, как взбрыкивает худыми ногами, на которых болтаются валенки со шпорами, как уговаривает своего «коня» перепрыгнуть через канаву, а когда «конь» отказывается наотрез, закидывает палку на плечо и пешком бредет в обход...

Кто хочет, тот добьется: скакал, скакал Андрюшка и все же добрался до старой Франции. Там, в таверне «Жареный петух», он повстречал Атоса, Портоса и Арамиса.

Сначала доблестные мушкетеры не приняли всерьез храброго малыша. Они долго хохотали, когда Андрюшка попросился к ним в товарищи. И было очень смешно, как Андрюшка пытался доказать, что он уже большой, показывая шпагу и шпоры.

Потом стало не только смешно. Андрюшка сделался похожим на маленького, растрепанного, но боевого петушка. Олег снял крупным планом его лицо, и на экране все

Господа мушкетеры убедились, что проволочная шпага — совсем нешуточное оружие.

увидели Андрюшкины глаза. Это были глаза обиженного мальчишки, над которым хватит смеяться. Лучше не надо смеяться. Себе дороже.

Андрюшка с размаху рубанул шпагой по столу и швырнул под ноги мушкетерам берет.

Через полминуты господа мушкетеры убедились, что проволочная шпага — совсем нешуточное оружие. От полного конфуза их спасло только нашествие кардинальского патруля. Вот тут-то мушкетеры и Андрюшка объединились и всыпали гвардейцам!

Когда мушкетеры вручили ему боевую шпагу, все сразу забыли о нелепых Андрюшкиных валенках, о плаще из теткиного платка, о детском бантике у ворота. Было совсем не смешно, было здорово, как он взял и стиснул клинок...

Но это — лишь начало фильма. А впереди еще съемки и съемки. Длинный рассказ о приключениях мушкетеров, Андрюшки и короля.

У семилетнего короля жизнь тоже была не сахар. Кардинал, очень похожий на мосье де Раздолбона, каждый день изводил его длинными лекциями о хорошем поведении, а мамаша-королева, весьма напоминающая Андрюшкину тетку, чуть что — лупила его величество длинным веером и ставила в угол. Там, среди сырости и паутины, висела доска с надписью: «Угол для Его Королевского Величества».

Долго терпел маленький король эти безобразия. Но когда подлый кардинал украл любимую королевскую игрушку — заводной паровоз, терпение Людовика лопнуло. Он тайно позвал мушкетеров и запросил помощи. Вот тогда-то все и началось!

Короля поручили играть маленькому Вадику Воронину, у него это получалось. Генка Кузнечик взял роль Арамиса, Алеша Смирняков — Атоса, а Володя Огоньков — Портоса. Учителя де Раздолбона и коварного кардинала играл один человек — Валерик Воронин. А роль королевы и Андрюшкиной тетки пригласили исполнять Наташу. Кого же еще?

Наташа сначала согласилась. Но тетка и королева получались у нее слишком добрыми.

Сережа сказал Наташе:

— Меня все время воспитываешь, а тут не можешь.

— Тебя — за дело,— огрызнулась Наташа.— А Вадика и Андрюшу жалко.

И вдруг предложил свои услуги вечный неудачник Андрей Ткачук. Тут ему повезло. Едва он напялил длинное платье с оборками, надел жестяную корону и заговорил голосом старой дамы, все поняли — это то, что надо.

— Ваше величество,— поджав губы, произнес Ткачук.— У вас опять порваны штаны! Фи... Пусть ваше величество изволит стать в угол и не выходит, пока мое величество не

соизволит разрешить... а то как дам веером, будешь знать!

Наташа уступила корону и осталась заведовать костюмами.

Сережа тоже не снимался. Ему нравилось возиться с пленками, устанавливать декорации, проводить репетиции схваток между гвардейцами и мушкетерами. А играть кого-нибудь он, по правде говоря, и не решился бы. Стеснялся как-то...

Снимали «Трех мушкетеров» только по воскресеньям. В другие дни было нельзя: ребята учились в разные смены, всех не соберешь. Ждали весенних каникул. А еще больше ждали лета, потому что многие сцены снимать надо было «на натуре» — в саду, который изображал дворцовый парк, и на берегу пруда — будто на берегу моря.

Была у Олега мысль: договориться, чтобы на втором этаже освободили кладовые и помещение отдали ребятам. Там вполне можно было устроить библиотеку, а главное — кинозал.

— Мы бы всех окрестных ребятишек на премьеру «Мушкетеров» собрали,— говорил он.— А потом регулярные киносеансы устроили бы. Мультфильмы у нас есть, могли бы и сами еще что-нибудь снять. И библиотеку для всех открыть можно...

Скоро известие о ребячьем кинотеатре разлетелось по ближним дворам и школам.

Ленька Мосин сообщил:

— Лысый говорит, что его парни будут всех караулить и лупить, кто к нам станет ходить.

— А вы что? — с интересом спросил Олег.

— Мы с Гарцем его три квартала гнали,— объяснил Мосин.— До самого дома. А там его мамаша выскочила. У нее голос, как у динамика на вокзале...

После стычки с домоуправляющим о верхнем этаже перестали мечтать. Но кино можно показывать и в спортзале, а книги держать в «кают-компании».

Однажды уже в марте после удачной съемки Сережа, Генка и Митя остались, чтобы убрать декорации и рефлекторы с фотолампами.

— Если так дело пойдет, в июне кончим, да, Олег? — сказал Сережа.

— Может быть,— откликнулся Олег рассеянно.

— Почему «может быть»? Летних съемок всего на неделю, если каждый день работать.

— Не наделали бы нам в июне бед,— хмуро сказал Олег.— Вчера опять звонил Сыронисский, грозил начать здесь ремонт... Знаю я этот ремонт! Втащат свои столы и устроят контору.

— А мы их не пустим! — сказал Митя. В гвардейском плаще и шляпе с перьями он выглядел очень по-боевому.

— Маляров сюда ни за что нельзя пускать,— поддержал Кузнечик.— Лучше сами все покрасим. Они все стены замажут, а здесь вон сколько нарисовано... Этот Сыронисский — самый главный начальник, что ли?

— Да нет, конечно,—устало сказал Олег.— Просто вредный. А тут еще союзнички у него объявились. Те, которых я на занятия не пустил. Ходят и везде жалуются: «Ах, чем они там занимаются, если даже посмотреть нельзя? Ах, чему их там учат! Ах, мы тогда к окнам подошли, а окна все одеялами завешаны, ни одной дырочки. Скрываются от людей...» Это когда мы с утра пленку просматривали.

— И чего им от нас надо? — спросил Митя.— Даже непонятно.

— Есть такой тип людей — склочники,— в сердцах сказал Олег.— Понять склочника невозможно. Пишет жалобы, шепчет, гадости говорит. Вроде бы и себе никакой пользы, а людям жизнь портит... Ну, Сенцова—та хоть понятно, почему жалуется...

— А что Сенцова? — спросил Сережа.

— Мамаша того самого, которого осенью выставили за трусость, помните?

— Еще бы,— усмехнулся Генка.

Олег досадливо поморщился.

— Не хотел я рассказывать... Ну, ладно. В конце концов это всех нас касается. Дело в том, что эта мама Сенцова никак с той поры не успокоится. Сначала она своего сына в поликлинику потащила: дайте, мол, справку, что мальчика избили. Это когда ты, Сергей, палкой врезал в темном переулке... Ну, в больнице никаких следов избиения не нашли. Тогда она кинулась в милицию. Начала рассказывать, что в «Эспаде» учат запрещенным приемам драки. Иначе, говорит, как мог этот хулиган Каховский отмахаться от троих подростков и свалить взрослого человека... Имейте в виду, не взрослого бандита, а «взрослого человека»...

— Ай-яй-яй, Сережа,— сказал Генка.— Как же это ты. Нехорошо так со взрослыми...

Олег усмехнулся и продолжал:

— В милиции ей говорят: «Правильным там приемам учат. А ваш сын пусть не знакомится с жуликами...» Ну, она еще одну жалобу, более высокому начальству. Дошла до какого-то майора, тот засомневался: а вдруг в «Эспаде» и правда что-то запрещенное? Пришлось мне объяснения давать. Ну, разобрались... А она дальше. Пошла в районо. Есть там инспектор по внешкольным учреждениям. Фамилия у него Стихотворов. Отнесся он к Сенцовой с большим сочувствием... А дело в том, что я в январе на учительской районной конференции выступал и проехался по его работе. Ну, в самом деле — с одной стороны — требует: работайте во дворах, с трудными подростками, с другой — заявляет: двоечников к занятиям в клубах и секциях не допускать! Если хотят заниматься, пусть исправят оценки! А где руководители клубов найдут трудных подростков с пятерками в дневниках? Об этом я его и спросил.

— А кто такие «трудные подростки»? — вмешался Генка.— Мы трудные?

— Труднее некуда,— сказал Олег.— Особенно Каховский. Драку затеял в переулке с целой компанией. А ведь знает, что драться нехорошо.

— Больше не буду,— сказал Сережа.— Ты расскажи дальше про инспектора.

— Вызвал он меня и давай беседовать: «Вот видите, вы других критикуете, а на вас тоже жалуются». Объяснил я ему, кто жалуется и почему. А он опять: «Да, конечно. Однако общественность вами недовольна!» Снова объясняю, что за общественность и почему недовольна. Выслушал он и говорит: «Я понимаю, но...» И после этого «но» опять повторяет все то, про что я ему два раза объяснял. А потом вспомнил Сыронисского: «Вот и домоуправляющий говорит, что ваши мальчики ведут себя вызывающе...» Я ему говорю: «Ведь один из этих мальчиков из-за Сыронисского пострадать мог, даже погибнуть! Мальчик на посту стоял, флаг охранял, а эти люди буквально ворвались в отряд!» А он знаете что? «Кому нужен ваш флаг? Для вас важней всего игрушки, а люди взрослым делом заняты». Дотянулся я тут до телефона и позвонил в райком комсомола. Попал прямо на первого секретаря Володю Самсонова. И говорю: «Объясните товарищу инспектору по внешкольным учреждениям, можно ли считать игрушкой флаг пионерского отряда? И можно ли выкидывать за дверь пионера, который стоит на посту у флага?»

— Он объяснил? — с радостным нетерпением спросил Митя.

— Объяснил. Володя такие вещи объяснять умеет, он сам вожатым был... Но нельзя сказать, что с товарищем Стихотворовым расстались мы друзьями.

— А что он может сделать? — спросил Сережа.

— Кто его знает.

— У нас отряд ничего, не слабенький,— сказал Кузнечик.— Без боя не сдадимся.

— А чего нам сдаваться? Мы же правы,— сказал Митя.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ЕДЕМ, ЕДЕМ МЫ В АРТЕК

**Слова В. ВИКТОРОВА.
Музыка Д. КАБАЛЕВСКОГО.**

Пусть вагон отряду тесен,
Веселее к морю путь,
И побольше звонких песен
Взять с собою не забудь.

Припев: Едем, едем мы на скором,
Распеваем песни хором.
Едем, едем мы на скором
По зеленым коридорам,
Мимо гор и синих рек
Едем, едем мы в Артек.

Нам, вихрастым и курносым,
Уезжать не в первый раз.
И ведут, ведут колеса
Бесконечный свой рассказ.

Припев.

Впереди костры и встречи,
Солнце, ветер и прибой.
Мы волне подставим плечи,
Пусть окатит с головой.

Припев.

Довольно скоро

Пусть ва-гон от-ря-ду те-сен, ве-се-ле-е к мо-рю путь, и по-боль-ше звонких пе-сен взять с со-бо-ю не за-будь. Е-дем, е-дем мы на ско-ром, рас-пе-ва-ем пес-ни хо-ром, е-дем, е-дем мы на ско-ром по зе-ле-ным ко-ри-до-рам, ми-мо гор и си-них рек е-дем, е-дем мы в Ар-тек. (для повторения) Нам вих-// (для окончания) е-дем мы в Ар-тек.

Владимир **ПРИХОДЬКО**

Июль

Росли хлеба, и голубели дали.
И над хлебами бабочки порхали.

И всякий день был жаркий и веселый.
И пахло сеном. И жужжали пчелы.

Они под ярким солнцем золотились,
Садились на цветы и суетились

Меж листьев липы, мёдно-ароматной,
И этой, молодой, и той, громадной.

И, словно пули, улетали в улей
По воздуху, по лугу, по июлю.

Мы попросили пчел:
— Вы не спешите!
Вы про июль нам что-нибудь скажите!
И что же пчелы на лету шепнули?
— В году должно быть несколько июлей...

Грибы

Косят косами грибы,
Даже тары не хватает.
Телеграфные столбы
В голубом тумане тают.

Сколько ты их ни коси,
Вырастают за ночь снова
На лесных буграх Руси
Шапки солнца золотого.

Старых сосен перезвон,
И грибов полна лужайка.
Сон... А может, и не сон...
Байка... Может, и не байка...

Летний вечер

Видно все из моего окошка:
Двор, и сад, и сосны, и лужок.
Солнышко
Уходит понемножку,
Пряча свой петуший гребешок.

Папа скажет:
— В сон ребенка клонит...
— Что ты, папа,
Спать мне не пора.
Просто вечер сел на подоконник
И цветами пахнет со двора.

Шмель

Голос лета тише, глуше...
Еле слышен... И в тоске
Шмель клубком сухого плюша
Умирает на цветке.

Рисунок
И. КРАСУЛИНА.

ГОЛУБАЯ РЫБА

С. РОМАНОВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Речка Хвала бралась из степи и текла по степи, по родной хлебной и полынной земле.

Таня пошла купаться на речку, на омут, и, не доходя его, остановилась. На мели шевелилась толстая темная рыбья спина, а над ней кружились три вороны.

Девочка забежала в воду и подхватила рыбину под бока. Та заворочалась в ее руках, забила хвостом, и мутная вода ходуном заходила вокруг.

— Не бойся меня,— говорила Таня, подталкивая рыбину к омуту.— Чего ты упираешься, как коза?

В омуте рыбина постояла наверху, шевеля плавниками, и ушла в глубину. Правда, большой глубины здесь не было, Тане по шейку, не глубже, но вода была чистая, омут лежал в красных крутых берегах, и в самую жару здесь можно было найти тень. А за омутом опять была мель, воробью по колено.

Чтобы не пугать рыбину, купаться Таня не стала, сполоснула лицо на мели пониже омута и пошла домой. Пересвистывались суслики, в небе плавал орел, цветы и травы выгорели и замерли. Замерли и хлеба, что подступили к Таниной деревне, и пахнуло накаленным воздухом и землей.

Тане хотелось рассказать про рыбину, но дома никого не было — мать уехала в город сдавать экзамены в техникум, а отец работал в поле.

К вечеру девочка отнесла к омуту блюдо вареной картошки, размяла ее, высыпала в воду у зарослей осоки и плакун-травы, сполоснула блюдо и подождала в сторонке, не всплеснется ли, не придет ли кормиться рыбина.

Омут как вымер, и по первым звездам Таня пошла домой.

Отец без рубашки сидел на крыльце. Он до того устал, что не спросил Таню, куда это она ходила с блюдом, и только слабо улыбнулся дочери.

Она села рядом. Крыльцо выходило в степь, и степь отдыхала вместе с отцом и дышала свежо и вольно, и похоже было по степному дыханию, что близко большая вода: река или море. Таня подумала, что это от речки Хвалы и оттого-то степь — это тоже море, только не водяное, а земляное. Но земля несет и в себе самой, и в хлебах, и в травах живейшие, чистейшие соки. Днем они замирают, а ближе к ночи вместе со светлой росой дышат, как море.

— У меня в омуте рыбина живет! — сказала Таня, и сердце у нее заколотилось.— Целый дельфин! Я ее у ворон отбила и картошки ей отнесла. Должна же она есть? Я, может, приручу ее...

Таня говорила и радостно заглядывала в лицо отца, в его смеженные усталостью глаза с короткими белыми ресницами.

— Хорошо,— сказал отец и, не открывая глаз, погладил девочку по голове.— Скоро мать приезжает. Спать пойду.

Встал, покачнулся, ухватился за перила и сказал с удивлением:

— Что это со мной? Ноги не держат... Заработался! Укачало меня на комбайне.

Усталость отца передалась Тане, и ей тоже захотелось спать. Она заснула, едва голова коснулась подушки, а утром ее разбудил отец.

— Дочка,— сказал он,— вчера мы рано легли, и я выспался. Как заново на свет родился! Хочу искупаться на омуте.

— И я с тобой!

Она быстро оделась, вслед за отцом сошла с крыльца в прохладные степные потемки и отчетливо услышала, как разговаривает речка Хвала. У омута отец присел и сделал знак дочери, чтобы и она присела тоже. Они затаились за осокой и за плакун-травой и видели, как воду будто дождь кропит — по ней расходятся кружки от мелкой рыбы. А у берега, где вчера был высыпан корм, раздался

мощный всплеск, и глаза у отца заблестели. Он высунулся из-за осоки, Таня за ним.

В прозрачной воде, повитой паром, она увидела голубую корягу в шевелящихся водорослях и не сразу поняла, что перед ней не коряга, а та самая рыбина, и шевелятся не водоросли, а плавники. Рыбина подбирала остатки картофеля, и маленькие глазки ее были хитрыми и сонными.

— Вот матери-то на рыбник! — негромко сказал отец.

— Зачем? — прошептала Таня.

— Как зачем? — удивился он.— Ты что, мать не любишь?

Она ответила еле слышно:

— Как не люблю. Люблю...

Он распрямился, и голубая молния заметалась по омуту. Отец кричал, как мальчишка, и радовался:

— Под тот берег убежала! Нет, брат, шалишь. Здесь, как в корыте. Отсюда — никуда.

Отец разделся, ежась, зашел в воду до пояса и позвал Таню:

— А ты что не искупаешься?

— Холодно...

Он зажал пальцами ноздри и уши, зажмурил глаза, несколько раз окунулся с головой и, дрожа, вылез на берег.

— Хорошо-оо-оо,— продрожал он.

Плавать отец не умел. Он родился и вырос в степи, где вся-то большая вода — этот омут, и никуда не выезжал по причине всегдашней занятости. Таня тоже родилась и росла в степи, но жилось ей посвободнее, чем отцу: она и в Артеке побывала, у Черного моря пожила и плавала неплохо — только где же здесь плавать, в мелком омуте кружить? Появилась в нем голубая рыба, да и ту не сегодня-завтра поймают на рыбник.

Что делать-то?

— Я сегодня в ночную иду,—сказал отец.— Ночью буду хлеба убирать, при луне. По пшенице, как по реке, золотая дорожка... Отлунье, до чего же оно сверху красиво! Если бы тебе не спать, я бы тебе показал... Я бы тебя прокатил на комбайне! Я бы тебя вместе с мамой прокатил! Она не сегодня-завтра приедет.

Отец ушел на работу, и из-за полынных бугров выкатилась большая красная луна, разгорелась и померкла, и зарницы беззвучно замигали вдали. В степи слышались голоса комбайнов, и были они озабоченные и ровные, словно говорили друг другу:

— Не спим, брат?

— Какой теперь сон! Теперь в прохладе самая работа.

— Как бы дождя не было.

— Работаем пока работается!

Неизвестно, о чем они говорили еще, и Тане казалось, что среди многих голосов она отличает голос отцовского комбайна.

Засыпая, она думала об отце с нежностью и обидой:

«Он хороший и добрый,— думала она.— Он любит меня и маму. И еще он любит свою работу. Как хорошо он рассказывает про отлунье! Только зачем он хочет поймать голубую рыбу и испечь из нее пирог-рыбник? Я уговорю не трогать ее, а если не послушает, перепрячу ее, перенесу в другой омут ниже по течению. Пусть живет хоть одна голубая рыба в нашей речке Хвале. Мама другая, она бы ни за что не тронула голубую рыбу. Она бы вместе со мной носила бы ей еду, смотрела бы на нее и любовалась».

Таня проснулась оттого, что в передней слышались голоса, хлопала дверь, а по крыше и окнам хлестал дождь-проливень. Она выбежала в прихожую и увидела маму и отца.

Мама была в залитом дождем плаще, с которого лилась пахучая дождевая вода и на крашеном полу растекалась. Мама нагнулась и прижалась к Тане круглым, усыпанным дождинками прекрасным лицом.

— Соскучилась! — выдохнула она, и ее дыхание было теплым и чистым, как дыхание степи.

Отец со счастливым лицом, с прилипшими ко лбу волосами помог матери снять плащ, усадил ее на табуретку, открыл дверь в сени, стряхнул там воду с плаща и сказал:

— Наводнение. Хорошо, что хлеб успели убрать. Речка Хвала кипит, полна воды, берега размывает. Убежит наша с тобой, Танюша, рыба...

— Убежит? — не поверила Таня.

— А как же? Сидеть что ли будет на мели? По дождю на большую воду пойдет. А жалко: какой рыбник убежал!

И тряпкой вытирая воду на полу прихожей, сказал маме:

— Вот бы его к твоему приезду, к твоим пятеркам!

— Есть что ли нечего? — улыбнулась мама, и Таня торопливо подтвердила:

— Вот именно!

Отец вытер пол, вымыл руки под водопроводным краном, загремел печной заслонкой.

— Василий,— сказала мама, не поднимаясь с табуретки.— Да ты что? Я хозяйка или ты? Дай я похозяйничаю.

— Сиди, сиди,— отозвался он, гремя ухватом в печи.— Ты, поди, позабыла, где что стоит. Как щи варятся, не помнишь.

— Припоминаю.

— Ну припоминай, припоминай.

Таня слушала их разговор и не могла насмотреться на маму: на ее лицо, на то, как она стряхивает дождинки с волос, и как улыбается, и как прислушивается к дождю-проливню.

А он шумел и шумел, то припадал к дому, то как бы отстранялся от него, и тогда было слышно, как громко, не своим голосом, ревет переполненная влагой малая речка Хвала и торопится, бегом бежит к большой глубокой воде.

На берегах **реки** Мечетки

К. БРУНОВА

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Опытное поле ученической производственной бригады раскинулось по берегам речки Мечетки. Есть у ребят и сад, и пшеничное поле, и кукурузное — здесь они испытывают многие сорта для колхоза. Мы переходим с одного участка на другой, и ребята рассказывают о своей работе.

До самого горизонта зеленым морем колышется пшеница. Здесь работают старшие юннаты. В станице испокон веков передавалось от отца к сыну умение выращивать хлеб. Недаром, видно, район называется Зерноградским. Много лет работали юные опытники с разными сортами пшеницы, придирчиво прикидывали, какой лучше подходит к местным землям:

— Отменный сорт «безостая-1», на весь мир славится. Но не для наших засушливых земель. «Донская остистая» и «ростовчанка» более урожайные для нас.

...Солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь кукурузные джунгли. Здесь того и гляди заблудишься. Трехметровые стебли, и на каждом — не один, а два и даже три початка!

Большого урожая нелегко было добиться. Свое — пусть не очень большое поле — юннаты засевали самыми крупными, самыми отборными семенами. Удобряли, поливали, пропалывали несколько раз за лето. И вот урожай, который удивил даже ученых.

Ребята давно дружат с Азово-Черноморским институтом механизации сельского хозяйства. Мария Алексеевна Скользаева, сотрудница этого института, специально приезжала, чтобы посмотреть на поля юных опытников, порадоваться их успеху. Получили ребята одобрение ученых и

Много дел у юннатов:
и сено убрать до дождя,
и грядки вовремя полить,
и урожай собрать в своем саду.

Сколько радости, когда колос вырос тяжелый, полновесный, а кукуруза ростом никак не меньше трех метров!

по их совету выступили с рефератами на районной научной конференции.

Руководит опытнической работой Зинаида Васильевна Ушакова, учитель биологии. Когда-то она сама была юннаткой, работала на участке. До сих пор помнит она один опыт — юннатам удалось вырастить на одном растении сто восемьдесят помидоров! Этот необыкновенный куст даже

в Москву, на ВДНХ, посылали. Так что в Мечетинской школе давние юннатские традиции — над тем кустом с помидорами тоже долго колдовали.

А однажды агроном колхоза предложил ребятам провести самостоятельный опыт на птицеферме. Нужно было выяснить, как морковь курам помогает. Тогда ребята как раз собрали прекрасный урожай моркови — на двадцать центнеров с гектара больше, чем в колхозе. И эту свою морковку стали добавлять в дневной рацион каждой несушки — по тридцать — сорок граммов. Произошло «чудо»: семьдесят тысяч яиц прибавки дала эта витаминная подкормка! А весь опыт в целом принес колхозу шесть тысяч рублей прибыли.

Почти во всех делах ученической бригады помогают младшие ребята, пятиклассники. Каждое лето младших берут в бригаду, на полевой стан, поручают работу в саду. Бывает, что на прополке овощей пятиклассники обгоняют старших.

— Они секрет знают, как с сорняками бороться, — отшучивались тогда семиклассники.

Каждый год совет дружины подводит итоги опытнической работы и торжественно награждает победителей.

— А как у вас учебный год закончился? — спросили мы у ребят.

— Как закончился? Хорошо. Мы правофланговые!

Ростовская область,
Зерноградский район,
Мечетинская средняя школа.

Сачок не берем!

Июнь — розан-цвет, гнезд месяц, месяц самых длинных дней и самых коротких ночей... В скверах цветет желтая акация, в садах отцветает сирень. Конец весны — начало лета!

В лесу жизнь кипит: птицы у гнезд хлопочут, насекомые в танцах кружатся, цветы все больше солнечного цвета — купальницы, калужницы, лютики. Не пропустить бы всю эту красоту! Не проспать бы восхода солнечного, когда роса на цветах янтарем блестит и птицы так звонко поют свои песни!

Нет, не проспим... Идем сегодня в лес, на луг, на речку... Собаку Ветку с собой не берем: у многих птиц гнезда на земле, а защищаться им нечем. Не вспугнуть бы! Да и у ежихи сейчас маленькие ежата, они совсем без колючек — тоже защиты нет.

Сачок не берем — насекомых сейчас ловить нельзя, их мало, они еще не успели потомство оставить. Одну красавицу бабочку поймаешь — значит, десятки ее будущих дочерей погубишь. А шмелей и ос сейчас не только ловить, но и просто тревожить нельзя. Увидим шмеля — обойдем его сторонкой. Каждый встреченный сейчас шмель — самка, основательница будущей большой семьи. Ведь зимовали-то только одни самки — все рабочие шмели и самцы осенью погибают.

Можем взять с собой небольшое лукошко — на лужайке щавелю соберем. И грибы могут встретиться — сморчки и строчки, наверное, еще кое-где есть да и первые грибы-колосовики должны бы уж появиться. А на солнечных полянках, пожалуй, уже созрели первые ягоды земляники. Возьмем и фотоаппарат, не забудем дневник наблюдений, карандаш. Что-то очень интересное увидим — запишем. На память надейся, а записать не ленись! Натуралисту точность нужна!

Переходим шоссе, пересекаем картофельное поле и попадаем в сосновый бор. Воздух чище, чем в городе, пахнет смолой. Но радости в здешнем лесу мало: почва утоптана частыми посетителями, деревьев мало, корни сосен голые, торчат из-под земли, травы почти нет. Валяются конфетные обертки, коробки от папирос. Ни травы, ни грибов тут быть не может: не могут они расти на такой утоптанной почве. И деревьям здесь тоже жить недолго осталось. Задержимся здесь, соберем бумажки, коробки в яму и сожжем — пусть хоть внешне станет более чистым обреченный этот участок леса...

Дорога становится у́же, переходит в тропинку. И лес хорошеет: сосны высокие, стройные. Много света. Сильнее пахнет смолой. Сосновый лес дезинфицирует воздух. Сосна испаряет особые летучие вещества — терпены, которые убивают болезнетворных микробов в лесу и даже в его окрестностях.

А вот и кустики черники! Уже цветут, и даже кое-где есть зеленые ягодки. Должен быть хорошим урожай ягод!

Под сосной большой муравейник! Но что это?! На муравейнике бутылка лежит и какие-то прутики. Муравьишки силятся все это стащить вниз. Поможем им — прутики бросим в яму, бутылку возьмем с собой: в лесу опасно стекло оставлять, зайчата и лисята поранить лапы могут. Рядом с муравейником лежат увядшие кустики черники... Хороши же были «друзья природы», которые побывали здесь. Им, наверное, и невдомек, что кустик черники живет и плодоносит триста лет! И дети и внуки этих «друзей природы» могли бы лакомиться ягодами с тех кустиков...

Выходим на большую поляну. Это луг, весь в цветах — цветет хохлатка, гусиный лук, иван-да-марья, луговая гвоздика, дикая морковь, луговая герань, много красного клевера. Значит, луг в добром здоровье: шмели, бабочки, пчелы, осы прошлым ле-

Рисунок А. БОРИСОВА.

том опылили растения, дождевые черви и рыжие муравьи тоже хорошо поработали — разрыхлили и удобрили землю. Дождевые черви как бы вспахивают почву на глубину до метра и более да еще втаскивают в свои норки листья и травинки, удобряют ее.

А вот в низинке цветет дрёма — кукушкин цвет или кукушкины слезки. На стебле и правда будто слеза или слюнка — это спряталась, как в домике, слабенькая личинка пенницы-слюнявицы, крохотного насекомого. Без этой защитной капли личинка мгновенно погибает. Дрёма на нее не в обиде — пусть живет!

Не будем трогать ни одного цветка! Они так ярки, красивы. Пусть цветут, пусть созреют и опустятся на землю их семена.

Выходим на опушку леса. Здесь, на пригорке, можно собрать немного щавеля — он быстро разрастается и мешает расти другим травам...

Сложный это организм — лес! Все, от крохотной былинки до многолетнего великана дуба, знает свое место и свое назначение. И как легко нарушить эту целостность! Вот, например, стоит собрать все грибы, уничтожить грибницу — и лес заболеет, потому что деревья и грибы нужны друг другу. Гриб питается веществами, выделяемыми корнями деревьев, и дерево тоже получает от гриба нужные ему вещества и витамины.

Некоторые растения вообще не могут жить без грибов. Например, орхидея. Если встретим в лесу любку, эту прелестную ночную красавицу, — нашу среднерусскую орхидею, обязательно отметим в дневнике, в каком участке леса ее встретили, среди каких растений. Рвать нельзя: это очень редкое растение. Лет тридцать назад их еще видели в Подмосковье, а теперь их там нет и, наверное, никогда не будет... Может быть, еще и потому, что и грибов в подмосковных лесах стало меньше.

Ничего нельзя нарушать в лесу! На лугу, на опушке, в дремучем бору столетиями складывались свои сообщества — деревья, травы, грибы, нужные друг другу.

Наша с вами, ребята, главная задача — все это понять и не стараться как-то изменить.

Идите в лес, но не берите с собой сачков, морилок, даже гербарных сеток. Оставьте дома своего четвероногого друга — собаку. Не ходите гурьбой, идите по двое, трое. Старайтесь тише говорить, чтобы больше увидеть, услышать и, конечно, не нарушить лесную жизнь.

Запишите в дневниках, сколько видели муравейников, в каком они состоянии. Очистите их от мусора. Соберите разбросанные в лесу бумажки, консервные банки, старые сучья. Увидите плачущую березку — залепите глиной рану. Клеточный сок для березы, что для нас кровь. Никогда не ловите и не берите домой зайчат, ежат, птенцов. Дома они у вас погибнут, а в лесу у них всегда найдутся помощники!

Запишите названия всех цветущих растений, которые видели во время прогулки. Если умеете рисовать, можно взять с собой альбом и цветные карандаши. Не знаешь названия цветка — нарисуй его и спроси у взрослых или посмотри в библиотеке в определителе.

И еще, больше читайте хороших книг, таких, как «Жизнь леса» С. И. Огнева.

Н. НОСКОВА, биолог.

ВСЕМ, КТО ВЕДЕТ КРАСНУЮ ТЕТРАДКУ

Открывайте в своих тетрадках те странички, о которых мы писали в № 4 «Пионера». Присылайте свои наблюдения на «Страничку берендеев», «Птичью страничку», «Ежиную» и другие.

Обязательно должна быть в твоей Красной тетрадке «Муравьиная страничка»! Запиши, сколько муравейников и где ты увидел, в каком они были состоянии, чем ты помог труженикам леса.

ФОТОКОНКУРС «РОДНАЯ ПРИРОДА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

По просьбе ребят фотоконкурс продолжен до 1 января 1976 года. Размер фотоснимков 18×24 и крупнее. Ждем, что активное участие в конкурсе примут фотокружки!

Тем, кому удастся хорошо снять птицу или какое-нибудь лесное животное, особая премия!

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Помоги медведю

Полюбуйтесь на пингвина,
У него своя машина!
А медведь в тоске-печали —
У него одни детали!
Я прошу прислать ответ:
Все детали или нет?

Живживка.

Где сапоги?

Плачут друзья и ликуют враги:
Кот в сапогах потерял сапоги.
Утром и с левой и с правой ноги
Делал он только простые шаги.
Все это фокусы Бабы-Яги,
Тайные чары ее кочерги.
Ты непременно коту помоги:
Вот колокольчик со старой дуги,
Пальцем дотронься — динь-дон! — и тогда
Где сапоги, ты найдешь без труда.

Что говорит сороконожка

Сороконожка бедная
Твердила всю дорогу:
— Тринадцатая левая!
. . . .

Последняя строчка этого стихотворения рассыпалась. Попробуйте ее собрать из таких букв: И, И, И, И, О, У, У, В, Г, Г, Д, Д, Н, М, Р, С.

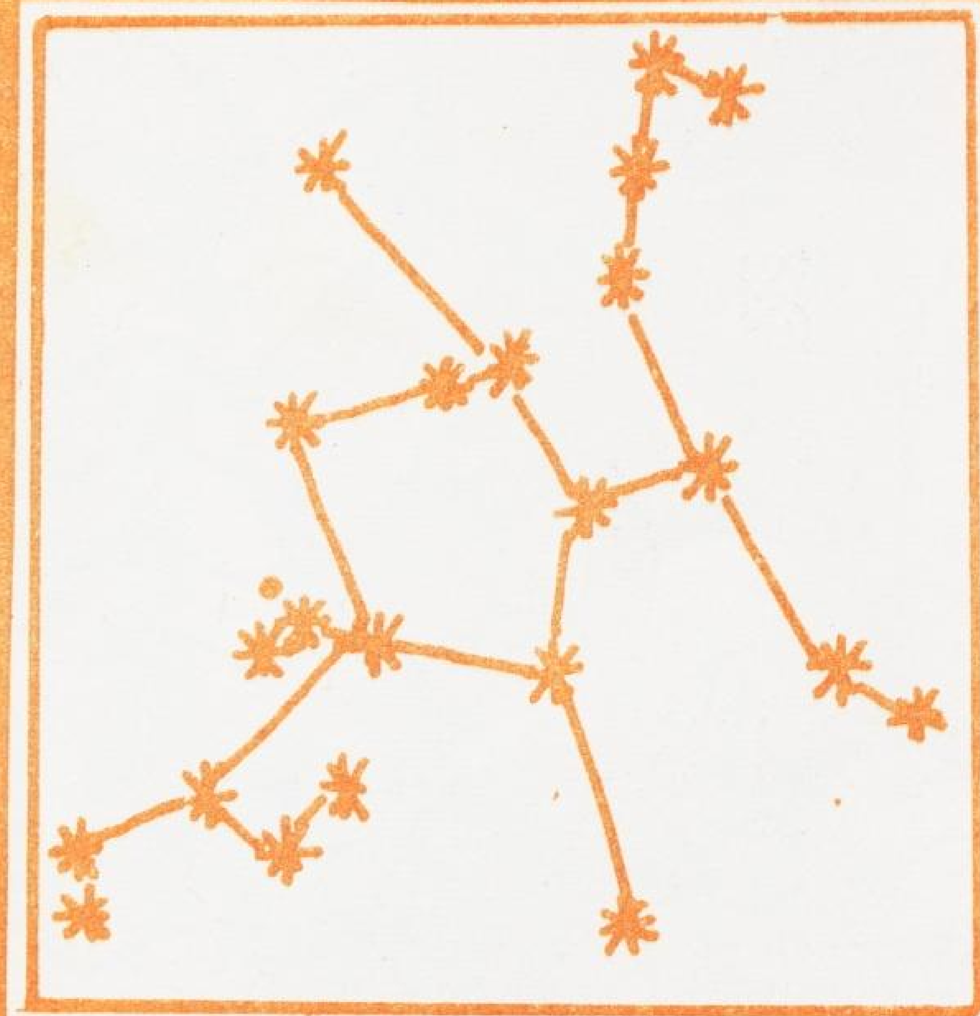
Поймай кита в небе

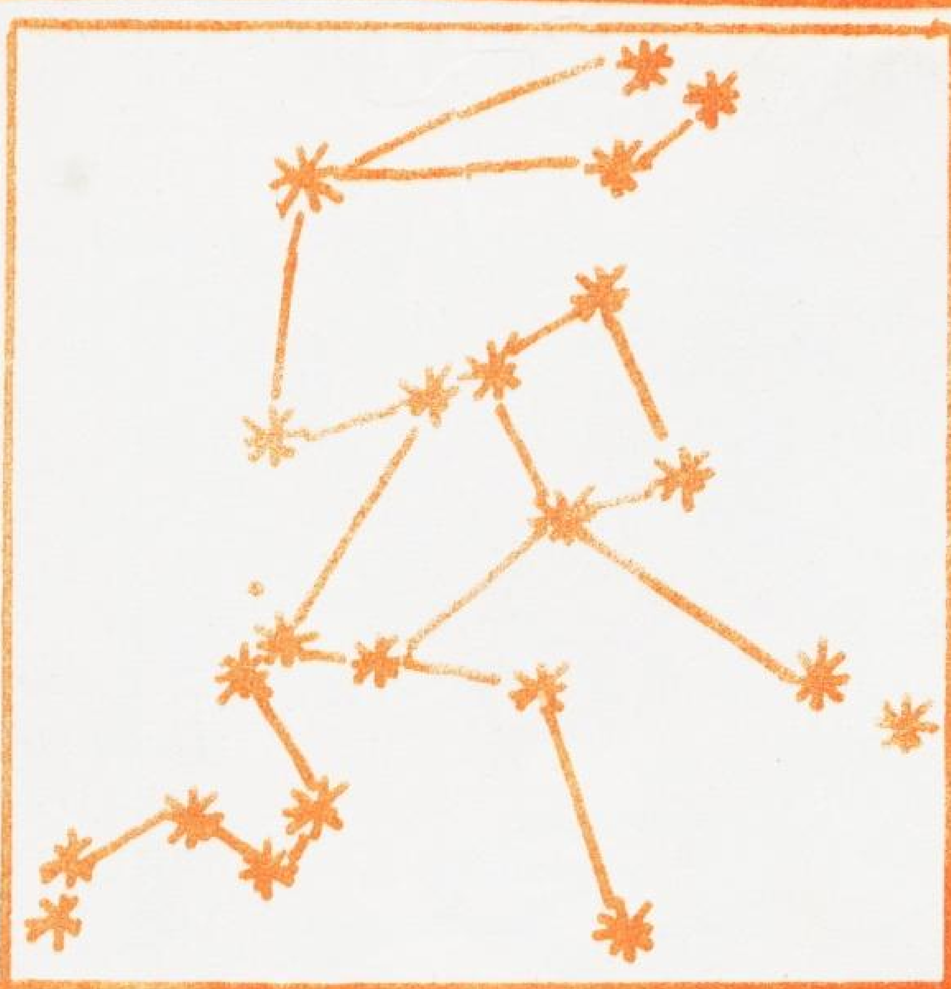

На небе звезд различных масса,
Но здесь на марке перед вами
Одно созвездие Пегаса
Блестит далекими огнями.
А в небольшом квадрате слева,
Неладно скроен, крепко сшит,—
По всей широкой глади неба
Раскинулся могучий Кит.

Тебе предложено в задаче
(рисунок после нам пришлешь),
Кита скроить совсем иначе,
Чтоб на кита он был похож!
И хвост, и рот, и нос, и даже
На глаз уйдет одна звезда!
Пусть, увидав, воскликнет каждый:
— Вот это кит! Вот это да!

ПРИМЕЧАНИЕ ЖИВЖИВКИ: Я потерял не больше пяти минут на то, чтобы соединить звезды прямыми линиями, и у меня получился кит.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

Игры Деда Буквоеда

Обезьяны и бананы

На подносе 84 банана, слону досталось двадцать штук.

Капитан Перо ищет помощника

Когда сбор карандашей?

В записке карандашей написано: «Завтра в десять!» Вот как ее расшифровать:

$$\begin{array}{ccccc} 344 & + & 218 & = & 562 \\ + & & - & & + \\ 512 & - & 114 & = & 398 \\ \hline 856 & + & 104 & = & 960 \end{array}$$

Игры Лупы и Пинцета

Все на поиски снежного человека

Марку Камбоджи надо перевести в квадрат № 9.

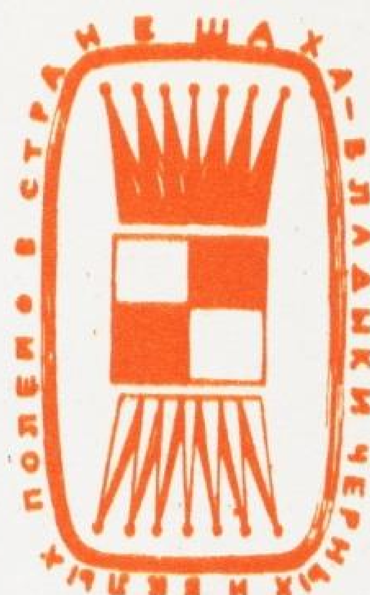
Опять двадцать пять

СПАСИБО всем ребятам, приславшим рисунки фигурок, которые они сложили из спичек.

Живживка.

Шахматные короли

В своих письмах ребята просят Пешкина рассказать о соревнованиях на первенство мира и о победителях этих соревнований.

Сегодня Пешкин отвечает на эти письма.

Великий узбекский поэт Алишер Навои, живший в XV веке, сказал, что шахматы — «это благородная вражда, вражда-соревнование, игра заканчивается, и от вражды не остается и следа».

Уже пятнадцать столетий люди играют в шахматы, и всегда и во всех странах были свои ценители и чемпионы.

И в далеком прошлом были замечательные мастера, но международной игрой шахматы стали в 1851 году, когда был проведен в Лондоне первый международный турнир.

В 1886 году состоялся матч между победителями ряда международных соревнований — Вильгельмом Стейницем и Иоганном Цукертортом. Матч проходил в Америке, в городах Нью-Йорке, Сан-Луи и Нью-Орлеане и закончился победой Стейница. Так крупнейший теоретик шахмат Стейниц завоевал звание чемпиона мира. Ему в то время было пятьдесят лет.

Все вы, ребята, конечно, знаете, что такое демонстрационная доска. Впервые она появилась на матче Стейниц—Цукерторт, и газеты сообщали о ней как об очень интересной новинке.

Как проводились в то время матчи на мировое первенство?

Чемпион мира сам называл своих соперников и договаривался с ними об условиях игры. Стейниц действовал по-рыцарски благородно: сам вызвал на поединок русского мастера М. Чигорина, самого сильного своего противника. Стейниц отстаивал свой титул до 1894 года, когда проиграл матч Эммануилу Ласкеру.

Эммануил Ласкер был доктором философии, профессором математики, литератором и драматургом.

ЧЕМПИОНЫ МИРА:

ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ: «Шахматы не для людей, слабых духом. Они трудны и требуют неустанной работы».

ЭММАНУИЛ ЛАСКЕР: «Исследования в шахматной игре касаются, к счастью, проблем, которые далеко не решены... Игра, в которой все ясно, теряет интерес к себе».

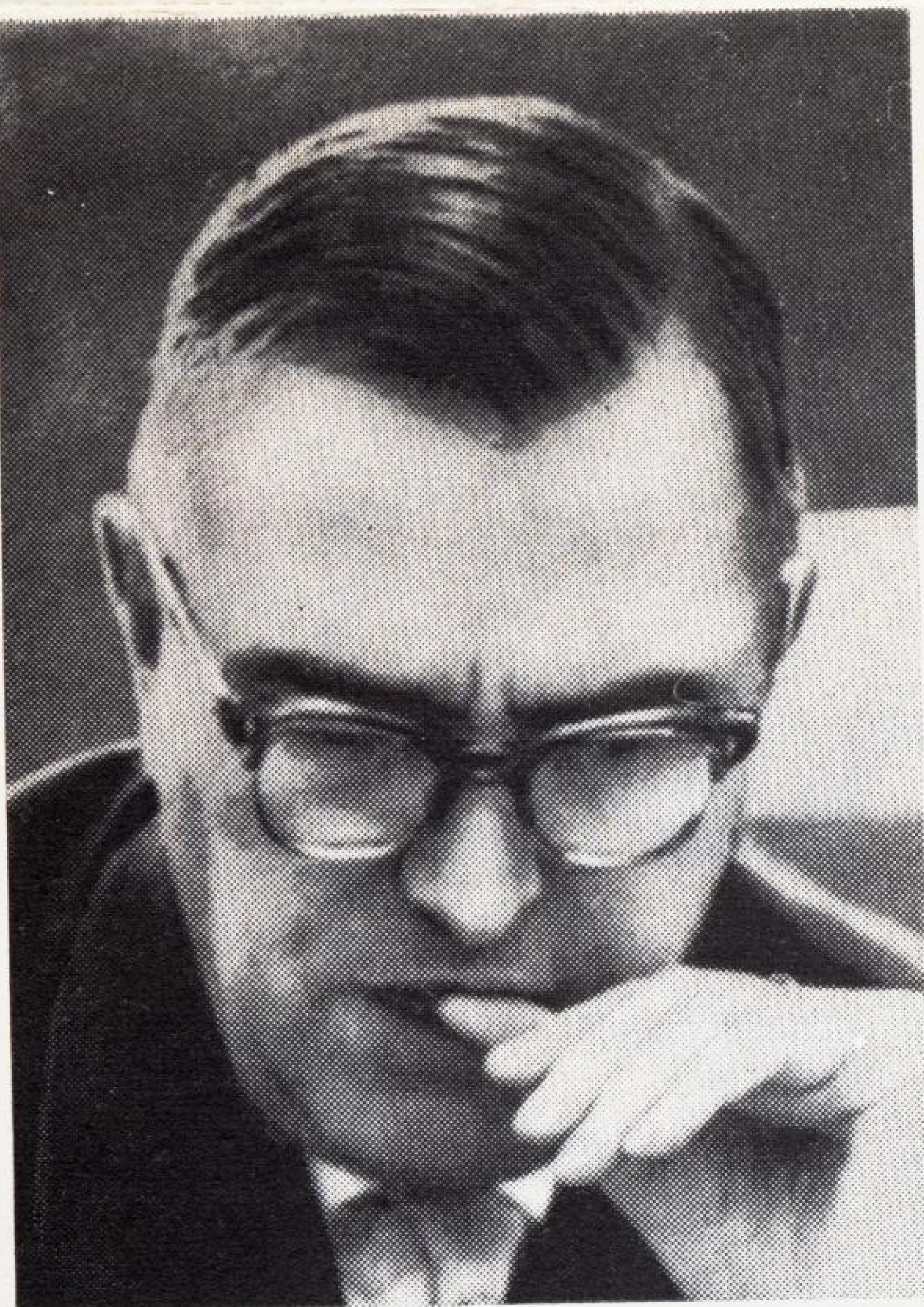

ХОСЕ РАУЛЬ КАПАБЛАНКА: «Большинство шахматистов не любят проигрывать и считают проигрыш чем-то позорным. Это ложный взгляд. Те, кто хочет совершенствоваться, должны смотреть на свои проигрыши как на урок и учиться по ним, чего избегать в будущем».

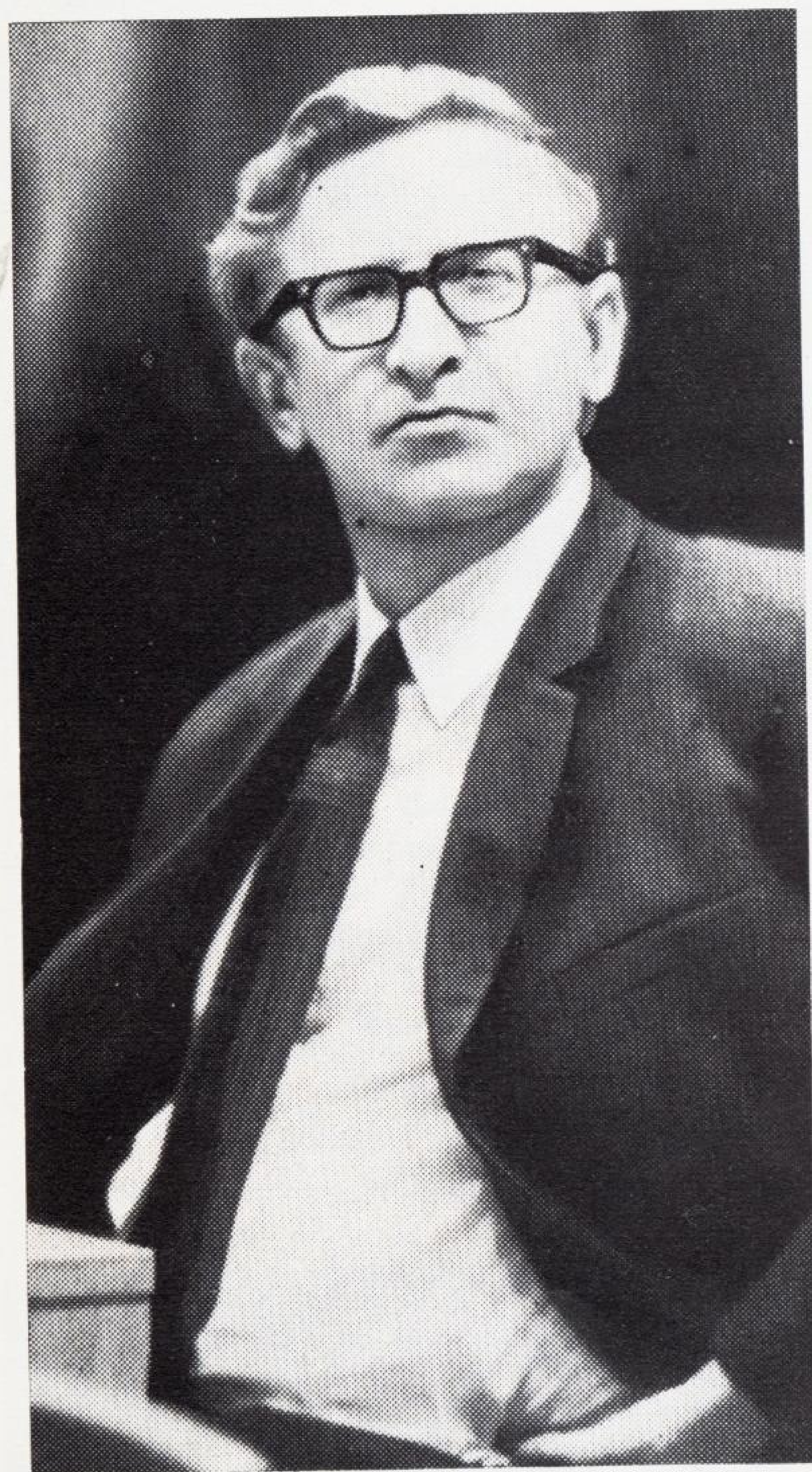

АЛЕКСАНДР АЛЕХИН: «Для меня шахматы не игра, а искусство».

МАКС ЭЙВЕ: «Штудирование шахматных учебников прокладывает лишь те пути, по которым надо научиться мыслить самостоятельно».

«Я уважаю Ласкера»,— говорил великий ученый Альберт Эйнштейн. Уважал чемпиона и весь шахматный мир.

Третьим чемпионом мира стал победивший Ласкера в 1921 году кубинский дипломат Хосе Рауль Капабланка. Он научился играть в шахматы в детстве. Пятилетний шахматист храбро вступал в единоборство со взрослыми мастерами, десятилетний мальчик стал чемпионом Кубы.

«Игра Капабланки,— писал после матча Ласкер,— поражает своей логичностью. Она результат упорного самосовершенствования, это выкованная целесообразность».

Многие считали Капабланку непобедимым. До тех пор, пока в 1927 году русский гроссмейстер Александр Алехин не выиграл у него матч.

Александр Алехин оставался чемпионом мира много лет. Только один матч он проиграл с минимальным счетом голландцу Максу Эйве. Произошло это в 1935 году. Но через два года Алехин вернул свое почетное звание, разгромив Эйве. Алехин был чемпионом мира до самой смерти. Умер он в 1946 году.

Алехин умер непобежденным. Был проведен матч-турнир сильнейших гроссмейстеров, претендентов на шахматную корону».

Турнир, состоявшийся в 1948 году, закончился уверенной победой советского гроссмейстера Михаила

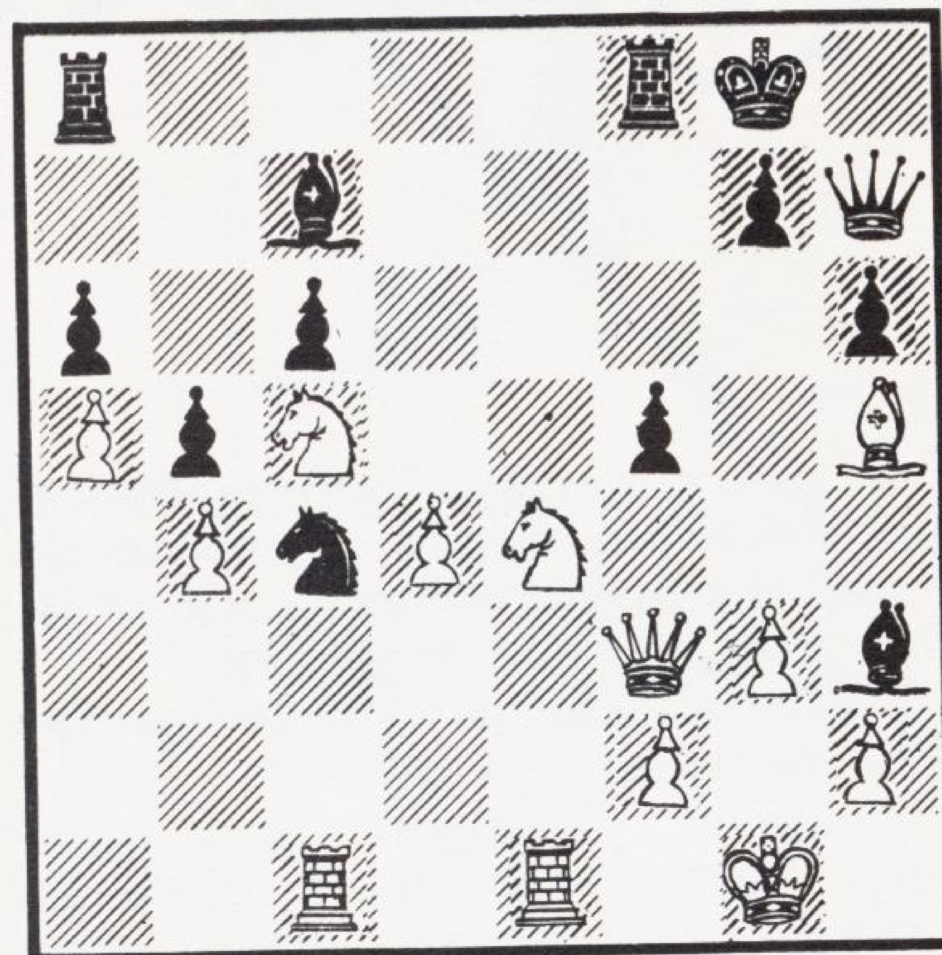

Диаграмма № 1

Ботвинника. Он стал шестым чемпионом мира.

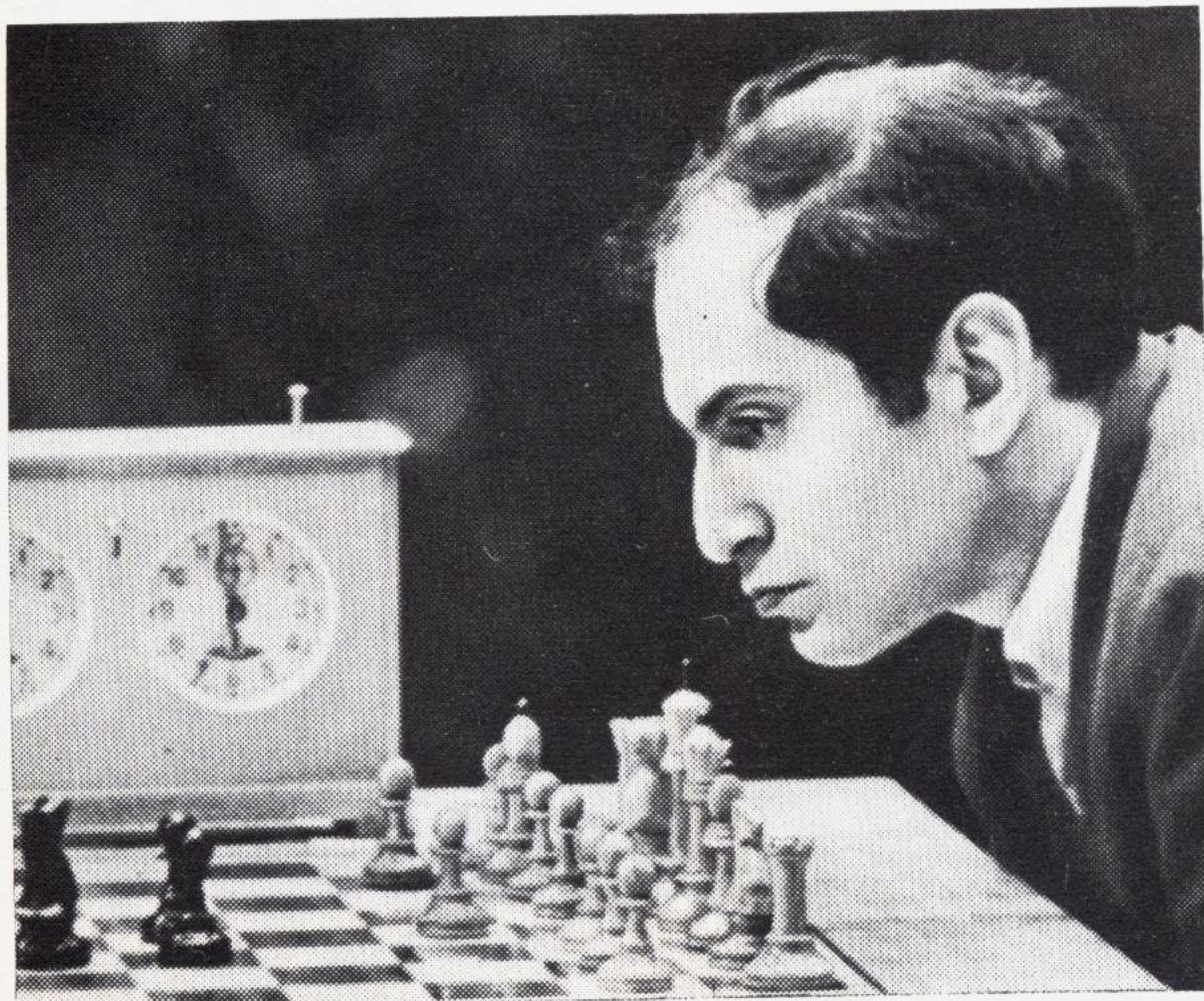
С 1948 года до 1972 года чемпионами мира были советские шахматисты: Михаил Ботвинник, Василий Смыслов, Михаил Таль, Тигран Петросян, Борис Спасский. Дольше всех — тринадцать лет — почетный титул удерживал доктор технических наук Михаил Ботвинник.

В 1972 году Борис Спасский проиграл матч на мировое первенство талантливому американскому шахматисту Роберту Джеймсу Фишеру. В этом году чемпиону мира предстояло встретиться с выдающимся советским шахматистом Анатолием Карповым. Однако Фишер, нарушая законы спортивной этики, потребо-

ЧЕМПИОНЫ МИРА:

ВАСИЛИЙ СМЫСЛОВ: «Надо стремиться к широте шахматных воззрений, к поискам таких путей, которые могут двигать шахматы вперед».

МИХАИЛ БОТВИННИК: «Никогда в истории еще не изучали шахматы столь серьезно, не играли с такой энергией, как играют сейчас советские мастера. Для нас шахматы — сама творческая жизнь».

МИХАИЛ ТАЛЬ: «Каждый шахматист — кузнец своего турнирного счастья».

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

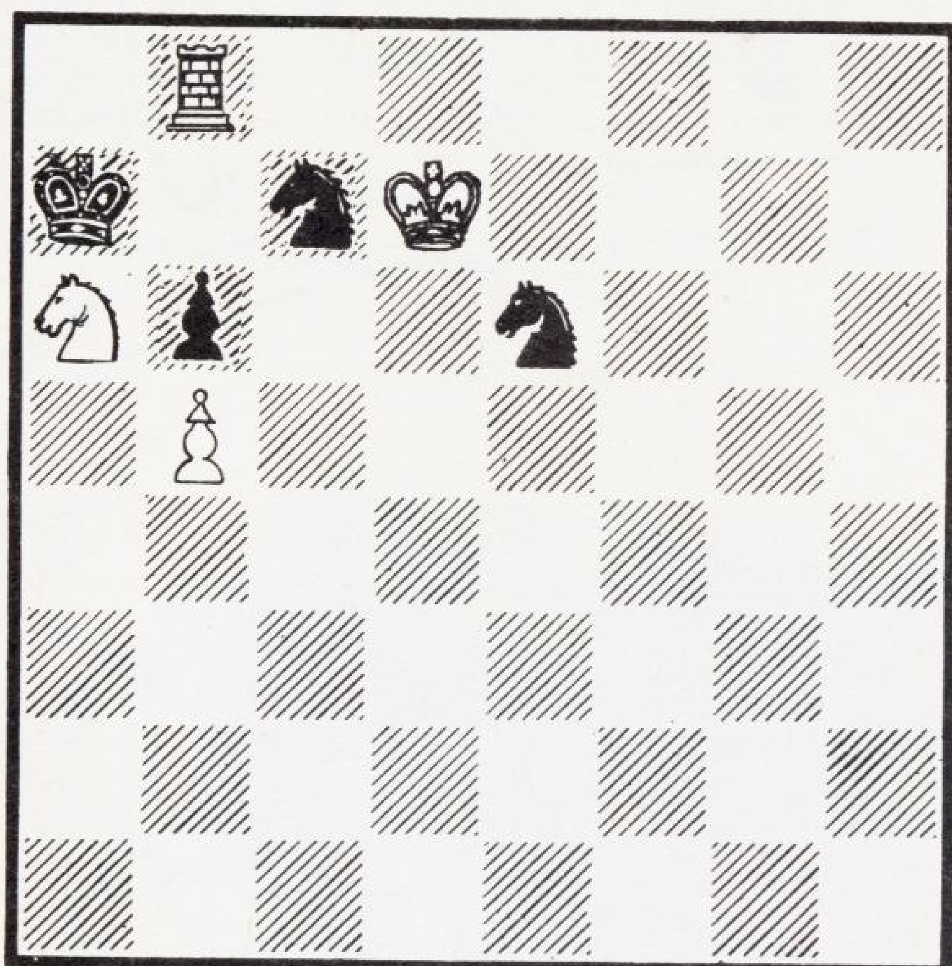

Диаграмма № 2

вал выгодных для себя и неблагоприятных для Карпова условий проведения матча на первенство мира.

Поведение Фишера вызвало осуждение любителей шахмат во всем мире.

И все же Р. Фишер уклонился от матча с А. Карповым. Международная шахматная федерация присвоила звание чемпиона мира выдающемуся советскому гроссмейстеру.

Двенадцатый чемпион мира ленинградский студент, член ЦК ВЛКСМ Анатолий Карпов родился в 1951 году. В девятилетнем возрасте он уже был шахматистом первого разряда, а девятнадцати лет стал международным гроссмейстером.

ИГРАЕТ АНАТОЛИЙ КАРПОВ

На пути к поединку за «шахматную корону» мира А. Карпов одержал ряд блестящих побед. В 1974 году он выиграл матчи у гроссмейстеров Л. Полугаевского, В. Корчного и экс-чемпиона мира Б. Спасского.

(Диаграмма № 1)

К этой позиции пришла последняя, десятая, партия матча Карпов — Спасский. В лагере черных много слабостей, и Карпов превосходно провел решительное наступление.

26. Ке4—с3! g7—g6. 27. Фf3 : с6 g6 : h5. 28. Кс3 — d5.

Белые пожертвовали фигуру, но завладели всеми важнейшими пунктами.

28... f5—f4. 29. Ле1 — е7. Фh7—f5. Или 29... fg. 30. Kf6 + + Л : f6. 31. Ф : a8 + Лf8. 32. Ф : f8 + Кр : f8. 33. Л : h7 и т. д. 30. Ле7 : с7. Ла8—е8. 31. Фс6 : h6 Лf8—f7. 32. Лс7—f7. Kpg8—f7. 33. Фh6 — f4 Ле8 — е2. 34. Фf4 — — с7 + Kpf7 — f8. 35. Kd5 — f4. Черные сдались.

А. КАРПОВ: «Шахматы — это моя жизнь».

КОНКУРС ПЕШКИНА

Проверьте ваши решения, ребята. Задачи из журнала № 1 решаются так.

Двухходовка: 1. Kpf2!

Трехходовка: 1. Kpd3. Kpf7. 2. Фf2 и т. д., или 1... Kph7 2. Фh1.

Около тысячи юных любителей шахмат включились в заочное соревнование Пешкина. Судейская коллегия особо отмечает удачные решения **Володи Мицуры** (г. Юхнов, Калужская обл.), **Александра Гришаева** (с. Ратчино, Липецкая обл.), **Володи Крутова** (г. Кольчугино, Владимирская обл.), **Вовы Синицына** (Свердловск) и **Ромы Озерова** (Рыбинск).

Конкурс продолжается. Пешкин предлагает необычную позицию.

(Диаграмма № 2)

К этому положению пришла одна из партий, сыгранных чемпионами мира Эм. Ласкером **и** Х. Р. Капабланкой.

Сейчас ход белых, и Капабланка добился победы.

Как белые выиграли?

Пешкин ждет ваших решений, друзья!

ТИГРАН ПЕТРОСЯН: «Недостижимый идеал в шахматах — играть без ошибок. Именно стремление играть безошибочно больше всего привлекает к этой игре».

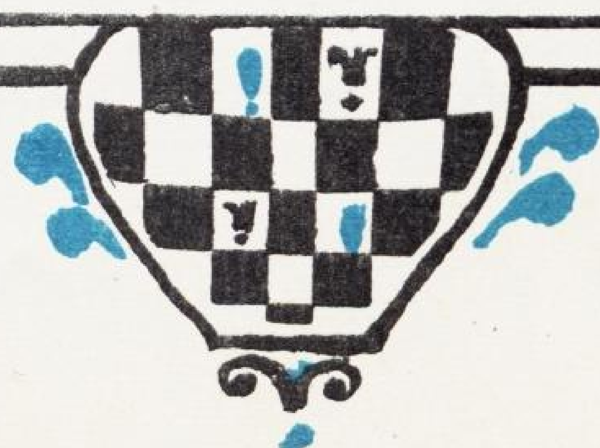

БОРИС СПАССКИЙ: «Меня увлекают неизведанность, неисчерпаемое богатство возможностей, процесс созидания, который сопровождает шахматное творчество».

РОБЕРТ ФИШЕР: «Шахматы, несомненно, искусство, но над этим я не задумывался».

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/III 1975 г. А 00830. Подписано к печати 30/IV 1975 г. Формат 84×60⅛. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 565 000 экз. Изд. № 1231. Заказ № 461.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ИЮНЬСКАЯ ЭКСПРЕСС-ТЕЛЕГРАММА

«Прилететь не могу. Экзаменационные практические занятия продлены на две недели. Просьбу выполняю. Вот вам и платье и прически. Это платье можно сшить из джинсовой ткани любого цвета. На светлой ткани лучше вышивать более темными нитками, на темной — яркими и контрастными. Вышивать вы умеете и тамбурным и владимирским швом. Выбирайте любой и вышивайте уверенно. Лёка, не забудь, ты слишком сильно натягиваешь нитку и вышивку стягиваешь, поэтому ткань у вышивки морщит. А Марина, наоборот, нитку не натягивает, и стежки получаются разными. Вышивайте ровно и не спеша. Лучше вышить платье за неделю и красиво, чем за один вечер кое-как.

Это платье можно сшить и из ситца, сатина, тогда вышивка не нужна.

ПЛАТЬЕ

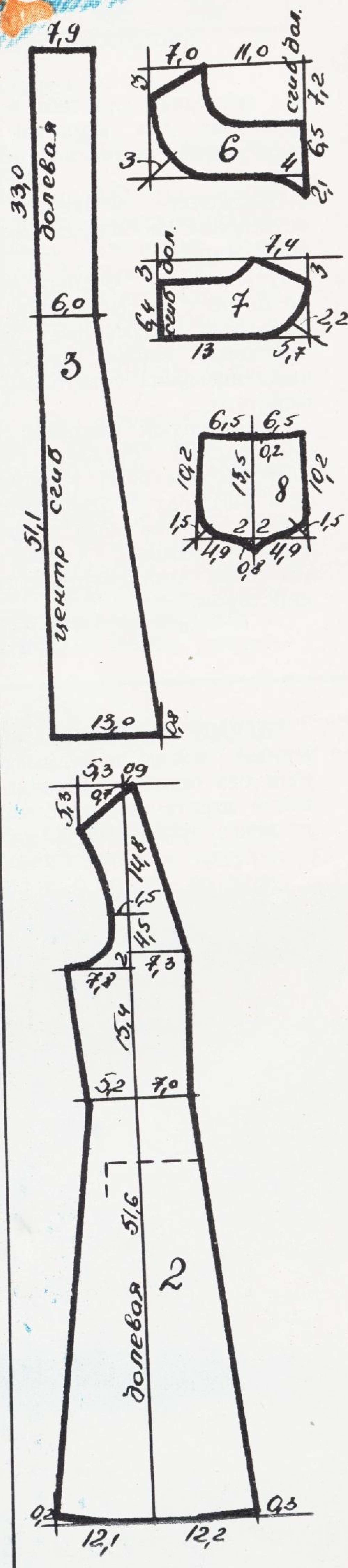
Чертеж (выкройку) в натуральную величину построить на миллиметровке или на гладкой бумаге. Припуски на швы на чертеже не указаны, поэтому при раскрое следует прибавить на подшивку низа платья 6 сантиметров, на открытые срезы швов 2 сантиметра, на скрытые — 0,7 сантиметра.

Общее правило: прежде чем приступать к раскрою, надо продекатировать ткань, прогладив ее через мокрую хлопчатобумажную тряпку или марлю.

Потом складываем ткань по долевой нитке так, чтобы ширина сложенной ткани была 70 сантиметров. **Все детали кроя раскладываем по долевой нити.**

Размер 42, длина по спинке — 87 сантиметров, объем бедер — 91 сантиметр, груди — 84 сантиметра.

Расход ткани при ширине 140 сантиметров — 1 метр 70 сантиметров.

Детали

1—2, перед и бочок переда, по 2 детали.

3—4 — спинка и бочок спинки, по 2 детали.

5 — клин юбки «годе», 6 деталей.

6 — обтачка горловины переда, 1 деталь в сгиб.

7 — обтачка горловины спинки, 1 деталь в сгиб.

8 — карман, 2 детали.

Раскладываем ткань, обводим мелом контуры деталей и осторожно разрезаем ткань, оставляя припуски на швы.

Отмечаем ниткой линии центра переда и спинки. Сметываем рельефы, вставляя клинья «годе».

После примерки сострачиваем швы, обметываем их, отутюживаем. Швы юбки заутюживаем «на ребро».

Сострачиваем плечевые швы обтачки горловины, отделываем горловину обтачкой, отвернув ее на лицевую сторону. Закрепляем машинной строчкой.

Переводим рисунок вышивки на середину передней части обтачки и на карманы. **Рисунок на обтачке вышиваем, когда все швы уже обработаны,** а на карманах, когда они обработаны, но еще не пришиты к платью.

Второй вариант: вышить можно горловину и клинья «годе», а платье сделать без карманов, но с пояском.

Гладить любую вышивку надо на мягкой плоской подушке.

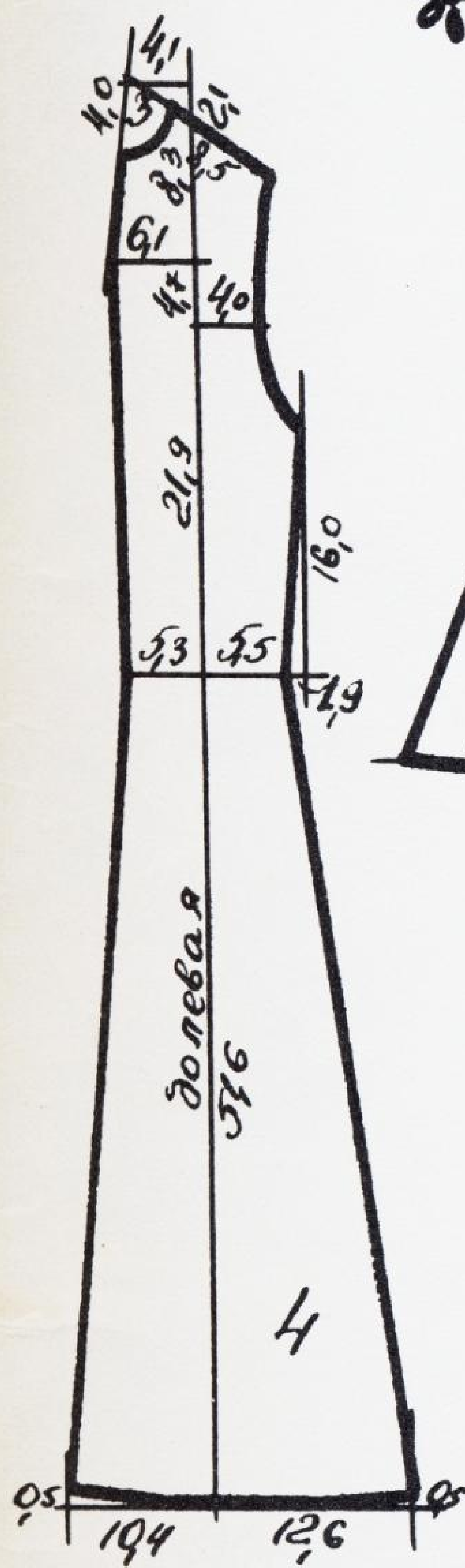
Я знаю, что многие ваши подружки мучаются из-за своих волос. У кого-то они прямые, а хочется, чтобы были кудрявые, у кого-то короткие, а хочется, чтобы за две недели выросли косы; у кого хорошие косы, хочется короткую стрижку, а мама, конечно, не разрешает (и правильно делает, потому что знает, как трудно растить косы и как это по-настоящему красиво). Тому, у кого светлые волосы, хочется, чтобы были темные, а темноволосым хочется быть светлее.

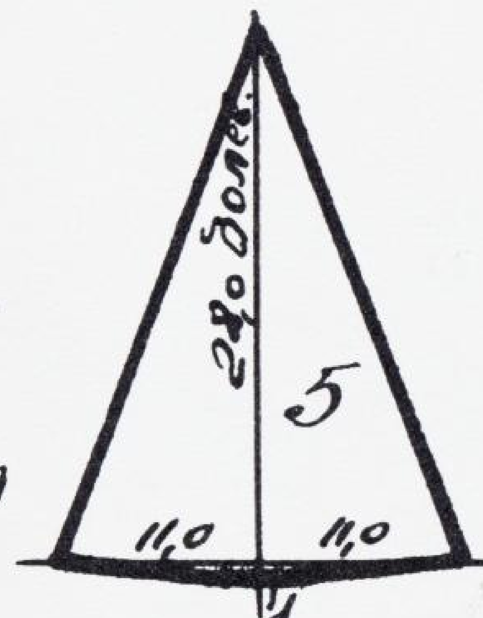
Это «муки» придуманные.

Настоящее беспокойство вызывают жалобы на то, что волосы секутся, выпадают или косы — уж такие крысиные хвостики, что и косами не назовешь, а мама не разрешает стричь (в данном случае напрасно, короткая стрижка может помочь, волосы отдохнут и будут лучше расти).

Если очень плохие волосы, лучше всего обратиться к врачу-дерматологу. Болезней волос много, и заочно их нельзя вылечить так же, скажем, как перелом ноги нельзя вылечить, смазывая ногу йодом.

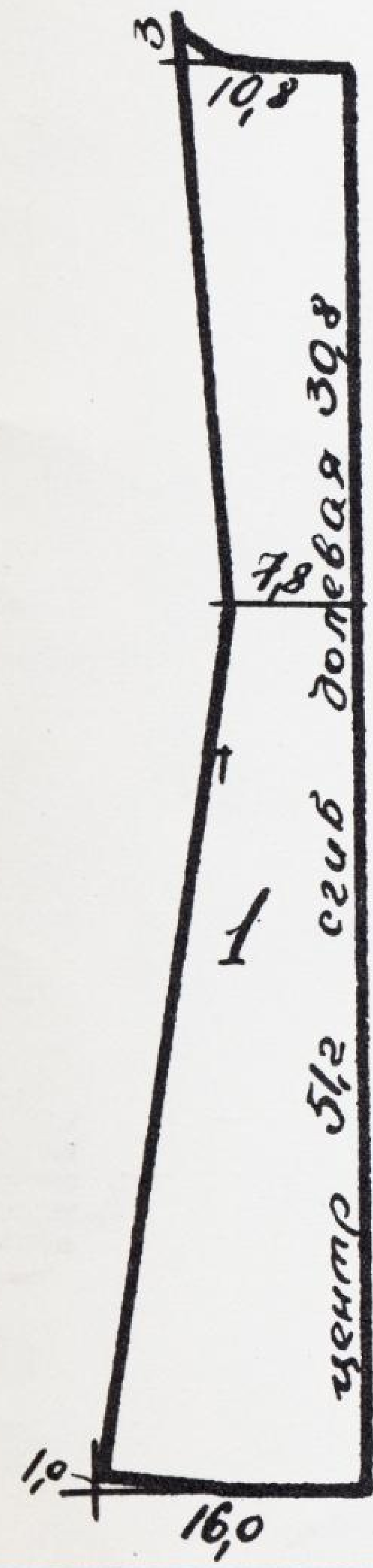
Здесь несколько причесок для волос разной длины.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.